

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 2, 2024**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Горбунова Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Кашливик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семенов Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ниженва Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширнинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 2, 2024**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Nadezda N. Menshakova** – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birsik, Bashkir State University (Birsik Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)**Natalia V. Gorbunova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky)**Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)**Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Kashlyavik** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Olga G. Sidorova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Liliya F. Khabibullina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	6
<i>Белоусова А. В.</i> БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	6
<i>Фомичева Я. А.</i> КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ.....	12
<i>Аверина А. В.</i> СЕМАНТИКА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДАТЕЛЬНОМ СУБЪЕКТА И ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	20
<i>Невельсон Е. Ю.</i> ГЕНЕЗИС И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТИ.....	28
<i>Соболева Л. А.</i> ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И КОНФЛИКТОЛОГИИ.....	33
<i>Сунь Цзяо</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЭНЬЮЙ.....	42
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	49
<i>Хорошева Н. В.</i> АРГОТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА.....	49
<i>Меньшакова Н. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В СТАТЬЕ X. SEVILLA MUÑOZ "THE VARIATION IN THE PAREMIAS OF THE SPANISH OF SPAIN AND MEXICO"	57
<i>Шутемова Н. В., Воловей А. М.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РИТМА ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО В АВТОПЕРЕВОДАХ.....	63
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	69
<i>Архипова И. В., Налобина Е. П.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИХ «ПРИЗНАКОВАЯ» ПРИРОДА.....	69
<i>Ивонина М. Ю.</i> НЕФИНИТНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ТАКСИСА В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ	75
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	83
<i>Ивашкевич И. Н.</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕКСЕМ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ	83
ДИСКУРСОЛОГИЯ	90
<i>Фомичева Я. А., Зармаева Х. И., Шашина Е. К.</i> ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ....	90
МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА	96
<i>Зубарева Е. О.</i> МИГРАЦИОННАЯ И МИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ГИБРИДНОСТЬ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ.....	96
ЛИНГВОДИДАКТИКА	103
<i>Попова Н. С.</i> РАЗВИТИЕ ЭМПАТИИ КАК КОМПОНЕНТА ОСОЗНАННОСТИ ПРИ РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ.....	103
<i>Кыркунова Л. Г.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ (ТУРКМЕНСКИХ) СТУДЕНТОВ	110
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	119

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 6–11.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 6-11.

Научная статья
УДК 81'271.2

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ангелина Владимировна Белоусова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,
angelina.blsva22@gmail.com

Аннотация. В рамках настоящего исследования рассматриваются бинарные оппозиции, которые всегда были объектом интереса многих ученых. Бинарные оппозиции – это пары контрастных понятий, которые организуют язык и мышление. Они представляют собой основополагающие контрасты, которые используются для классификации и категоризации элементов языка. Языковые бинарные оппозиции могут быть классифицированы на три основные группы: семантические оппозиции, фонологические оппозиции и синтаксические оппозиции. Они используются для описания фонологических и грамматических систем языков, анализа семантических отношений и категоризации, изучения когнитивных процессов, лежащих в основе языкового восприятия и производства, для разработки лингвистических теорий и моделей. Понимание бинарных оппозиций имеет важное значение для лингвистов, изучающих язык на всех уровнях, а также для исследователей в области когнитивной науки, философии языка и других смежных дисциплинах. В статье рассматривается семантический вид бинарной оппозиции и способы проявления бинарных семантических оппозиций в литературном и субстандартных языках. Бинарные оппозиции как в литературном, так и в субстандартном языке отражают нормы и ценности общества. Рассматривая бинарные оппозиции в литературном и субстандартном языке, можно выявить различия между этими двумя разновидностями языка. Изучение бинарных оппозиций в литературном и субстандартном языке предоставляет ценную информацию о структуре языка, значении, социокультурных нормах и литературном анализе.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, семантическая бинарная оппозиция, метафора, антитеза, оксюморон, субстандарт, сленг, арго, антонимы.

Для цитирования: Белоусова А. В. Бинарная оппозиция как объект лингвистического исследования // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 6–11.

Original article

BINARY OPPOSITION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Angelina V. Belousova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
angelina.blsva22@gmail.com

Abstract. This study examines binary opposition, which has always been the object of interest of many scientists. Binary oppositions are pairs of contrasting concepts that organize language and thinking. They represent fundamental contrasts that are used to classify and categorize elements of language. Binary oppositions can be classified into three main groups: semantic oppositions, phonological oppositions and syntactic oppositions. They are used to: describe the phonological and grammatical systems of languages, analyze semantic relations and categorization, study the cognitive processes underlying language perception and production, develop linguistic theories and models. Understanding binary oppositions is important for linguists studying language at all levels, as well as for researchers in cognitive science, philosophy of language, and other related disciplines. The article examines the semantic type of binary opposition and the ways in which binary semantic oppositions manifest themselves in literary and substandard languages. Binary oppositions in both literary and substandard language reflect the norms and values of society. By considering binary oppositions in standard and substandard languages, it is possible to identify differences between these two varieties of language. The study of binary oppositions in standard and substandard language provides valuable information about language structure, meaning, sociocultural norms, and literary analysis.

Keywords: binary opposition, semantic binary opposition, metaphor, antithesis, oxymoron, substandard, slang, argot, antonyms.

For citation: Belousova A. V. Binary opposition as an object of linguistic research. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:6-11. (In Russ.).

Введение

Бинарные оппозиции являются фундаментальной частью человеческого познания. Изучая бинарные оппозиции в языке, можно получить представление о том, как люди думают и понимают мир, а также понять грамматическую и семантическую структуру различных языков. Бинарные оппозиции можно встретить как в стандартном литературном языке, так и в субстандарте. В обоих случаях они придают тексту экспрессивность, эмоциональность, а также способствуют более верному пониманию контекста [Рябичкина 2008]. Анализ бинарных оппозиций способствует более точному пониманию значения слов. Так значение слова «горячий» становится более ясным, когда мы рассматриваем его в паре со словом «холодный». Анализ бинарных оппозиций помогает нам раскрыть тонкие нюансы значения и понять, как слова функционируют в контексте. Бинарные оппозиции отражают социокультурные нормы и ценности общества, что показывает, какие качества или понятия считаются желательными или нежелательными. Например, оппозиция «хороший» – «плохой» отражает моральные ценности общества [Багринцева 2017; Капралова эл. ресурс].

Основная часть

По мнению К. Лоренца, деление мира явлений на пары противоположностей является врождённым принципом упорядочения, который присущ человеку с давних времен. Данный принцип отражается в языковой практике индивида и всего социума. Данное явление является вполне логичным и закономерным, так как дуальность восприятия характерна для представителей различных народностей [Лоренц 1973]. Под бинарной оппозицией следует понимать тип отношений в семиотических системах, в рамках которых знак приобретает значение и смысл только через сопоставление со знаком, который стоит к нему в оппозиции. Так слово «тьма» может быть раскрыто через слово «свет», слово «веселый» – через «грустный». Бинарные оппозиции играют важную роль в организации и структурировании языка, так как они предоставляют основу для контраста и сравнения. Человек воспринимает окружающую действительность через ряд оппозитивных категорий, которые существуют не изолированно, а в совокупности с их вторым компонентом. Соответственно именно таким образом начинается формирование оппозиций, которые отличаются как структурно, так и по содержанию.

Бинарные оппозиции универсальны: они являются базовым свойством природных процессов, культуры, языка и мышления. Исследователи считают, что «двоичность» восприятия окружающей действительности связана в какой-то степени с физиологическими причинами. Мозг человека разделён на два полушария, каждое из которых выполняет свои определённые функции, также у человека два глаза, два уха, две руки, две ноги. В XX в. фонология, которая была построена на дифференциальных признаках, как глухость / звонкость, твердость / мягкость, гласные / согласные, что оказало существенное влияние на изучение бинарных оппозиций. Система бинарных оппозиций начала активно применяться во многих сферах гуманитарных наук после выдвижения фонологической теории, основанной Н. С. Трубецким, главным смысловозначительным понятием которой является именно понятие оппозиции, то есть противопоставление по смысловыявляющему признаку. Оппозитивность на протяжении длительного времени является предметом особого интереса представителей различных научных областей [Трубецкой 2000: 72].

По мнению А. Я. Гуревича бинарные оппозиции универсальны и являются определяющими категориями человеческого сознания, они тесно связаны между собой и образуют определённую модель мира, которая помогает человеку в восприятии окружающей действительности. Также Д. Браун подробно рассматривал универсальные понятийные категории и сделал вывод о том, представители разных национальностей выделяют одинаковые бинарные оппозиции: мужской – женский пол, чёрный – белый, хороший – плохой [Гуревич 1972: 7]. Т. В. Цивьян, изучая универсальные бинарные оппозиции, считает, что бинарная модель мира ориентируется на «космологизированность сущего». Для представления такого мироустройства была создана система бинарных оппозиций, которые

были представлены в виде противопоставленных друг другу пар слов с отрицательными и положительными значениями. Данные оппозиции могут быть разделены на несколько видов: пространственные (правый – левый), цветовыми (темный – светлый), социально-категориальными (мужской – женский, бедный – богатый, друг – враг), временными (рано – поздно). На основе представленных наборов двоичных признаков конструируются универсальные знаковые комплексы, которые участвуют в формировании модели мира [Цивьян 1990: 5–8]. Отечественный семиолог и лингвист В. П. Руднев обратил внимание на то, что в современной речи люди также используют бинарные оппозиции: можно – нельзя, да – нет, правда – ложь и другие. Роль бинарных оппозиций не знает границ: их можно встретить везде, начиная от стихотворного ритма, построенного на бинарном чередовании мельчайших единиц языка (ударный слог – безударный слог) и заканчивая биологическими ритмами дня и ночи, зимы и лета [Руднев 2009: 48–49].

В лингвистике бинарные оппозиции могут классифицироваться по различным критериям. Выделяют семантические бинарные оппозиции, которые основаны на противоположных значениях (мужчина – женщина); фонологические бинарные оппозиции, которые основаны на противоположных звуковых характеристиках (глухой – звонкий); синтаксические бинарные оппозиции, основанные на противоположных синтаксических функциях (подлежащее – сказуемое); грамматические оппозиции, которые основаны на противоположных грамматических функциях (подлежащее – сказуемое).

В нашем исследовании мы будем рассматривать проявление семантических бинарных оппозиций и способы их репрезентации в языке. Семантические бинарные оппозиции могут быть представлены посредством использования антонимов, которые выполняют определённые стилистические функции в тексте. Антонимы организуют текст, придают ему красочность, а также выполняют уточняющую функцию. Антонимы могут быть представлены в тексте (речи) следующими стилистическими приёмами: метафорой, антитезой и оксюморонами. По большей части бинарные оппозиции в тексте могут быть представлены антитезой. Антитеза – это оборот речи, в котором для усиления выразительности резко противопоставлены прямо противоположные явления, понятия, мысли [Максимов 2017: 416]. Например, антитезу можно наблюдать в произведении А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой.* В данном примере можно наблюдать примеры бинарных оппозиций «стихи – проза», «волна – камень», «лед – пламень», которые придают тексту красочность, а также способствуют демонстрации разницы различий в темпераментах главных героев произведения.

Примеры бинарной оппозиции, которые представлены антитезой можно пронаблюдать в пьесах В. Шекспира. *Here's much to do with love but more with hate, my only love sprung from my only hate.* В «Ромео и Джульетта» эмоции любви и ненависти являются жизненной силой пьесы. Ирландский поэт О. Уайлд также использует антитезу, где демонстрируется пример бинарной оппозиции «святой – грешник». Сравните, *Every saint has a past, and every sinner has a future.* Антитеза, используемая в данном высказывании, придает выразительность и предоставляет возможность читателям более точно понять смысл высказывания, который заключается в том, что не следует судить людей по их прошлому или настоящему, поскольку будущее может всегда дать возможность для изменений.

It was the best of times; it was the worst of times. It was the age of wisdom; it was the age of foolishness. Антитеза противопоставляет две крайности: «лучшее» и «худшее», «возраст мудрости» и «возраст глупости», что создает сильное напряжение и драматический эффект. Помимо текстов художественной литературы примеры антитезы могут быть найдены и в политических речах. Например, в высказывании М. Д. Прохорова использована бинарная оппозиция «спасал – протирала штаны». В данном случае антитеза участвует в противопоставлении неких «правильных» действий с «неправильными». *Когда я спасал страну, вы в тот момент протирали штаны в разных Думах.*

Бинарные оппозиции могут быть представлены при использовании оксюморона – способ образной речи, который заключается в формировании нового определения путем сочетания диаметрально противоположных по значению слов, которые показывают двойственность описываемого [Максимов 2017: 416]: *Безмолвие – это язык Бога. Безмолвие – это язык сердца. Безмолвие – это язык мудрости. Молчание – это огромная сила. Молчание – это великое красноречие.* Данное высказывание демонстрирует примеры оксюморона: «безмолвие – язык», «молчание – красноречие». В приведенном примере оксюморон создает парадоксальную идею,

которая заставляет читателя задуматься о более глубоком смысле. Безмолвие обычно ассоциируется с тишиной и отсутствием слов, в то время как красноречие подразумевает способность говорить выразительно и убедительно. Соединение этих двух противоположных понятий создает парадоксальную и запоминающуюся фразу.

Еще один пример проявления бинарной оппозиции посредством использования оксюморона можно наблюдать в пьесе У. Шекспира «Макбет». *Fair is foul, foul is fair*. Шекспир использует этот прием, чтобы показать, что то, что считается хорошим, на самом деле плохо, а то, что считается плохим, на самом деле хорошо.

O, heavy lightness! Serious vanity. В данном примере также представлена бинарная оппозиция путем использования оксюморона, который создает парадоксальную и запоминающуюся фразу, репрезентируя противоречивую природу тщеславия и его воздействие на человека.

Parting is such sweet sorrow. В данном примере бинарная оппозиция подчеркивает парадоксальную природу любви, которая может быть одновременно источником радости и печали.

Пример использования метафоры, демонстрирующий семантическую бинарную оппозицию можно наблюдать в известном высказывании У. Шекспира. *All the world's a stage, and all the men and women merely players*. В этой метафоре подчеркивается противопоставление между реальностью и фикцией, между повседневными событиями жизни и театральным представлением.

В цитате Лао Цзы представлена оппозиция «рождение – засыпание». *На рождение можно смотреть, как на засыпание, и тогда жизнь – сон, и смерть – пробуждение*. Метафора в данном тексте соединяет два, казалось бы, не связанные понятия (рождение и засыпание) для создания уникального и неожиданного взгляда на рождение, а также сопоставляя рождение с засыпанием, метафора делает абстрактную концепцию смерти более простой для понимания [Глазунова 2002: 177–178].

Выше были представлены примеры бинарных оппозиций в литературном варианте языка, который используется в качестве языка высокой культуры в деловом общении. Однако бинарные оппозиции также применимы и в языке субстандарта. По субстандартным языком следует понимать всё то, что находится на периферии традиционного литературного языка. К субстандарту относят диалект, просторечие, общий жаргон, интержаргон, сленг [Кудинова 2010: 137]. Бинарные оппозиции в субстандартном языке придают речи выразительности, эмоциональности, а также иногда носят комический эффект [Файзиева 2016]. В сленге, под которым следует понимать разговорный или фамильярный тип речи в определённой области, можно встретить множество примеров репрезентации бинарных оппозиций [Кротовская 2013: 53]. Например, *baller* (человек, зарабатывающий много денег) – *broke* (человек, у которого нет денег), *beef* (не любить) – *love* (любить), *bomb* (данное прилагательное описывает предмет, который не пользуется успехом) – *fire* (захватывающий, невероятный), *bounce* (уходить, покидать) – *stay* (оставаться), *flex* (выставлять напоказ) – *humble* (принижать), *gucci* (великолепный, хороший) – *trash* (паршивый, нестоящий ничего), *savage* (агрессивный, грубый) – *soft* («мягкий», нежный, чувствительный), *tipsy* (пьяный) – *sober* (трезвый); *кореш* (друг) – *враг*, *крутой* (сильный, храбрый) – *лох* (слабый, трусливый), *тачка* (машина) – *корыто* (плохая машина), *тёлка* (красивая девушка) – *страшила* (некрасивая девушка), *заиквар* (описание чего-то позорного, неприятного, немодного) – *топ*, *пушка* (описание чего-то хорошего, приятного, модного).

Также бинарные оппозиции можно встретить и в языке аргос, под которым следует понимать особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков [Ретинская 2012: 503]. Например, в языке аргос можно встретить следующие бинарные оппозиции: *копы* (полиция) – *воры* (преступники), *завязанный* (наркоман) – *чистый* (не наркоман), *красный* (офицер) – *синий* (полицейский), *солдат* (честный человек) – *рак* (нечестный человек), *дыра* (тюрьма) – *улица* (свобода), *стукач* (информатор) – *сторонник* (верный человек), *крыса* (предатель) – *кошка* (доверенное лицо); *stool pigeon* (informer) – *stand-up guy* (loyal person), *rat* (предатель) – *cat* (доверенное лицо), *cop* (офицер полиции) – *crook* (преступники), *joint* (наркоман) – *square* (человек, который не употребляет наркотики), *heat* (полиция поблизости) – *cold* (полиция поблизости отсутствует), *bust* (арест) – *walk* (побег).

Заключение

В традиционном литературном и субстандартном языке бинарные оппозиции представлены посредством использования антонимов. Рассматривая бинарные оппозиции в литературном и субстандартном языке, мы можем выявить различия между этими двумя разновидностями языка. Например, субстандартный язык может использовать более поляризованные единицы языка, в то время как литературный язык может использовать более сбалансированные или нюансированные выражения. Например, вместо того, чтобы сказать «он глупый», в субстандартном языке могут использовать следующую фразу «он полный идиот». Изучение бинарных оппозиций в литературном и субстандартном языках предоставляет ценную информацию о структуре языка, значении, социокультурных нормах и литературном анализе.

Список литературы

1. Багринцева О. Б. Изучение внутренней формы лексической единицы: классический подход // Наука и образование: от теории к практике : Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции. Институт среднего и дополнительного профессионального образования Астраханского государственного университета. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2017. С. 194–195.
2. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб. : Филологический факультет, 2002. С. 177–178.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Издательский дом «Искусство», 1972. 322 с.
4. Капралова Е. О. Бинарные оппозиции в гуманитарных исследованиях. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-i-perspektivy-razvitiya-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-22-teoriya-yazyka-spetsialnost-10-02-19/binarnye-oppozitsii-v-gumanitarnykh-issledovaniyakh/> (дата обращения: 23.02.2024).
5. Крогоская М. А. Сленг как часть разговорного английского. 2013. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/b11/b11b52bbf6903fee685459826f1b2ceb.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 23.02.2024).
6. Кудинова Т. А. Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standart-i-substandart-v-yazyke-k-obosnovaniyu-ponyatiy/viewer>. (дата обращения: 23.01.2024).
7. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. 1973. URL: https://royallib.com/book/konrad_lorents/oborotnaya_storona_zer_kala.html (дата обращения: 07.02.2024).
8. Максимов В. И. Русский язык и культура речи. М. : Гардарики, 2017. 416 с.
9. Трубецкой Н. С. Классификация оппозиций. М. : Аспект Пресс, 2000. 72 с.
10. Ретинская Т. И. Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных аргос : дис. ... д-а. филол. наук. Орел, 2012. 503 с.
11. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 2009. С. 48–49.
12. Рябичкина Г. В. Социолексикограмматическая мысль в теоретических изысканиях составителей словарей британского лексического субстандарта конца XVIII – начала XX вв. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 81–86.
13. Файзиева Г. В. Изучение молодёжного сленга: основные подходы, проблематика и направления // Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (58). С. 38–44.
14. Цивьян Т. С. Лингвистические основы Балканской модели мира. М. : Наука, 1990. 207 с.

References

1. Bagrintseva O. B. Izuchenie vnutrennei formy leksicheskoi edinitsy: klassicheskii podkhod [Studying the internal form of a lexical unit: a classical approach]. *Nauka i obrazovanie: ot teorii k praktike* [Science and education: from theory to practice]. Institut srednego i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017, pp. 194-195. (In Russ.).
2. Glazunova O. I. Logika metaforicheskikh preobrazovaniy [The logic of metaphorical transformations]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet, Gosudarstvennyi universitet 2002, pp. 177-178. (In Russ.).
3. Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow, 1972, p. 7. (In Russ.).
4. Kapralova E. O. Binarnye oppozitsii v gumanitarnykh issledovaniyakh [Binary oppositions in humanities research]. (In Russ.). Available at: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-i-perspektivy-razvitiya-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-22-teoriya-yazyka-spetsialnost-10-02-19/binarnye-oppozitsii-v-gumanitarnykh-issledovaniyakh/> (accessed: 23.05.2024).

5. Krotovskaya M. A. Sleng kak chast' razgovornogo angliiskogo [Slang as part of spoken English]. (In Russ.). Available at: https://mgimo.ru/upload/iblock/b11/b11b52bbf6903fee685459826f1b2ce6.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 23.05.2024).
6. Kudinova T. A. Standart i substandart v yazyke: k obosnovaniyu ponyatii [Standard and substandard in language: to the substantiation of concepts]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/standart-i-substandart-v-yazyke-k-obosnovaniyu-ponyatiy/viewer>. (accessed: 23.05.2024).
7. Lorents K. Oborotnaya storona zerkala [Reverse side of the mirror]. (In Russ.). Available at: https://royallib.com/book/konrad_lorents/oborotnaya_storona_zer-kala.html (accessed: 07.05.2024).
8. Maksimov V. I. Russkii yazyk i kul'tura rechi [Russian language and culture of speech]. Moscow, Gardariki, 2017, 416 p. (In Russ.).
9. Trubetskoi N. S. Klassifikatsiya oppozitsii [Classification of oppositions]. Moscow, Aspekt Press, 2000, pp. 72. (In Russ.).
10. Retinskaya T. I. Sotsiolingvisticheskie i funktsional'no-stilisticheskie analiz frantsuzskikh professional'nykh argo [Sociolinguistic and functional-stylistic analysis of French professional argots]. Doctoral dissertation. Orel, 2012, pp. 503. (In Russ.).
11. Rudnev V. P. Entsiklopedicheskii slovar' kul'tury XX veka. Klyuchevye ponyatiya i teksty [Encyclopedic Dictionary of 20th Century Culture. Key concepts and texts]. Moscow, Agraf, 2009, pp. 48-49. (In Russ.).
12. Ryabichkina G. V. Sotsioleksikogrammaticheskaya mysl' v teoreticheskikh izyskaniyakh sostavitelei slovarei britanskogo leksicheskogo substandarta kontsa XVIII - nachala XX vv. [Sociolexicogrammatical thought in the theoretical research of the compilers of dictionaries of the British lexical substandard of the late 18th – early 20th centuries]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]. 2008, no. 3, pp. 81-86. (In Russ.).
13. Faizieva G. V. Izuchenie molodezhnogo slenga: osnovnye podkhody, problematika i napravleniya [Studying youth slang: main approaches, issues and directions]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities studies]. 2016, no. 2 (58), pp. 38-44. (In Russ.).
14. Tsiv'yan T. S. Lingvisticheskie osnovy Balkanskoi modeli mira [Linguistic foundations of the Balkan model of the world]. Moscow, 1990, pp. 5-8. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Белоусова – ассистент,
кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева.

Information about the author

A. V. Belousova – Assistant,
Department of English Language and Professional Communications,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 12–19.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 12-19.

Научная статья
УДК 119:81'1

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Яна Алексеевна Фомичева

МАОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских», Пермь, Россия,
yana-antonova-1999@mail.ru

Аннотация. В современном мире философия представляет собой важную область научного познания, которая оказывает значительное влияние на различные аспекты человеческой жизни. Одним из ключевых аспектов философии является изучение категорий бытия, которые помогают понять основные аспекты существования мира. В этом контексте особый интерес представляет категория количества, которая занимает важное место в философии Аристотеля. В данной статье речь идет о категории количества в контексте философии Аристотеля и категория количественности в концепции Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики. Количество рассматривается как одна из основных лингвистических категорий, которая имеет важное значение для организации языковой информации и выражения мыслей: «количественность рассматривается нами, с одной стороны, как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества, а с другой – как базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле – группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе квантитативных функций.

Ключевые слова: категория, количество, античная философия, Аристотель, лингвистика, категория количественности, функциональная грамматика.

Для цитирования: Фомичева Я. А. Категория количества в философии и лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 12–19.

Original article

CATEGORY OF QUANTITY IN PHILOSOPHY AND LINGUISTICS

Yana A. Fomicheva

MAOU "Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers", Perm, Russia,
yana-antonova-1999@mail.ru

Abstract. In the modern world, philosophy is an important area of scientific knowledge that has a significant impact on various aspects of human life. One of the key aspects of philosophy is the study of the categories of being, which help to understand the main aspects of the existence of the world. In this context, the category of quantity, which occupies an important place in the philosophy of Aristotle, is of particular interest. This article discusses the category of quantity in the context of Aristotle's philosophy and the category of quantitiveness in the concept of the St. Petersburg school of functional grammar. Quantity is considered as one of the main linguistic categories, which is important for the organization of linguistic information and the expression of thoughts: "quantification is considered by us, on the one hand, as a semantic category representing a linguistic interpretation of the mental category of quantity, and on the other – as a functional semantic field based on this semantic category – a grouping of multi-level means of a given language interacting on the basis of quantitative functions

Keywords: category, quantity, ancient philosophy, Aristotle, linguistics, category of quantitiveness, functional grammar.

For citation: Fomicheva Ya. A. The category of quantity in philosophy and linguistics. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:12-19. (In Russ.).

Введение

В современном мире философия представляет собой важную область научного познания, которая оказывает значительное влияние на различные аспекты человеческой жизни. Одним из ключевых аспектов философии является изучение категорий бытия,

которые помогают понять основные аспекты существования мира. В этом контексте особый интерес представляет категория количества, которая занимает важное место в философии Аристотеля.

Согласно философскому словарю И. Т. Фролова, категории представляют собой формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления [Фролов 2001: 237]. Близкое по смыслу определение зафиксировано и в словаре В. Г. Кузнецова, который определяет категории, как наиболее общие понятия и принципы, описывающие структурную организацию природы, общества и рассудочной деятельности [Кузнецов 2005: 247]. Следует отметить, что в течение длительного времени термины «категория» и «философская категория» были синонимами. Сейчас же категориями называют основные понятия не только философии, но и физики, химии и других [Левин 2007: 4].

Основная часть

Категория количества и категория количественности тесно взаимосвязаны, поскольку обе описывают аспекты бытия, связанные с количеством и измерением. Однако они имеют различные философские и лингвистические коннотации. Категория количества обычно относится к основным аспектам бытия, которые характеризуются количественными параметрами, такими как количество, величина, объём и т. д. В философии Аристотеля, например, категория количества относится к одной из десяти категорий бытия, определяющих основные характеристики сущего. Категория количественности используется в лингвистике для описания языковых единиц, которые обозначают количество или степень чего-либо. Например, в грамматике категория количественности может относиться к числительным, которые указывают на количество предметов или лиц, а также к словам и выражениям, обозначающим степень качества или количества.

Аристотель (384–322 до н. э.) – античный философ, родоначальник логики как развернутого учения [Орлов 2001: 22]. Среди его значимых трудов выделяются «Метафизика» [Аристотель 2015], «Никомахова этика» [Аристотель 2022], «Политика» [Аристотель 2008], «Физика» [Аристотель 1937], «Органон», в состав которого входит трактат «Категории» [Аристотель 1939]. В своём труде «Категории» Аристотель формулирует понятие категории как основного аспекта бытия, позволяющие классифицировать мир. Предположительно, трактат «Категории» относится к ликейскому периоду – об этом свидетельствует приводимый Аристотелем пример категории места «в Ликее». Но учение о категориях возникло значительно раньше. Подтверждение этому – «Эвдем», диалог Аристотеля [Дзюва 2014: 184]. Следует отметить, что Аристотель вводит понятие категории через лингвистический аспект. В труде «Категории» философ разделяет высказывания на две группы: те, что «говорятся в связи», то есть предложения и те, что «говорятся без связи» то есть отдельные слова и их сочетания с предлогами. Аристотель также отмечает, что каждое отдельное слово, наряду с конкретным смыслом, обладает обобщённым значением. Именно такие значения и называют категориями [Александров 1939: 5–32].

Считается, что категории имеют логическое и онтологическое значение как самые общие определенности бытия. О категориях как о родах значений слов говорится в 4 главе трактата «Категории», где различают 10 таких родов: сущность (греч. οὐσία) – основа всех свойств и качеств; количество (греч. πᾶν) – характеристики, связанные с числами и мерами; качество (греч. ποῖον) – свойства объекта; отношение (греч. πρός τι) – взаимосвязь между объектами; место (греч. που) – расположение объекта в пространстве; время (греч. ποτε) – момент или период времени; положение (греч. ἡεῖσθαί) – ориентация объекта в пространстве; обладание (греч. εἶναι) – принадлежность чего-либо кому-либо; действие (греч. ποιεῖν) – активность объекта; страдание, претерпевание (греч. πασχεῖν) – воздействие на объект [там же: 5–32]. Подчеркнём, что Аристотель не всегда выделял вышеупомянутые категории, и часто объединял некоторые из них в восемь, шесть, четыре и даже три категории [Дзюва 2014: 185–186]. Вопрос о том, что представляют собой категории, является довольно сложным. Многообразие понимания категорий у Аристотеля свидетельствует не столько о неопределённости этого понятия, сколько о том, что в них отражается переход от учения о бытии к логике. Прежде всего категории представляют собой различия сущего как такового. Сущее само по себе не существует и не формирует

отдельный род от вещей. Актуально существуют только единичные вещи [там же: 185–186]. Отметим, что мнения учёных относительно аспектов учения Аристотеля о категориях различаются [Александров 1939; Аристотель 1939; Асмус 1976; Борисов: эл. ресурс; Поломошнов 2012].

В рамках настоящей работы будет подробно рассмотрена одна из данных категорий – категория количества. В философии Аристотеля категория количества играет важную роль. Категории «количества» и «качества» предшествуют категории «отношения»: всякое отношение предполагает, по Аристотелю, определенные количества одних предметов, сравниваемые с количеством других [Дзюва 2014: там же]. «Количеством называется то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определенное нечто» [Асмус 1976: 164]. Количество предшествует качеству лишь хронологически, в то время как основой сущности служит единство вещей, родов или их частей, определенных качественно [Дзюва 2014: 185 – 186]. «Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина – если измеримо» [Асмус 1976: 164]. Определение количества находится на достаточно высоком уровне научности и философии. Важным аспектом в характеристике категории количества является учение Аристотеля об объективности количеств, единстве всех составных частей количества, глубокое подразделение количеств и их классификация по логически стройному плану. Основная идея классификации количественных величин заключается в разделении их на дискретные и непрерывные величины, где одни состоят из частей с определённым положением относительно друг друга, а другие – из частей без такого положения. Аристотель уделяет особое внимание дискретным величинам, рассматривая непрерывные величины как их состояние или частный случай [Александров 1939: 18–19].

В трактате «Категории» примером раздельных количеств является «число» и «речь», а примером непрерывных выступает линия, поверхность, тело, а также время и пространство, но в несколько ином смысле [там же]. Отметим, что «основанием для включения числа и речи в разряд раздельных величин служит отсутствие такой общей границы количества, где бы соприкасались, становились непрерывными его части: «если пять есть часть десяти, то пять и пять не соприкасаются ни у какой общей границы, но они стоят раздельно». И эта особенность относится к любому числу. Все числа «всегда стоят раздельно», «у числа нельзя найти общую границу его частей». То же самое применимо и к речи. Как количество она измеряется коротким и долгим слогом, который так же, как и числа, не имеют общей границы, где бы они могли прийти в соприкосновение: каждый слог «стоит раздельно – сам по себе» [там же]. Философ рассматривает линии и поверхности тел с точки зрения количественных характеристик. Он определяет линию как «ограниченную длину», плоскость как «ограниченную ширину» и тело как «ограниченную глубину». Все эти величины являются непрерывными и различаются по количеству направлений протяженности. Линия имеет одно направление, плоскость – два, а тело – три. Границей для линии является точка, для поверхности – линия, а для тела – плоскость.

Аристотель классифицирует величины по признаку протяжённости и последовательности, углубляя деление на дискретные и непрерывные величины. Он выявляет противоречие между определённым количеством (линией, плоскостью, телом), состоящим из частей, и непрерывностью этих величин. Аристотель отрицает возможность противоположных определений для количества, утверждая, что предметы не могут одновременно иметь противоположные характеристики. Об этом говорится в VI главе трактата «Категории»: «количеству нет ничего противоположного... разве только, если сказать, что многое противоположно малочисленному или большое – малому»; «... окажется, что одно и то же принимает вместе противоположные определения и что предметы бывают иногда противоположными сами себе... но, конечно, ничто не бывает вместе большим и здоровым, как не бывает вместе белым и чёрным; а также и среди всего остального нет ничего, что принимало бы вместе противоположные определения» [Александров 1939: 20].

По мнению античного философа, понимание категории количества служит предпосылкой для правильного понимания категории качества. В труде «Физика» Аристотель приводит множество примеров, которые показывают взаимосвязь количества и качества. Подвергая критике Зенона, он указывает на то, что тот не учитывает качественного различия между падением одного зерна, не производящего звука, и падением большого количества зерен, вызывающего значительный шум. Аристотель анализирует также

ситуацию с падением капель воды и постепенным разрушением камня, на который они падают. Исходя из этих и других примеров, можно сделать вывод, что Аристотель осознавал зависимость качественных изменений от количественных преобразований [Александров 1939: 20–21].

В рамках данной работы проанализируем категорию количественности в концепции Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики. «В 1970-е годы под руководством А. В. Бондарко сформировалось научное направление, которое впоследствии получило наименование Петербургской Школы функциональной грамматики» [Воейкова, Казаковская 2019: 87]. А. В. Бондарко рассматривал количество как одну из основных лингвистических категорий, которая имеет важное значение для организации языковой информации и выражения мыслей: «количественность рассматривается нами, с одной стороны, как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества, а с другой – как базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле – группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе квантитативных функций» [Бондарко 1996: 161]. А. В. Бондарко выделял различные аспекты количества в языке, такие как количественные конструкции, выражение количественных значений, семантические и прагматические функции количества. Лингвист анализировал, как количество может влиять на структуру предложения, на его смысловое содержание и на способы передачи информации. А. Е. Супрун отмечает, что при общенаучном рассмотрении количества, включая математическое и философское измерение, можно выделить различные виды количества. Во-первых, можно различать количества сплошных непрерывных объектов и количества объектов в дискретных совокупностях, состоящих из выраженных элементов. Например, можно сравнивать количество жидкости или металла, не учитывая их составляющих элементов, или сопоставлять множества объектов, состоящих из дискретных единиц, таких как толпа людей или книга с определенным числом страниц. Эти различия отражаются в языке: например, слово «много» может относиться как к непрерывному, так и к дискретному количеству, в то время как «несколько» применимо только к дискретному количеству. Во-вторых, дискретное количество может быть счетным или несчетным. Связано это с возможностью или невозможностью подсчета элементов в количестве. Например, слово «много» может указывать на несчетность количества, а «несколько» указывает на его счетность. Несчетное количество чаще характерно для непрерывного количества, где элементы не поддаются подсчету. Однако даже дискретное количество, такое как песок, состоящее из песчинок, может быть несчетным, поскольку его элементы могут быть незаметны. В-третьих, можно различать точное и приблизительное количество, что связано с представлениями о его определенности или неопределенности. Например, в языке противопоставляются выражения «сто человек» и «около ста человек» (приблизительность), «человек сто» (предположительность), «несколько человек» (неопределенность) [Супрун 1996: 163–164]. Среди представителей Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики XX века также можно выделить И. Б. Долинину, Д. И. Руденко, Л. Н. Жукову, Д. И. Эдельман [Долинина 1996; Руденко 1996; Жукова 1996; Эдельман 1996].

Перейдём к рассмотрению категории количественности в современных лингвистических исследованиях. И. Б. Иванова определяет количественность как «философскую категорию, которая является результатом познания свойств окружающего нас объективного мира». Основой количественного мышления является объективная дискретность, расчлененность вещей и процессов. Основная функция категории количественности заключается в противопоставлении единичности и множественности реалий действительности, то есть она характеризуется оппозицией «единичность – множественность» [Иванова 2011: 41]. И. Б. Иванова рассматривает различные языковые средства, выражающие функционально-семантическую категорию количественности в якутском языке на примере микрополя единичности. Цель исследования заключалась в определении специфики и языковых средств выражения данной категории. Например, «существительные в единственном числе представляют ядро функционально-семантического микрополя единичности и несут в себе информацию о единственном количестве предмета, сравните: *Остуолга чааскы турар «На столе стоит чашка»*. В состав ядра микрополя единичности входят местоимения 1, 2, 3 лица в единственном числе: *мин, эн, кини (Мин эйигин таптыбын «Я люблю тебя»)* и возвратное местоимение «бэйэ» в единственном числе в сочетании с местоимениями, с

существительными, с глаголами» [там же: 41]. По мнению О. В. Лазаревой, категория количества получает свое выражение во всех современных языках, так как во всех языках существуют лексические обозначения определенных количеств, то есть чисел. Помимо этого, во всех языках существуют лексические обозначения неопределенных количеств, в которых фиксируется степень мощности множеств или различие в величине, когда речь идет о непрерывном количестве. Например, английские *many* «много» и *few* «мало» фиксируют различие в степени мощности множеств, а слова *much* «много», *little* «мало» – различие в величине [Лазарева 2008: 113–114].

Р. М. Иксанова анализирует фразеологические единицы английского языка, реализующие гиперболическую семантику, а также соотносит гиперболические фразеологизмы с субполями функционально-семантического поля количественности: (1) классом «полной мощности множества», то есть тотального количества, (2) «пустого множества», то есть нулевого количества, (3) классом «неполной мощности множества». Так «намеренное преувеличение качественных и количественных характеристик объектов находит свое выражение во фразеологизмах, соотносящихся с областью большого количества класса «неполной мощности множества», при этом класс «неполной мощности множества» включает, в первую очередь, единицы, имеющие в своём составе числительные» [Иксанова 2019: 146–147]. Категория количественности (квантитативности) также освещалась в исследованиях М. В. Всеволодовой, Л. М. Готовцевой и И. Б. Ивановой, Л. Н. Моисеенко, А. В. Степановой, Т. М. Тагоевой, В. С. Храковского, С. И. Шарпиной и др., проводимых на материале русского, английского, немецкого, чувашского, таджикского, армянского и других языков [Всеволодова 2013; Готовцева, Иванова 2018; Моисеенко 2005; Степанова 2007; Тагоева 2016; Храковский 1989, 2016; Шарпина 2013]. Категория количества играет важную роль как в философии Аристотеля, так и в современной функциональной грамматике, и их изучение позволяет лучше понять природу количественности в различных областях знания. Исследование категории количества в философии Аристотеля и функциональной грамматике XXI в. позволяет увидеть эволюцию подходов к этой категории на протяжении веков. В работе были рассмотрены основные аспекты категории количества в философии Аристотеля. Аристотель подчеркивал важность количества как одной из основных категорий бытия.

Заключение

Можно отметить, что современные лингвисты также придают большое значение категории количества. В рамках функциональной грамматики рассматриваются не только синтаксические средства выражения количества, но и его семантические и прагматические аспекты. Современные лингвисты изучают то, как семантика количества влияет на структуру предложения, на его смысловую нагрузку и на взаимодействие с другими языковыми категориями. Таким образом, исследование представлений о категории количества в философии Аристотеля и функциональной грамматике XXI в. позволяет увидеть, как данная категория была важна для мыслителей древности и как она продолжает оставаться актуальной для современных лингвистов. Оба подхода подчеркивают значимость количества как одного из основных аспектов описания мира и языка.

Список литературы

1. Александров Г. Ф. Учения Аристотеля о категориях бытия // Аристотель. Категории / Под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), перевод А. В. Кубицкого. М. : ГСЭИ, 1939. 130 с.
2. Аристотель. Физика. 2-е изд. М. : Соцэкгиз, 1937. 228 с.
3. Аристотель. Категории / Под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), перевод А. В. Кубицкого. М. : ГСЭИ, 1939. 130 с.
4. Аристотель (384–322 до н. э.). Политика. Метафизика. Аналитика. М. : Эксмо, 2008. 958 с.
5. Аристотель (384–322 до н. э.). Метафизика. М. : ЭКСМО, 2015. 442 с.
6. Аристотель (384–322 до н. э.). Никомахова этика. СПб. : Азбука, 2022. 443 с.
7. Асмус В. Ф. Аристотель – сочинения в четырех томах. Т. 1. М., изд. 1976.
8. Бондарко А. В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : «Наука», 1996. С. 161–162.
9. Борисов В. Н. О смысле категории уся в философии Аристотеля. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000199/index.shtml>. (дата обращения: 14.03.2024).

10. Воейкова М. Д., Казаковская В. В. Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики: история и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sankt-peterburgskaya-shkola-funktsionalnoy-grammatiki-istoriya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 20.03.2024).
11. Всеволодова М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 6. С. 16–62.
12. Готовцева Л. М., Иванова И. Б. Репрезентация количественных фразеологических единиц якутского языка // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2018. № 1(63). С. 92–103.
13. Дзиова Э. Н. Понятие и сущность категорий Аристотеля // Экономика и социум. 2014. № 4–6 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kategoriy-aristotelya> (дата обращения: 24.03.2024).
14. Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : «Наука», 1996. С. 219–244.
15. Жукова А. Н. Количественная характеристика имени существительного в корякском языке // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : «Наука», 1996. С. 214–219.
16. Иванова И. Б. Функционально-семантическое поле количественности в якутском языке (на материале микрополя единичности) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28(243). С. 41–43.
17. Иксанова Р. М. Соотношение гиперболы во фразеологических единицах английского языка с функционально-семантическим полем количественности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 6. С. 146–149.
18. Лазарева О. В. Функционально-семантическое поле количественности и грамматическая категория числа (типологический аспект) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8-1. С. 113–115.
19. Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М. : Логос, 2007. 224 с.
20. Моисеенко Л. Н. Количественные представления в сфере глагольного действия (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 174 с.
21. Орлов В. В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып. 1 : Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Пермь : Пермский университет, 2001. 216 с.
22. Поломошнов П. А. Проблема категорий в философии Аристотеля // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2012. № 4(6). С. 165–170.
23. Руденко Д. И. Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : «Наука», 1996. С. 181–214.
24. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. 731с.
25. Степанова А. В. Функционально-семантическое поле количественности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и чувашского языков) : дис. ... к. филол. н. Чебоксары, 2007. 198 с.
26. Супрун А. Е. Общая характеристика семантики количественное // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : «Наука», 1996. С. 162–170.
27. Тагоева Т. М. Количественные отношения в английском и таджикском языках : дис. ... д-а. филол. наук. Душанбе, 2016. 311 с.
28. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : 7-е изд., перераб. и доп., 2001. 719 с.
29. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / А. Салим, Т. Г. Акимова, Л. А. Бирюлин и др.; Отв. ред. В. С. Храковский; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. Л. : Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. С. 5–54.
30. Храковский В. С. Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола // Грамматические категории: иерархия и взаимодействие : Материалы докладов. Институт лингвистических исследований РАН. 2016. СПб. : «Нестор-история», 2016. С. 139–147.
31. Шарина С. И. Синтаксические средства выражения количественности в эвенском языке // Инновации в науке. 2013. № 18–2. С. 84–88.
32. Эдельман Д. И. Поле количественности и категория единичного/общего Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : «Наука», 1996. С. 170–181.

References

1. Aleksandrov G. F. Ucheniya Aristotelya o kategoriakh bytiya [Aristotle's teachings on the categories of being]. *Aristotel'. Kategorii* [Aristotle. Categories]. Ed. G. F. Alexandrova. Moscow, GSEI, 1939, 130 p. (In Russ.).
2. Aristotel'. Fizika [Aristotle. Physics]. 2th ed., Moscow, Sotsekgiz, 1937, 228 p. (In Russ.).
3. Aristotel'. Kategorii [Aristotle. Categories]. Ed. G. F. Alexandrova. Moskva, GSEI, 1939, 130 p. (In Russ.).
4. Aristotel' (384-322 do n. e.). Politika. Metafizika. Analitika [Aristotle (384-22 BC). Policy. Metaphysics. Analytics]. Moscow, Eksmo, 2008, 958 p. (In Russ.).
5. Aristotel' (384-322 do n. e.). Metafizika [Aristotle (384-322 BC) [Aristotle (384-22 BC). Metaphysics]. Metaphysics]. Moscow, EKSMO, 2015, 442 p. (In Russ.).
6. Aristotel' (384-322 do n. e.). Nikomakhova etika [Aristotle (384-322 BC). Nicomachean Ethics]. Saint Petersburg, Azbuka, 2022, 443 p. (In Russ.).
7. Asmus V. F. Aristotel' - sochineniya v chetyrekh tomakh [Asmus V. F. Aristotle - works in four volumes]. Vol. 1, Moscow, 1976. (In Russ.).
8. Bondarko A. V. Vstupitel'nye zamechaniya [Opening remarks]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar. Quality. Quantity]. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 161-162. (In Russ.).
9. Borisov V. N. O smysle kategorii usiya v filosofii Aristotelya [On the meaning of the category of ousia in Aristotle's philosophy]. (In Russ.). Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000199/index.shtml>. (accessed: 14.03.2024).
10. Voeikova M. D., Kazakovskaya V. V. Sankt-Peterburgskaya shkola funktsional'noi grammatiki: istoriya i perspektivy razvitiya [St. Petersburg School of Functional Grammar: history and development prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University. Episode 9. Philology]. 2019, no. 1. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sankt-peterburgskaya-shkola-funktsionalnoy-grammatiki-istoriya-i-perspektivy-razvitiya> (accessed: 20.03.2024).
11. Vsevolodova M. V. Kategoriya kolichestvennosti v slavyanskikh yazykakh: chislitel'nye i kvantitativy [Category of quantity in Slavic languages: numerals and quantitatives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2013, no. 6, pp. 16-62. (In Russ.).
12. Gotovtseva L. Moscow, Ivanova I. B. Reprezentatsiya kolichestvennykh frazeologicheskikh edinitz yakutskogo yazyka [Representation of quantitative phraseological units of the Yakut language]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M. K. Ammosova]. 2018, no. 1(63), pp. 92-103. (In Russ.).
13. Dziova E. N. Ponyatie i sushchnost' kategorii Aristotelya [The concept and essence of Aristotle's categories]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and society]. 2014, no. 4-6 (13). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kategoriy-aristotelya> (accessed: 24.03.2024).
14. Dolinina I. B. Kolichestvennost' v sfere predikatov (kategoriya «glagol'noi mnozhestvennosti») [Quantitativeness in the sphere of predicates (category of “verbal plurality”). *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar. Quality. Quantity]. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 219-244. (In Russ.).
15. Zhukova A. N. Kolichestvennaya kharakteristika imeni sushchestvitel'nogo v koryakskom yazyke [Quantitative characteristics of a noun in the Koryak language]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'* [The theory of functional grammar. Quality]. Kolichestvennost'. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 214-219. (In Russ.).
16. Ivanova I. B. Funktsional'no-semanticheskoe pole kolichestvennosti v yakutskom yazyke (na materiale mikropolya edinichnosti) [Functional-semantic field of quantity in the Yakut language (based on the microfield of singularity)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2011, no. 28(243), pp. 41-43. (In Russ.).
17. Iksanova R. M. Sootnoshenie giperboly vo frazeologicheskikh edinitzakh angliiskogo yazyka s funktsional'no-semanticheskim polem kolichestvennosti [Correlation of hyperbole in phraseological units of the English language with the functional-semantic field of quantity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2019, vol. 12, no. 6, pp. 146-149. (In Russ.).
18. Lazareva O. V. Funktsional'no-semanticheskoe pole kolichestvennosti i grammaticheskaya kategoriya chisla (tipologicheskii aspekt) [Functional-semantic field of quantity and grammatical category of number (typological aspect)]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. 2008, no. 8-1, pp. 113-115. (In Russ.).
19. Levin G. D. Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse [Philosophical categories in modern discourse]. Moscow, Logos, 2007, 224 p.
20. Moiseenko L. N. Kolichestvennye predstavleniya v sfere glagol'nogo deistviya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Quantitative representations in the sphere of verbal action (based on the material of modern German language)]. PhD thesis. Omsk, 2005, 174 p. (In Russ.).

21. Orlov V. V. Osnovy filosofii [Fundamentals of Philosophy]. Part 1, iss. 1, 2th ed., Perm, Permskii universitet, 2001, 216 p. (In Russ.).
22. Polomoshnov P. A. Problema kategorii v filosofii Aristotelya [The problem of categories in Aristotle's philosophy]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Don State Agrarian University]. 2012, no. 4(6), pp. 165-170. (In Russ.).
23. Rudenko D. I. Kolichestvennost' i semantika imeni [Quantity and semantics of the name]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar. Quality. Quantity]. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 181-214. (In Russ.).
24. Slovar' filosofskikh terminov [Dictionary of philosophical terms]. Scientific edition of Professor V. G. Kuznetsov, Moscow, INFRA-M, 2005, 731 p.
25. Stepanova A. B. Funktsional'no-semanticheskoe pole kolichestvennosti v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale angliiskogo, russkogo i chuvashskogo yazykov) [Functional-semantic field of quantity in languages of different structures (based on the material of English, Russian and Chuvash languages)]. PhD thesis. Cheboksary, 2007, 198 p. (In Russ.).
26. Suprun A. E. Obshchaya kharakteristika semantiki kolichestvennoe [General characteristics of semantics quantitative]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar. Quality. Quantity]. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 162-170. (In Russ.).
27. Tagoeva T. M. Kolichestvennye otnosheniya v angliiskom i tadzhikskom yazykakh [Quantitative relations in English and Tajik languages]. Doctoral dissertation. Dushanbe, 2016, 311 p. (In Russ.).
28. Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary]. Ed. I. T. Frolova. Moscow, 2th ed., 2001, 719 p. (In Russ.).
29. Khrakovskii V. S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of a variety of situations and their natural classification]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative designs]. AN SSSR, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989, pp. 5-54. (In Russ.).
30. Khrakovskii V. S. Ierarkhiya i vzaimodeistvie grammaticheskikh kategorii glagola [Hierarchy and interaction of grammatical categories of the verb]. *Grammaticheskie kategorii: ierarkhiya i vzaimodeistvie* [Grammatical categories: hierarchy and interaction]. *lingvisticheskikh issledovaniy RAN*, 2016, Saint Petersburg, Nestor-istoriya, 2016, pp. 139-147. (In Russ.).
31. Sharina S. I. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya kolichestvennosti v evenskom yazyke [Syntactic means of expressing quantity in the Even language]. *Innovatsii v nauke* [Innovation in science]. 2013, no. 18-2, pp. 84-88. (In Russ.).
32. Edel'man D. I. Pole kolichestvennosti i kategoriya edinichnogo/obshchego *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The field of quantity and the category of the individual/general Theory of functional grammar. Quality. Quantity]. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 170-181. (In Russ.).

Информация об авторе

Я. А. Фомичева – учитель английского языка,
 МАОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских».

Information about the author

Ya. A. Fomicheva – English Teacher,
 MAOU "Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers".

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 20–27.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 20-27.

Научная статья

УДК 811.112.2'37 ; 811.161.1'37

СЕМАНТИКА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДАТЕЛЬНЫМ СУБЪЕКТА И ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Анна Викторовна Аверина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
Anna.averina@list.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению сходств и отличий в семантике и грамматических свойствах предложений с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива в немецком и русском языках. Научная новизна состоит в том, что в работе показаны семантические и грамматические свойства предложений с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива в немецком и русском языках. В результате показано, что конструкции с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива обладают как общими, так и отличительными свойствами. В русском языке они обладают меньшей степенью номинативности, чем в немецком. А те смыслы, которые передаются именами существительными в функции предикатива в немецком языке, в русском зачастую бывают выражены предикатами состояния или возвратными глаголами. Грамматические свойства конструкций с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива состоят в том, что они всегда антропоцентричны, то есть в роли экспериенцера всегда выступает человек. Кроме того они маркируют определённое состояние экспериенцера. При этом сам экспериенцер не имеет привилегированного статуса, не является активным деятелем, и его состояние не зависит от него самого. Пассивный статус субъекта объясняет преимущественное использование конструкций с именами существительными в функции предикатива в таком типе контекстов, в котором необходимо подчеркнуть непричастность говорящего к возникновению своего состояния и показать важность обстоятельств.

Ключевые слова: дательный субъекта, номинативность, семантика, пассивность, антропоцентричность.

Для цитирования: Аверина А. В. Семантика и грамматические свойства предложений с дательным субъекта и именем существительным в функции предикатива в немецком и русском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 20–27.

Original article

SEMANTICS AND GRAMMAR PECULIARITIES OF SENTENCES WITH SUBJECT DATIVE OF NOUNS IN THE PREDICATIVE FUNCTION IN GERMAN AND IN RUSSIAN

Anna V. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, Anna.averina@list.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify similarities and differences in the semantics and grammatical properties of sentences with the subject's dative and nouns in the predicative function in German and Russian. The scientific novelty consists in the fact that the work shows for the first time the semantic and grammatical properties of sentences with the subject's dative and nouns in the predicative function in German and Russian. As a result, it is shown that constructions with the subject's dative and nouns in the predicative function have both common and distinctive properties. Russian constructions have a lower degree of nominativeness, and those meanings that are transmitted by nouns in the function of the predicative in German are often expressed by state predicates or reflexive verbs. The grammatical properties of constructions with the subject's dative and nouns in the predicative function are that they are always

anthropocentric, i.e. the role of the experimenter is always played by a person; they mark a certain state of the experiencer; the experiencer himself does not have a privileged status, he is not an active figure and his condition does not depend on himself. The passive status of the subject explains the predominant use of constructions with nouns in the predicative function in such type of contexts in which it is necessary to emphasize the speaker's non-involvement in the emergence of his state and to show the importance of circumstances.

Keywords: subject dative, nominativity, semantics, passivity, anthropocentricity.

For citation: Averina A. V. Semantics and grammar peculiarities of sentences with subject dative of nouns in the predicative function in german and in russian. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:20-27. (In Russ.).

Введение

В центре внимания данной статьи находятся конструкции с дательным субъекта с именами существительным в функции предикатива в немецком и русском языках. Речь пойдёт о грамматических и семантических особенностях предложений типа, сравните:

(1) *Es ist mir eine persönliche Ehre, Sie hier an diesem Ort empfangen zu dürfen, Signorina.* (DECOW 16A).

(2) *Ну я хочу, но мне лень как всегда.* (НКРЯ).

В приведённых высказываниях в функции предикатива выступают имена существительные: *Ehre* в (1) и *лень* в (2). Говорящий выполняет в них роль испытывающего состояние субъекта. Падежная форма местоимения – дательный падеж. О. И. Москальская трактует предложения данного типа, как двусоставные, ввиду присутствия формального подлежащего *es*. Их отличительная особенность заключается в том, что в роли фактического субъекта выступает демо-агенса, испытывающий некоторое состояние и не являющийся активным [Moskalskaja 2004: 240]. По предварительным наблюдениям, немецкий язык располагает гораздо большим набором конструкций с дательным субъекта с именами существительными в функции предикатива; в русском языке более распространены безличные конструкции, если в функции предикатива выступают наречия или слова категории состояния (например, *Мне страшно*). Причины таких расхождений довольно сложно объяснить и этот вопрос нуждается в более детальном изучении. «Встинная природа безличных предложений остаётся на сегодня неизвестной. Однозначных данных синтаксической типологии в этом отношении не существует и не может существовать, пока вопрос остаётся открытым» [Зарецкий 2008: 164].

Цель данной статьи – выявление сходств и отличий в семантике и грамматике предложений с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива в немецком и русском языках. Задачи состоят в следующем: (1) проанализировать семантику имён существительных, выступающих в функции предикатива, в немецком и русском языках; (2) описать грамматические свойства; (3) определить, в каких типах контекстов и при каких условиях говорящий использует предложения, относящиеся к данному типу. Анализ фактического материала показывает, что конструкции с именами существительными в функции предикатива обладают специфическими грамматическими и семантическими свойствами. Необходимость их более детального освещения определяет актуальность проводимого исследования. Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в ней рассмотрены семантические и грамматические свойства предложений с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива в немецком и русском языках. Практическая значимость определяется возможностью использовать полученные результаты на занятиях по сравнительной типологии немецкого и русского языков и сопоставительной грамматике. В качестве теоретической базы исследования послужили работы ряда исследователей (см: [Виноградов 1975; Зарецкий 2008; Зеленецкий, Монахов 1983; Золотова 2004; Плунгян 2000; Сулейманова 2016]). В качестве материала были отобраны примеры из немецких корпусов DECOW 16A и DWDS, а также из Национального корпуса русского языка. Всего было проанализировано свыше 300 примеров.

Для проведения исследования были использованы следующие методы: описательный метод, посредством которого в работе был представлен анализ ситуаций, передаваемых конструкциями с дательным субъекта имен существительных в функции предикатива; сопоставительный метод, позволивший определить сходства и отличия сравниваемых языков; метод компонентного анализа, посредством которого были обозначены типы ситуаций, передаваемые анализируемыми конструкциями.

Основная часть

1. Семантика конструкций с дательным субъекта и подлежащим в функции предикатива. Анализ фактического материала, отобранного из немецких корпусов DWDS и DECOW, а также из Национального корпуса русского языка, позволил увидеть семантические сходства и отличия предложений с дательным субъекта и с именами существительными, выступающих в функции предикатива. Общим для предложений данного типа является то, что говорящий выступает в роли пассивного субъекта, испытывающего состояние. В немецком языке в роли предикатива могут выступать такие имена существительные: *Rätsel, Anliegen, Bedürfnis, Trost, Vergnügen, Triumph, Freude, Ehre, Last, Beruhigung, Genugtuung, Pflicht, Gefühl, Spaß, Erleichterung, Entbehrung* и т. д. В русском языке можно говорить о гораздо меньшем количестве имён существительных, способных выступать в роли предикатива в предложениях данного типа. Специфика русского языка заключается в том, что предложения с дательным субъекта могут обозначать нежелание говорящего что-либо делать. В функции предикатива выступает имя существительное *лень*:

(3) *И потом, по сути, для публики хорошо бы вставить, но я об этом долго думал, пока что мне лень* (НКРЯ).

В немецком языке предложения данного типа могут передавать следующие типы ситуаций.

Ситуация 1. Ощущение обязательств, понимание необходимости осуществления каких-либо действий. Как правило, в этом случае в функции предикатива выступает имя существительное *Pflicht*:

(4) *es ist mir eine traurige Ehrenpflicht, Ihnen im Namen der Firma XY das tiefempfundene Beileid unserer Unternehmung zum Todes ihres ... auszusprechen* (DWDS).

(5) *Es ist mir eine schmerzliche Pflicht, dem Volk den Tod eines wahren Apostels des Friedens und der Gewaltlosigkeit mitzuteilen* (DWDS).

Говорящий показывает, что ему необходимо осуществить определённое действие вопреки его собственному желанию. В качестве русских эквивалентов для структур данного типа могут быть использованы безличные конструкции с дательным субъекта и словами, относящимися к категории состояния типа *Мне необходимо, Мне нужно*.

Ситуация 2. Неразрешимые вопросы. Как правило, в функции предикатива выступает имя существительное *das Rätsel*:

(6) *Es ist mir ein Rätsel, wie die Technik dahinter aussieht* (DECOW 16A).

(7) *Warum dort überhaupt Bäume wachsen können, ist mir ein Rätsel* (DWDS).

(8) *Heute ist mir ein Rätsel, was mich damals trieb: Ehrgeiz, Langeweile, diese niederträchtigen Glücksbotenstoffe?* (DWDS).

Это довольно частотная форма, позволяющая выразить неспособность говорящего дать ответ на какой-либо вопрос. В русском языке ситуация данного типа может быть передана безличной конструкцией с наречием *непонятно* (*мне непонятно*).

Ситуация 3. Потребность в осуществлении какого-либо действия. В функции предикатива выступают имена существительные *das Anliegen, das Bedürfnis, der Wunsch*:

(9) *Es ist mir ein Anliegen, jeden einzelnen Kommentar mit Sorgfalt zu lesen und dann darauf zu reagieren* (DECOW 16A).

(10) *Lieber Tef und lieber Stefan, es ist mir ein Bedürfnis, hier noch etwas dazu zu sagen...* (DECOW 16A).

(11) *Es ist mir ein grosses Anliegen, Ihnen über Flocke, genannt Tootsie zu berichten!* (DECOW 16A).

(12) *Und es ist mir ein Herzenswunsch, Menschen durch Berührung auf körperlicher, seelischer und geistiger Ebene zu unterstützen – im Alltag und in Bewusstwerdungs – und Veränderungsprozessen* (DECOW 16A).

Как видно из приведённых высказываний, в функции предикатива выступают имена существительные, обозначающие искренние, идущие от сердца желания и стремления (*Anliegen, Herzenswunsch*), внутреннюю потребность в осуществлении каких-либо действий (*Bedürfnis*). В русском языке могут быть также использованы безличные конструкции с возвратными глаголами (*мне требуется, мне хочется*).

Как в русском, так и в немецком языке конструкциями с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива могут быть переданы три типа ситуаций.

Ситуация 1. Ощущение радости, удовольствия, торжества. В функции предикатива в немецком языке выступают имена существительные *Freude, Vergnügen, Lust, Triumph*:

(13) *Es ist mir eine große Freude, heute hier die Laudatio auf Major Florian Pfaff, den diesjährigen Träger des Amos-Preises halten zu dürfen* (DECOW 16A).

(14) *Dani, es ist mir ein Vergnügen wieder dabei zu sein!* (DECOW 16A).

(15) *Es ist mir ein innerlicher Triumph ihr zu beweisen, dass es nicht so sein wird* (DECOW 16A).

(16) *Es war mir eine Lust, unter solcher Berufung – und einem so erteilten Alibi – Thomas Manns als Erzähler Bilder in Bewegung zu setzen* (DECOW 16A).

В русском языке в функции предикатива выступает сочетание имени существительного с предлогом *в*: (17) *Конечно, она мне в радость, но всё-таки...* (НКРЯ).

Чувство успокоения, удовлетворения, облегчения могут передавать имена существительные *Trost, Gefühl, Beruhigung, Erleichterung*:

(18) *Es ist mir ein Trost, dass ich als Missionar keinen Chinesen bekehrt habe* (DECOW 16A).

(19) *Es ist mir ein wirklicher Trost, dass Er sich wieder eingefunden hat und uns nicht verlassen will in unserer Verwirrung* (DWDS).

(20) *Es schien mir, als ob sich außer uns beiden im ganzen riesigen Hause keine lebende Seele befände, und es war mir ein angenehmes Gefühl, diese vollkommene Einsamkeit zu empfinden* (DWDS).

(21) *Fritz, es ist mir eine wahre Beruhigung, daß ich es kommen sehe, und zwar im ganz natürlichen Verlaufe der Tage, von den Wochen und Monaten bis zum Eintritt des nächsten kürzesten Tages gar nicht zu reden!* (DECOW 16A).

(22) *Es war mir eine Erleichterung, Großmama nicht mehr vorzufinden, – ich hätte ihr nicht in die Augen zu sehen vermocht* (DWDS).

В приведённых высказываниях речь идёт об ощущениях говорящего и восприятии им происходящих событий. В русском языке также могут быть использованы конструкции с наречиями в функции предикатива (*Мне спокойно / Мне приятно / Мне легко на душе* и т. д.).

Ситуация 2. Ощущение напряжения, тягостное чувство. В роли предикатива могут быть использованы имена существительные *Last* или *Schmerz*:

(23) *Es ist mir eine große Last* (DECOW 16A).

(24) *Es ist mir ein wahrer Schmerz, dass man nun sechs Wochen bis zum nächsten Mal warten muss, schreibt er einmal an den Uraufführungsdirigenten Bruno Walter* (DWDS).

В русском языке в роли предикатива выступает имя существительное *тягость* в сочетании с предлогом *в*:

(25) *Но ежели отпускная жалуется сквозь зубы, – мне это в тягость* (НКРЯ).

В приведённых высказываниях говорящий указывает на обстоятельства, которые он не в состоянии каким-либо образом изменить; показано, что на них вряд ли можно повлиять.

Ситуация 3. Восприятие событий с позиции привычности / непривычности, позитивного / негативного отношения:

(26) *Es ist mir ein viel traurigeres Ereignis, als Sie denken und vielleicht begreiflich finden* (DWDS).

(27) *Es war mir ein so ungewohntes Essen, dass es mir nachher schwer im Magen lag* (DWDS).

В русском языке имена существительные в функции предикатива в безличных предложениях могут передавать ситуацию, когда говорящий указывает на её странность и непонятность:

(28) *Вы-то уж привыкли и не замечаете, а мне в диковинку* (НКРЯ).

Таким образом, как показывает анализ семантических особенностей имён существительных, выступающих в функции предикатива в предложениях с дательным субъекта в немецком и русском языках, можно говорить о сходствах и отличиях (см. табл. 1).

Такие значения, как «понимание обязательств», «чувство успокоения, удовлетворения», «потребность в реализации какого-либо действия» и «неразрешимые вопросы», передаваемые предложениями с дательным субъекта с именами существительными в функции предикатива в немецком языке, в русском языке получают выражение в форме безличных конструкций. При этом в роли предикатива выступают наречия или слова категории состояния, а также могут быть использованы возвратные глаголы. В целом можно

увидеть, что в русском языке безличные конструкции обладают меньшей степенью номинативности. Мы полагаем, что это объясняется наличием класса слов категории состояния в русском языке.

Таблица 1. Семантика предложений с дательным субъекта с именами существительными в функции предикатива в немецком и русском языках

Семантика предложений с дательным субъекта с именами существительными в функции предикатива в русском языке	Семантика предложений с дательным субъекта с именами существительными в функции предикатива в немецком языке
Нежелание что-либо предпринимать (<i>лень</i>)	(1) осознание необходимости осуществления действий (<i>Pflicht</i>); (2) потребность в реализации какого-либо действия (<i>das Anliegen, das Bedürfnis, der Wunsch</i>); (3) неразрешимые вопросы для говорящего (<i>das Rätsel</i>);
(1) чувства радости, торжества; успокоения, удовлетворения, облегчения (неМ. : <i>die Freude, der Triumph, die Lust, das Vergnügen, der Trost, das Gefühl, die Beruhigung, die Erleichterung</i> ; рус.: <i>в радость</i>); (2) ощущение напряжения, тягостное чувство (неМ. : <i>die Last, der Schmerz</i> ; рус.: <i>в тягость</i>); (3) ощущение чуждости, неясности (неМ. : <i>ein (trauriges) Ereignis</i> ; рус.: <i>в диковинку</i>)	

2. Грамматические свойства конструкций с дательным субъекта и их стилевой потенциал. Грамматические свойства конструкций с дательным субъекта получили детальное освещение во многих исследованиях. На особенности их функционирования в индоевропейских языках, например, в германских и в русском, обратили внимание каждый в своё время В. Д. Аракин и М. М. Гухман (см., например: [Аракин 2005; Гухман 1947]). «В отдельных индоевропейских языках ещё до сих пор сохраняются следы иной типологии членов предложения. Так, в русском, немецком, французском и отчасти английском языках можно обнаружить следы так называемой дативной конструкции, унаследованной, видимо, от далёкого индоевропейского предка, когда носитель действия или состояния принимает форму дательного падежа» [Аракин 2005]. «Рассматриваемый оборот (безличные конструкции – А.А.) отнюдь не представлен только единичными случаями. Он появляется весьма часто при глаголах аффекта, приимённом сказуемом, специально при категории состояния и при пассивных причастиях и может трактоваться как своеобразная форма предложения состояния» [Гухман 1947: 112]. Как показал анализ фактического материала, конструкции с дательным субъекта фактически всегда передают эмоциональное или физическое состояние субъекта:

(29) *"Es ist mir eine große und von Herzen kommende Freude, Sie auf deutschem Boden im Namen der Bundesrepublik Deutschland willkommen heißen zu können* (DWDS).

(30) *В общем, удачи Вам, мне лень тратить время* (НКРЯ).

Подробный обзор теоретической литературы по данной проблематике представлен в монографии Е. В. Зарецкого. Он анализирует потенциал безличных конструкций в различных языках, теории их происхождения и исчезновения, статистические данные по языковой типологии. Согласно его наблюдениям, в индоевропейском языке сфера безличности «ограничивалась преимущественно семантикой неволевых, неконтролируемых, спонтанных, вынужденных действий и состояний, как и в других языках мира с более или менее развитой падежной системой и/или деноминативного строя» [Зарецкий 2008: 36].

Анализируя безличные предложения с наречием в функции предикатива, Ю. С. Степанов, Г. А. Золотова и О. А. Сулейманова обращают внимание на следующие их свойства.

1. Антропоцентричность [Сулейманова 2016: 44]. Так, Ю. С. Степанов указывает на то, что можно сказать *Мне не ложится, Мне не спится*, но вряд ли допустимы высказывания типа *Карандашу не ложится на столе*. [Степанов 1981: 314; Сулейманова 2016].

2. Состояние, не зависящее от субъекта, то есть «к возникновению и поддержанию состояния он не прикладывает никаких – ни сознательных, ни бессознательных – усилий», осознает свое состояние и оно не может наблюдаться со стороны [Сулейманова 2016: 47].

Те же самые свойства характерны и для предложений с дательным субъекта с именем существительным в функции предикатива. Они антропоцентричны, то есть в роли субъекта в них выступает всегда одушевленное лицо, а к возникновению и поддержанию состояния говорящий не прикладывает никаких усилий. Согласно наблюдениям многих исследователей, большое количество безличных конструкций в русском языке считается дополнительным функциональным соответствием пассива в английском [Гиро-Вебер 2001; Зарецкий 2008]. Это также объясняется меньшей степенью номинативности русского языка [Зеленецкий 1983] и его синтетизмом [Зарецкий 2008]. На функциональное сходство пассивных и имперсональных форм указывает также и В. А. Плуныян [Плуныян 2000].

Предложения с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива функционально эквивалентны пассивным конструкциям: субъект в дательном падеже – экспериенцер, носитель определённых эмоций и имеющий своё восприятие ситуации, изменить которую он не может. Субъект не имеет ранга активного деятеля, что характерно и для пассивных залоговых форм. «Итак, в самом общем виде мы можем определить залог как такую глагольную категорию, граммемы которой указывают на определенное изменение коммуникативного ранга участников ситуации. «Активный», или нулевой залог свидетельствует о сохранении некоторой исходной ранговой структуры <...>, тогда как «косвенные», или производные залого (пассивный залог – далеко не единственная возможность) указывают на *передачу статуса участника с наиболее высоким рангом* от одного глагольного аргумента к другому» [Плуныян 2000: 196]. Существительное, теряющее статус подлежащего, «теряет и статус участника с наиболее высоким рангом»; при этом «мы наблюдаем достаточно жёсткую связь между залогом и синтаксической ролью существительного в предложении» [там же: 196–197]. Функция залога, согласно мнению В. А. Плуныяна, – «не столько перераспределение синтаксических ролей как таковых, сколько перераспределение стоящих за ними коммуникативных рангов»; «главное назначение пассива – именно лишение исходного подлежащего его привилегированного статуса» [там же: 199]. В. А. Плуныян обращает внимание на функциональное сходство имперсонала и пассива: имперсонал не является залогом, но, тем не менее, перераспределение коммуникативных рангов происходит [там же: 218].

Таким образом, грамматические свойства имперсонала состоят в следующем:

1) конструкции с дательным субъекта всегда антропоцентричны, то есть в роли экспериенцера всегда выступает человек;

2) они маркируют определённое состояние экспериенцера;

3) сам экспериенцер не имеет привилегированного статуса, не является активным деятелем и его состояние не зависит от него самого. По всей видимости, это и позволяет объяснить сферу использования конструкций данного типа в официально-деловых текстах: они имеют место в том случае, если говорящий хочет подчеркнуть, что он не способен повлиять на ту или иную ситуацию. Ещё одна особенность предложений данного типа – они содержат описание состояния субъекта, являющегося каузированной реакцией на определённые обстоятельства, на эту особенность указывают и авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» [Зарецкий 2008: 152]. Речь идёт не о постоянных свойствах, а о переменных. По всей видимости, это обстоятельство и объясняет дательный падеж субъекта. Так, фраза *Я ленив* указывает более на постоянную характеристику субъекта, его качества, в то время как *Мне лень* обозначает скорее состояние вследствие каких-либо обстоятельств, сравните:

(31) *А у меня это само собой давно сложилось, что Л. знает все, и я давно в тревоге о том, что я ленив как-то, сонлив и не умею спрашивать* (НКРЯ).

(32) *Бытовые вещи покупать мне лень, даже одежду я обычно не покупаю* (НКРЯ).

Говорящий, используя конструкции с дательным субъекта, подчёркивает, что он не способен изменить своё состояние. Это и объясняет «употребимость» предложений данного типа в ситуациях, когда говорящий указывает на обстоятельства, повлиявшие на его эмоциональное состояние, что характерно для официальных встреч и делового общения. Зачастую предложения данного типа имеют возвышенный оттенок, сравните:

(35) *Steinmeiers Vorstellungsrede: "Es ist mir eine große Ehre"* (DWDS).

(36) *"Es wäre mir eine Ehre, diesem Land zu dienen* (DWDS).

(37) *Es war mir eine Ehre und ein Privileg, 14 Jahre hier zu spielen, ich werde immer ein Colt bleiben* (DWDS).

Как видно из приведённых высказываний, говорящий подчёркивает значимость обстоятельств, а его собственное состояние представлено как реакция на них.

Заключение

Анализ семантических и грамматических свойств предложений с дательным субъекта в функции предикатива в немецком и русском языках в сопоставительном аспекте позволил сделать следующие выводы. Конструкции с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива обладают как общими, так и отличительными свойствами. Общим можно назвать их способность передавать эмоциональное состояние субъекта. Сходными для русского и немецкого языков являются такие компоненты смысла как чувства радости, торжества, успокоения, удовлетворения, облегчения; ощущение напряжения, чуждости, неясности.

Различия проявляются при передаче семантических компонентов «нежелание что-либо делать» (русский язык); осознание необходимости осуществления действий, потребность в решении вопросов, реализации действий (немецкий язык). В целом можно увидеть, что в русском языке безличные конструкции обладают меньшей степенью номинативности, а те смыслы, которые передаются именами существительными в функции предикатива в немецком языке, выражены зачастую предикатами состояния или возвратными глаголами (например, *хотеться*) в русском.

Грамматические свойства конструкций с дательным субъекта и именами существительными в функции предикатива состоят в следующем:

- 1) они антропоцентричны, то есть в роли экспериенцера выступает человек;
- 2) маркируют определённое состояние экспериенцера;
- 3) сам экспериенцер не имеет привилегированного статуса, не является активным деятелем и его состояние не зависит от него самого.

Пассивный статус субъекта объясняет и преимущественное использование конструкций с именами существительными в функции предикатива в таком типе контекстов, в котором необходимо подчеркнуть непричастность говорящего к возникновению своего состояния и важность обстоятельств. Особенно это касается случаев, когда говорящий указывает на свою удовлетворенность, радость, торжество, подчеркивая значимость события и уважение к собеседнику.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пос. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
3. Гухман М. М. О стадиальности в развитии строя индоевропейских языков [Текст] / М. М. Гухман // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1947. № 6. С. 101–114.
4. Гиро-Вебер М. Эволюция так называемых безличных конструкций в русском языке XX века // Русский язык: пересекаемая граница / под ред. И. Б. Шатуновского. Дубна : Международный университет природы, общества и человека, 2001. С. 66–78.
5. Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) : монография. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 564 с.
6. Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М. : Просвещение, 1983. 239 с.
7. Золотова Г. А. Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка : монография. М. : 2004. 544 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 11.06.2021, 12.07.2021).
9. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М. : УРСС, 2000. 384 с.
10. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М. : Наука, 1981. 361 с.
11. Сулейманова О. А. Семантика безличных моделей со словами категории состояния // Контенсивные аспекты языка. Константность и вариативность : сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой. М. : Флинта, Наука, 2016. С. 43–66.
12. DECOW 16 A. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 11.06.2021–12.07.2021).
13. DWDS. URL: www.dwds.de (дата обращения: 11.06.2021–12.07.2021).
14. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М. : Академия, 2004. 352 с.

References

1. Arakin V. D. Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian languages]. Moscow, FIZMATLIT, 2005. (In Russ.).
2. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [О категории модальности и модальных словах в русском языке]. *Izbrannye issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected studies on Russian grammar]. Moscow, 1975, pp. 53-87. (In Russ.).
3. Gukhman M. M. O stadial'nosti v razvitii stroya indoevropeskikh yazykov [On the stages in the development of the structure of Indo-European languages]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. Otdelenie literatury i yazyka, 1947, no. 6, pp. 101-114. (In Russ.).
4. Giro-Weber M. Evolyutsiya tak nazyvaemykh bezlichnykh konstruktсии v russkom yazyke KhKh veka [The evolution of so-called impersonal constructions in the Russian language of the twentieth century]. *Russkii yazyk: peresekaya granitsy* [Russian language: crossing borders]. Ed. I. V. Shatunovsky. Dubna, Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka, 2001, pp. 66-78. (In Russ.).
5. Zaretskii E. V. Bezlichnye konstruktсии v russkom yazyke: kul'turologicheskie i tipologicheskie aspekty (v sravnenii s angliiskim i drugimi indoevropeskimi yazykami) [Impersonal constructions in the Russian language: cultural and typological aspects (in comparison with English and other Indo-European languages)]. Astrakhan, Izdatel'skii dom Astrakhanskii universitet, 2008, 564 p. (In Russ.).
6. Zelenetskii A. L., Monakhov P. F. Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of German and Russian languages]. Moscow, Prosveshchenie, 1983, 239 p. (In Russ.).
7. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004, 544 p. (In Russ.).
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 11.06.2021, 12.07.2021).
9. Plungyan V. A. Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku [General morphology. Introduction to the problem]. Moscow, URSS, 2000, 384 p. (In Russ.).
10. Stepanov Yu. S. Imena. Predikaty. Predlozheniya. Semiologicheskaya grammatika [Names. Predicates. Offers. Semiological grammar]. Moscow, Nauka, 1981, 361 p. (In Russ.).
11. Suleimanova O. A. Semantika bezlichnykh modelei so slovami kategorii sostoyaniya [Semantics of impersonal models with state category words]. Kontensivnye aspekty yazyka. Konstantnost' i variativnost' [Contentive aspects of language. Constancy and variability]. Moscow, Flinta, Nauka, 2016, pp. 43-66. (In Russ.).
12. DECOW 16 A. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 11.06.2021–12.07.2021).
13. DWDS. URL: www.dwds.de (дата обращения: 11.06.2021–12.07.2021).
14. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow, Akademiya, 2004, 352 p. (In Russ.).

Информация об авторе

*А. В. Аверина – доктор филологических наук, профессор,
Институт иностранных языков, факультет немецкого языка,
Московский государственный лингвистический университет.*

Information about the author

*A. V. Averina – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Institut inostrannyh yazykov, fakul'tet nemeckogo yazyka,
Moscow State Linguistic University.*

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 28–32.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 28-32.

Научная статья
УДК 81'271.2

ГЕНЕЗИС И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТИ

Елена Юрьевна Невельсон

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
Elena.nevelson@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье приводится исследование генезиса и содержания категории лингвотолерантности. Актуальность исследования этой категории обусловлена тем, что это позволит использовать результаты исследования в предупреждении, урегулировании и разрешении конфликтов. В статье проводится сравнительный анализ смежных понятий: «языковая толерантность», «вербальная толерантность» и «лингвистическая толерантность». Отмечается, что содержание трёх смежных понятий не тождественно. В смежных понятиях разные авторы делают акцент на разные аспекты исследуемой категории: многообразие лингвистических проявлений, свод норм, особый язык общения, профессиональное качество, модель поведения. В статье рассматривается основной смыслообразующий концепт лингвотолерантности – собственно толерантность. Рассматривается содержание этого концепта в гуманитарных науках: философии, психологии, праве, социологии, педагогике, социальной работе, конфликтологии. В некоторых областях знания толерантность трактуется в нескольких значениях. Так, в философии толерантность определяется одновременно как качество личности, как моральная добродетель и как предпосылка плодотворности научных дискуссий. В социологии толерантность рассматривается как терпимость к чужому образу жизни, как выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам и как отсутствие или ослабление реагирования на неблагоприятные факторы. В конфликтологии толерантность понимается как принцип человеческого общежития и как исключение агрессии по отношению к другому.

Ключевые слова: лингвотолерантность, толерантность, язык общения, конфликтология, уважение, принятие.

Для цитирования: Невельсон Е. Ю. Генезис и содержание категории лингвотолерантности // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 28–32.

Original article

THE GENESIS AND THE CONTENT OF THE CATEGORY OF LINGUISTIC TOLERANCE

Elena Yu. Nevelson

Perm State University, Perm, Russia, Elena.nevelson@gmail.com

Abstract. This article provides a study of the genesis and the content of the category of linguistic tolerance. The relevance of the research in this category is due to the fact that it will allow to use the results of the study for the prevention, settling and resolution of conflicts. A comparative analysis of the related concepts is carried out: “language tolerance”, “verbal tolerance” and “linguistic tolerance”. It is noted that the content of the three related concepts is not identical. In the related concepts, different authors focus on various aspects of the category under study: the diversity of linguistic manifestations, a set of norms, a special language of communication, professional quality, and the behavior model. The article examines the key meaning-formation concept of linguistic tolerance – the tolerance itself. The content of the concept of tolerance in the humanities is considered: philosophy, psychology, sociology, pedagogy, social work, conflict studies. In some areas of knowledge, tolerance is interpreted in several meanings. Thus, in philosophy, tolerance is simultaneously defined as a quality of personality, a moral virtue and a prerequisite for the success of scientific discussions. In sociology, tolerance is considered as the tolerance for someone else's way of life, as endurance in relation to unfavorable emotional factors and as the absence or weakening

of a response to unfavorable factors. In conflict studies, tolerance is understood as a principle of the human coexistence and as the exclusion of aggression towards others. In other humanities fields of knowledge, the term tolerance has a more specific content.

Keywords: linguistic tolerance, tolerance, language of communication, conflict studies, respect, acceptance.

For citation: Nevelson E. Yu. The genesis and the content of the category of linguistic tolerance. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:28-32. (In Russ.).

Введение

В современном мире конфликты на разных уровнях являются неотъемлемой его частью. Однако, в отличие от прежних веков, научные знания о том, как предотвращать, урегулировать и разрешать конфликты, стали общедоступны и широко применяются в различных сферах общественной жизни. Вместе с тем, наработки конфликтологии не получают должного распространения среди субъектов коммуникации, что зачастую приводит к неоправданной эскалации конфликтов, вместо их урегулирования. Толерантность является не только общепринятой нормой, но и базовой общественной ценностью, профессионально важным качеством специалистов, работающих с людьми, а также средством профилактики и предупреждения конфликтов. Изучение лингвотолерантности, в свою очередь, позволяет моделировать инструментарий для этих целей, а также использовать ее как коммуникативную технологию.

Основная часть

Категория лингвотолерантности сегодня находится в процессе научного осмысления. В литературе представлены смежные понятия лингвотолерантности: «языковая толерантность», «вербальная толерантность» и «лингвистическая толерантность» [Клюева 2022: 29–32]. Под *языковой толерантностью* понимается «толерантность, обращенная в язык, во всём многообразии её лингвистических проявлений», а также «совокупность вербальных и невербальных средств общения, которые индивид использует при взаимодействии с человеком или группой людей, так или иначе отличающихся от него» [Клюева 2022: 30]. Ю. В. Южакова рассматривает языковую толерантность как «продукт взаимодействия негативной или нейтральной интенции адресанта и общего принципа толерантности (комплекса языковых и речеповеденческих норм, требующего отношения к “чужому” “как к равно достойной личности”» [Южакова 2007: 16]. А. Р. Клюева подчеркивает, что языковая толерантность – это не только «речевой инструмент, позволяющий адресанту избежать проявления речевой агрессии», но «свод норм, которым каждый говорящий должен постоянно следовать в своей речевой деятельности» [Клюева 2022: 30].

Вербальная толерантность с современной литературе имеет несколько иной смысл. О. В. Рубцова считает, что вербальная толерантность – это «язык общения, который предполагает использование определенного лексикона (отсутствие унижительных, оскорбительных, издевательских и очернительных слов) и высказывание позитивных суждений (взвешенных, непредвзятых, доказательных, конструктивных, исключающих элементы стереотипизирования, провокационности, враждебности)» [Рубцова 2009: 10]. Нетрудно заметить, что определение вербальной толерантности более инструментально, содержит в себе упоминание о конкретных проявлениях, хотя и построено на дихотомии «отсутствие – присутствие» тех или иных речевых маркеров. Понятие «*лингвистическая толерантность*» является наименее разработанным и трактуется двояко: как профессиональное качество лингвиста, которое предполагает терпимое отношение к возможным ошибкам в речи другого человека, а также к различным толкованиям одних и тех же слов, либо понятий; как «модель поведения участников коммуникации, предполагающая решение некоего коммуникативного конфликта путем уступок его участников, принятия разнообразия принципов и норм друг друга и «мирного сосуществования» с учетом таких уступок» [Клюева 2022: 31].

Очевидно, что при таком осмыслении понятия «лингвистическая толерантность», первый вариант слишком узок и не раскрывает всего спектра смыслов, входящих в него. Второй вариант, на наш взгляд, слишком однобоко ориентирован на поведенческий аспект коммуникации, с одной стороны, и, на исключительно компромиссный стиль взаимодействия участников конфликтной коммуникации, с другой. Вместе с тем, в конфликтологии,

рассматривающей возможные стили поведения в конфликте, компромиссный стиль реагирования не считается самым удачным. Компромисс понимается как «стратегия поведения субъекта в конфликте, ориентированная на определенные уступки взамен на частичные уступки со стороны оппонента» [Анцупов, Шипилов 1999: 534]. Сотрудничество как «кооперативная стратегия поведения оппонента в конфликте, заключающаяся в ориентации на совместный поиск решения, удовлетворяющего интересы всех сторон» – наиболее оптимальная стратегия для сторон конфликтного взаимодействия, хоть она и требует от сторон определённой конфликтологической грамотности [Анцупов, Шипилов 1999: 537].

Сравнительный анализ существующих смежных понятий категории лингвотолерантности показал, что, исследуя данную категорию, нельзя обойти вниманием ее основной смыслообразующий концепт – «толерантность». В современной лингвистической науке наиболее полное исследование толерантности, как лингвистической категории, проводилось Т. В. Романовой. Она сравнила значения дефиниции толерантности в естественных, математических и технических науках со значениями этой же дефиниции в гуманитарных науках (философии, социологии, политологии, праве) [Романова 2015: 40]. Одним из выводов этого сравнительного анализа был следующий: «Если дефиниция толерантности в естественных, математических, технических науках актуализирует сему 'устойчивость', то в гуманитарных науках сему 'терпимость', что связано с этимологией слова» [Романова 2015: 40]. Вместе с тем, Т. В. Романова рассматривает категорию «толерантность» в связке «толерантность – политкорректность» [Романова 2018: 214–219], что предполагает изучение, прежде всего печатных (электронных) источников. В целях нашего исследования есть смысл изучить содержание категории толерантности в таких гуманитарных областях знания, как философия, психология (прежде всего, социальная), право, социология. Представляет интерес также изучение содержания категории толерантности в прикладных науках, таких, как педагогика, конфликтология, социальная работа. Категория толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение, терпеливость) определяется как нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как к равно достойной личности [СФТ 2005: 590–592]. В словарной статье подчеркивается, что толерантность не сводится к простой терпимости, которая подчеркивает лишь «способ отношения к неприятным или неприемлемым объектам – снисходительное их допущение или вынужденное терпение без принуждения насилия» [СФТ 2005: 590].

Толерантность рассматривается авторами в разных аспектах: как качество личности, предполагающее «настроенность на паритетный диалог», на познание нового, «чужого», что, однако, не исключает возможности изменения системы взглядов и представлений индивида [СФТ 2005: 591]; как моральную добродетель и как социальное благо, изложенное еще в евангельских текстах; как предпосылку плодотворности научных дискуссий, предполагающую, что без нее не может идти речь об осознании множественности и противоречивости подходов к той, или иной проблеме. В контексте социальных проблем и конфликтов подчеркивается важность вопроса о границах толерантности, как условия возможности последней в качестве нравственной ценности. В отечественной психологической науке категория толерантности вошла в обиход в связи с работами А. Г. Асмолова, который понимал под ней «уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения» [Асмолов 1998].

В социальной психологии наиболее разработана концепция толерантности у Г. Л. Бардиер. Она определяет толерантность как «способность человека позитивно реагировать на окружающие его социальные различия» [Бардиер 2007: 8]. Автор выделяет три сферы, в которых могут проявляться эти различия: социальные отношения, социальное познание и социальное поведение. Особенность социально-психологического подхода к исследованию категории толерантности (в отличие от философии и общей психологии) заключается в его инструментальности. Автор выделяет структуру толерантности, которая включает в себя аффективные, когнитивные и конативные компоненты [Бардиер 2007: 8].

В международных документах ООН толерантность трактуется как «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности...»

[Декларация принципов терпимости 1995]. В социологии толерантность трактуется в нескольких значениях: терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям; выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам; отсутствие или ослабление реагирования на к.-л. неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию [БТСО].

В педагогике толерантность является выражением активной нравственной позиции и направлена на взаимодействие, сотрудничество, взаимопонимание с другими людьми [Воднева, Дони́на, Шерайзина 2016: 144–150]. В конфликтологии толерантность трактуется двояко: как фундаментальный принцип человеческого общежития, предусматривающий терпимость, снисходительность к кому-нибудь, чему-нибудь; как исключение агрессии по отношению к другому, мягкие способы воздействия на того, чье поведение невозможно ни понять, ни принять. Синтон [Дмитриев 2012: 51–52].

В социальной работе толерантность рассматривается как один из ее руководящих принципов, как «признание правомерности культурных, религиозных, расовых и прочих различий между индивидами, группами и социальными общностями, терпимое отношение к проявлениям непохожести во внешнем виде, поведении, ценностных ориентациях и т. д. других людей» [РЭСР 1997: 349].

Заключение

На сегодняшний день категория лингвотолерантности находится в процессе научного осмысления. Смежные категории, такие как языковая толерантность, вербальная толерантность и лингвистическая толерантность, не вполне отражают ее содержание. Концепт толерантность довольно хорошо изучен в гуманитарных науках, однако в разных теоретических и прикладных науках его содержание неодинаково.

В качестве рабочего определения лингвотолерантность можно рассматривать как язык общения, который характеризуется уважением, принятием, а также отсутствием или ослаблением реагирования на какие-либо конфликтогенные факторы.

Список литературы

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : Учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999. 551 с.
2. Асмолов А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М., 1998.
3. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности : автореф. дис. ... д-а. псих. наук. СПб., 2007. 45 с.
4. Большой толковый социологический словарь онлайн. <https://472.slovaronline.com> (дата обращения: 26.05.2024).
5. Воднева С. Н., Дони́на И. А., Шерайзина Р. М. Педагогическая толерантность как междисциплинарный // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 1 (166).
6. Декларация принципов терпимости. Резолюция 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО. 16 ноября 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 26.01.2024).
7. Дмитриев А. В. Конфликтология : краткий терминологический словарь. СПб. : СПбГУП, 2012. 66 с.
8. Ключева А. Р. Сущность языковой толерантности // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора : сборник статей X Международной научной конференции молодых ученых (11 февраля 2022 г.). Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2022. С. 29–32.
9. Романова Т. В. Информационный обзор: категории толерантность/политкорректность как объект лингвистического осмысления // Вопросы психолингвистики. № 4 (38). 2018. С. 204–219.
10. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 2 (52). С. 39–49.
11. РЭСР – Российская энциклопедия социальной работы. Том II. / Под ред. Панова А. М, Холостовой Е. И. М., 1997. 405 с.
12. Рубцова О. В. Новое поколение: учимся вместе : сб. науч.-метод. материалов / под ред. О. В. Рубцовой. Копейск : Копейский рабочий, 2009. 235 с.
13. СФТ – Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. XVI, 731 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»). XVI, 731 с.
14. Южакова Ю. В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: [б.и.], 2007. 203 с.

References

1. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow, YuNITI, 1999, 551 p. (In Russ.).
2. Asmolov A. G. *Tolerantnost': razlichnye paradigmy analiza* [Tolerance: different paradigms of analysis]. *Tolerantnost' v obshchestvennom soznanii Rossii* [Tolerance in the public consciousness of Russia]. Moscow, 1998. (In Russ.).
3. Bardier G. L. *Sotsial'naya psikhologiya tolerantnosti* [Social psychology of tolerance]. Doctoral dissertation abstract. Saint Petersburg, 2007, 45 p. (In Russ.).
4. Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar' onlain [Large explanatory sociological dictionary online]. (In Russ.). Available at <https://472.slovaronline.com> (accessed: 26.05.2024).
5. S. N. Vodneva, I. A. Donina, R. M. Sheraizina. *Pedagogicheskaya tolerantnost' kak mezhdistsiplinarnyi* [Pedagogical tolerance as an interdisciplinary]. *Vestnik TGPU* [Vestnik TSPU]. 2016, 1 (166). (In Russ.).
6. *Deklaratsiya printsipov terpimosti. Rezolyutsiya 5.61 General'noi konferentsii YuNESKO. 16 noyabrya 1995 g.* [Declaration of Principles of Tolerance. Resolution 5.61 of the UNESCO General Conference. November 16, 1995]. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (accessed: 26.01.2024).
7. Dmitriev A. V. *Konfliktologiya: kratkii terminologicheskii slovar'* [Conflictology: brief terminological dictionary]. Saint Petersburg, SPbGUP, 2012, 66 p. (In Russ.).
8. Klyueva A. R. *Sushchnost' yazykovoï tolerantnosti* [The essence of language tolerance]. *Aktual'nye voprosy perevoda, lingvistiki, istorii literatury i fol'klora* [Current issues of translation, linguistics, history of literature and folklore]. Ekaterinburg, UMTs-UPI, 2022, pp. 29-32. (In Russ.).
9. Romanova T. V. *Informatsionnyi obzor: kategorii tolerantnost'/politkorrektnost' kak ob'ekt lingvisticheskogo osmysleniya* [Information review: categories of tolerance/political correctness as an object of linguistic comprehension]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. No. 4 (38), 2018, pp. 204-219. (In Russ.).
10. Romanova T. V. *Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskii obzor sovremennogo sostoyaniya problemy* [Tolerance and political correctness: an analytical review of the current state of the problem]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2015, iss. 2 (52), pp. 39-49. (In Russ.).
11. *Rossiiskaya entsiklopediya sotsial'noi raboty* [Russian encyclopedia of social work]. Ed. A. M. Panova, E. I. Kholostovoy. Vol II, Moscow, 1997, 405 p. (In Russ.).
12. Rubtsova O. V. *Novoe pokolenie: uchimsya vmeste* [New generation: learning together]. Ed. O. V. Rubtsova. Kopeisk, Kopeiskii rabochii, 2009, 235 p. (In Russ.).
13. *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Scientific edition of Professor V. G. Kuznetsov, Moscow, INFRA, M, 2005, XVI, 731 p. (In Russ.).
14. Yuzhakova Yu. V. *Tolerantnost' massovo-informatsionnogo diskursa ideologicheskoi napravlenosti* [Tolerance of mass information discourse of ideological orientation]. PhD thesis. Chelyabinsk, 2007, 203 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Невельсон – старший преподаватель,
кафедра социальной работы и конфликтологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

Nevelson E. Yu. – Senior Lecturer,
Department of Social Work and Conflictology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 33–41.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 33-41.

Научная статья
УДК 81'27:316.48

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Лариса Александровна Соболева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
soboleva-la@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье исследование категорий конфликтов, конфликтности и лингвоконфликтности как катализатора конфликтных ситуаций среди субъектов коммуникации, представляется весьма актуальным, поскольку в последние пять лет рост проявлений агрессивности, насилия фиксируется исследованиями социологии, педагогики, конфликтологии, криминологии. Изучение конфликтов и лингвоконфликтности, специфики конфликтности высказываний, необходимо с точки зрения социальной безопасности современного российского общества. Данная статья посвящена определению категории лингвоконфликтности, а также исследованию причин конфликтного взаимодействия между субъектами общения. В исследовании представлены разные точки зрения классиков и современных исследователей на определения таких понятий как конфликт, виды и типы конфликтов, влияние разнообразных факторов на речевое поведение в конфликтных ситуациях. Среди множества вопросов, возникающих при обсуждении проблем конфликта, одним из наименее ясных является вопрос о факторах, имеющих значение для его возникновения и протекания. Полагаем, что исследование лингвоконфликтности является одним из таких факторов.

Ключевые слова: противоречие, конфликт, конфликтность лингвоконфликтность, конфликтное взаимодействие, общение.

Для цитирования: Соболева Л. А. Подходы к определению категории лингвоконфликтности в современной лингвистике и конфликтологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 33–41.

Original article

APPROACHES TO DEFINING THE CATEGORY OF LINGUISTIC CONFLICT IN MODERN LINGUISTICS AND CONFLICTOLOGY

Larisa A. Soboleva

Perm State University, Perm, Russia, soboleva-la@yandex.ru

Abstract. In the proposed article, the study of the categories of conflicts, conflictogenicity and linguistic conflict as a catalyst for conflict situations among communication subjects seems to be very relevant, since in the last five years the growth of manifestations of aggression and violence has been recorded by studies of sociology, pedagogy, conflictology, criminology. The study of conflicts and linguistic conflict, the specifics of the conflict of statements, is necessary from the point of view of social security of modern Russian society. This article is devoted to the definition of the category of linguistic conflict, as well as to the study of the causes of conflict interaction between the subjects of communication. The study presents different points of view of classics and modern researchers on the definitions of such concepts as conflict, types and types of conflicts, the influence of various factors on speech behavior in conflict situations. Among the many questions that arise when discussing conflict issues, one of the least clear is the question of the factors that are important for its occurrence and course. We believe that the study of linguistic conflict is one of such factors.

Keywords: contradiction, conflict, conflictogenicity, linguistic conflict, conflict interaction, communication.

For citation: Soboleva L. A. Approaches to defining the category of linguistic conflict in modern linguistics and conflictology. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:33-41. (In Russ.).

Введение

Конфликты могут возникнуть в самых разнообразных сферах жизни человека, например в семейной и быть причиной разводов, это обусловлено тем, что Россия является одним из лидеров в мире по числу расторжения браков. Так, по данным ВЦИОМ 2021 г., на вопрос, что, по мнению россиян, является самой частой причиной разводов, респонденты на первое место поставили бедность (33 % опрошенных), на второе – отсутствие взаимопонимания (15 %), на третьем – измена или ревность одного из супругов (14 %) [ВЦИОМ 2021]. Полагаем, что последние две причины также являются следствием неумения конструктивно подходить к профилактике и разрешению конфликтов, слушать и слышать партнера, не использовать в речи конфликтогенные высказывания и действия. Изучение и анализ возникновения конфликтов, конфликтогенности в целом и лингвоконфликтогенности [Костарева 2023; Сюткина, Химинец 2023; Фомичева 2023; Хорошева, Сусметова 2023], в частности необходимо с точки зрения предотвращения конфликтного взаимодействия, которое, по мнению А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова является наиболее деструктивной формой общения [Анцупов, Шипилов 2020: 213].

Основная часть

Многими исследователями [Третьякова 2013; Режук, Ширяева-Ширинг 2023] отмечается тот факт, что лексические средства являются наиболее распространенными и широко используемыми, так как позволяют передать те оттенки значения, которые невозможно передать, используя лишь морфологические, синтаксические и, в случае с онлайн коммуникацией, графические средства. Как отмечает О. Н. Путина, причины лингвоконфликтогенности могут носить разный характер.

Во-первых, конфликт в языке неизбежен, поскольку, по мнению Э. Фромма, агрессия постоянно присутствует в организме человека как импульс, обусловленный самой природой [Фромм 1973: 126–127].

Во-вторых, нарастанию лингвоконфликтогенности способствует массовое распространение коммуникации в виртуальном мире с присущей ему анонимностью, относительной безнаказанностью и безответственностью [Будко, 2016, с. 20]. В-третьих, различного рода лингвистические конфликты являются маркерами не только состояния языка, но и социальных и политических проблем общества [Путина 2020: 71; Путина, Балакин 2022; Путина 2023]. Также О. Н. Путина характеризует лингвоконфликтогенную личность, которая отличается нарушением коммуникативного пространства, затруднениями в процессе обмена информацией, проявлениями вербальной агрессии, отсутствием стратегии взаимодействия и, в результате, продуктивного общения [Путина 2020: 71].

Современные исследователи нередко используют термин лингвоконфликтогенность текста, которая служит обозначением тех затруднений в процессе обмена информацией, которые вызваны отсутствием стратегии взаимодействия и характеризуются проявлением вербальной агрессии. В свою очередь используемые для провоцирования или развития конфликта вербальные средства называются лингвоконфликтогенами. К ним относят негативизмы, инвективную лексику, метафору, иронию, пейоративные суффиксы, императивы, нарушение норм речевого этикета и т. п. Важно отметить, что выбор языковых средств в данном случае обусловлен желанием добиться полной дискредитации оппонента путем его оскорбления, высмеивания и т. п.

Подходить к изучению лингвоконфликтогенности, полагаем, невозможно без изучения понятий конфликта и конфликтогенности. Слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus* – столкновение и практически в неизменном виде входит в другие языки (*conflict* – англ., *konflikt* – нем., *conflit* – франц.). Вместе с тем в настоящее время в конфликтологической литературе существует множество определений конфликта. Так, один из основоположников конфликтологии, американский социолог Льюис Козер (Lews Coser), определяет, что под конфликтом понимается борьба за ценности и притязания на определенный статус, власть и ресурсы, в которой целями противника являются

нейтрализация, нанесение ущерба или устранение соперника [Козер 2000 : 32]. Л. Г. Здравомыслов считает, что конфликт это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия, форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями [Здравомыслов 1996: 82].

Представляется заслуживающим внимание определение В. П. Шейнова: конфликт – это столкновение, противоборство сторон, при котором хотя бы одна сторона воспринимает действия другой как угрозу ее интересам [Шейнов 2020]. Н. В. Гришина придерживается мнения, что конфликт – это противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами) [Гришина 2008: 25]. Противоречие – основа конфликта, противоречия возникают между людьми или внутри структуры самой личности. Именно противоречия и вызывают противоборство между сторонами конфликта.

Один из ведущих современных отечественных конфликтологов А. И. Стребков, рассматривая конфликт как негативную форму взаимодействия, отмечает, что кризис – это результат потери или ослабления единства в объединении, тогда как конфликт – это процесс усиления различий в том же объединении. По мнению исследователя, кризис отражает объективную сторону потери единства во взаимодействии, конфликт – субъективную.... Утрата единства во взаимодействии и есть кризис. В свою очередь, утрата единства во взаимодействии влечет за собой усиление различий и тем самым порождает конфликт [Стребков 2015: 16].

Имея в виду важную для понимания конфликта роль противоречий, часто сам конфликт определяют как предельное обострение противоречий между участниками взаимодействия, проявляющееся в их противоборстве. При этом речь идет именно о резком обострении противоречий, поскольку не всякое противоречие вызывает конфликт. На ранней стадии развития противоречие может разрешиться и бесконфликтным образом. Кроме того, противоречия могут вообще существовать в бесконфликтной форме.

Примером может служить противоречие между мужчиной и женщиной. Это противоречие было и будет всегда, но лишь в определенной социальной ситуации оно может приобретать конфликтную форму. Наконец, существует множество противоречий, которые к конфликту вообще не имеют никакого отношения. Таковы, например, противоречия между человеком и природой, производством и потреблением. Всякий конфликт это всегда взаимодействие социальных субъектов. Однако не всякое взаимодействие является конфликтом. Там, где нет противоборства, отсутствуют острые противоречия, сопровождающиеся отрицательными эмоциями, там нет и конфликта. К таким взаимодействиям относятся отношения товарищеского, дружеского сотрудничества, любовные отношения, коллективистские связи.

По мнению А. Я. Анцупова, А. И. Шипилова, существуют следующие причины конфликтов: организационно-управленческие; социально-психологические; личностные; объективные; субъективные [Анцупов, Шипилов 2015 : 41].

Объективные причины, как правило, приводят к созданию предконфликтной обстановки. Иногда они могут быть реальными, а иногда мнимыми и в этом случае будут только поводом, искусственно придуманным человеком. Субъективные причины начинают действовать тогда, когда предконфликтная обстановка перерастает в конфликт. Практически в любой предконфликтной ситуации у человека остается выбор конфликтного или одного из неконфликтных путей ее разрешения. Только, исходя из индивидуальных психологических особенностей, человек выбирает тот или иной способ поведения.

К числу наиболее частых объективных причин возникновения конфликтов А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов относят следующие: естественное столкновение материальных и духовных интересов людей в процессе жизнедеятельности; слабую разработанность правовых норм, регулирующих неконфликтное решение проблем; недостаток значимых для нормальной жизнедеятельности людей материальных и духовных благ и, соответственно, распределение материальных и духовных ресурсов является объективно конфликтным процессом.

Следующая группа объективных причин конфликтов носит организационно-управленческий характер. Организационно-управленческие причины конфликтов связаны с

созданием и функционированием организаций, коллективов, групп. Структурно-организационные причины конфликтов заключаются в несоответствии структуры организации требованиям деятельности, которой она занимается. Структура организации должна определяться задачами, которые эта организация будет решать или решает, структура создается под задачи. Однако добиться идеального соответствия структуры организации решаемым задачам практически невозможно. В основном допускаются две ошибки при создании организации: ошибка при проектировании организации и прогнозировании ее задач и непрерывное изменение задач, стоящих перед организацией.

Функционально-организационные причины конфликтов вызваны несовершенством функциональных связей организации с внешней средой; между структурными элементами организации; между отдельными работниками. Личностно-функциональные причины конфликтов связаны с неполным соответствием работника по профессиональным, нравственным и другим качественным требованиям занимаемой должности. Ситуативно-управленческие причины конфликтов обусловлены ошибками, допускаемыми руководителями и подчиненными в процессе решения управленческих и других задач. Принятие ошибочного управленческого решения объективно создает возможность конфликтов между авторами решения и его исполнителями. Невыполнение работниками задач, поставленных руководством, также вызывает опасность конфликта по этому поводу. Третья группа причин имеет социально-психологический характер. Одной из таких причин становятся возможные значительные потери информации и искажение информации в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации. Человек в принципе не может передать информацию без ее искажения в процессе общения [Анцупов, Шипилов 2015: 112].

Второй типичной социально-психологической причиной межличностных конфликтов является несбалансированное ролевое взаимодействие двух людей. Согласно теории Эрика Берна, каждый человек в процессе взаимодействия играет определенные роли. В своей жизни в зависимости от конкретной ситуации человек может играть несколько ролей. С одними он – друг, с другими – начальник, с третьими – подчиненный.

К сожалению, эти роли мы не всегда играем достаточно успешно. Относительно конфликта наиболее существенны роли руководителя и подчиненного (ребенка и родителя, старшего, равного, младшего). Э. Берн вводит понятие *транзакции* – единицы взаимодействия партнеров по общению, сопровождающегося заданием их позиций. Выделяются три основные группы ролей: ребенок – проявляет чувства (обиды, страха, вины...), подчиняется, шалит, проявляет беспомощность, задает вопросы: «Почему я?», «За что меня?», извиняется в ответ на замечания; родитель – требует, оценивает (осуждает и одобряет), учит, руководит, покровительствует; взрослый – работает с информацией, рассуждает, анализирует, уточняет ситуацию, разговаривает на равных, апеллирует к разуму, логике [Берн 1997: 42].

Когда руководитель общается с подчиненным, то он ведет себя как старший по отношению к младшему. Если подчиненный так же оценивает распределение ролей, то есть считает себя младшим, то такое взаимодействие с точки зрения сбалансированности ролей будет длиться бесконфликтно сколь угодно долго. Однако может сложиться ситуация, при которой участники взаимодействия определяют себе равные роли. При такой ситуации возможен ролевой конфликт. Взаимодействие людей осложняется тем, что они играют сразу несколько ролей. Об этом нужно помнить, работая с людьми. Необходимо уметь подстраиваться под человека, с которым вы работаете. От этого зависит ваш успех и успех другого человека в коммуникации. Одной из типичных социально-психологических причин межличностных конфликтов является непонимание людьми того, что при обсуждении проблемы, особенно сложной, несовпадение позиций часто может быть вызвано не действительным расхождением во взглядах на одно и то же, а подходом к проблеме с различных сторон.

Проблемы, которые обсуждают люди, как правило, сложны и имеют множество сторон и оттенков. Партнеры по взаимодействию нередко подходят к проблеме с разных сторон. Обладая разным жизненным опытом и знанием проблемы, они дополняют эту проблему до целостной каждый по-своему. В случае такого конфликта необходимо вслух проговорить проблему каждой из сторон и прийти к единому ее определению. Типичной социально-психологической причиной конфликтов во взаимодействии людей является выбор ими различных способов оценки результатов деятельности и личности друг друга. В основе

любой оценки лежит сравнение. Как отмечалось выше, одним из наиболее широких и очевидных оснований классификации конфликтов, которые выделяют А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов, является разделение их по субъектам, или сторонам конфликта. С этой точки зрения все конфликты делятся: на внутриличностные; межличностные; между личностью и группой; межгрупповые; межгосударственные (или между коалициями государств) [Анцупов, Шипилов 2004 : 199].

1. В общей форме внутриличностный конфликт можно сформулировать как проблему между наличным состоянием субъекта и его желаемым состоянием, между действительностью и возможностью, актуальным и потенциальным. Например, самооценка студента вуза такова, что ему давно бы уже пора быть кандидатом наук. В результате может возникнуть конфликт нереализованного желания [Фрейд 1990: 209]. По своему содержанию и форме сам внутриличностный конфликт не является однотипным. В его основании могут лежать самые разнообразные внутриличностные причины, например: противоречие потребностей; противоречие между внутренней потребностью и социальной нормой; противоречие между различными ролями индивида; трудность выбора между различными вариантами поведения.

2. Межличностный конфликт – это столкновение между отдельными индивидами в процессе их социального и психологического взаимодействия. Конфликты этого типа возникают на каждом шагу и по самым разным поводам. Примерами таких конфликтов являются: противоборство между членами коллектива (группы) из-за влияния в группе; противоречие между руководителем и подчиненным из-за размера зарплаты; между пассажирами общественного транспорта и пр. Такие противоборства могут происходить в различных сферах общественной жизни: бытовой, экономической и политической. Причины, которые привели к возникновению межличностного конфликта, также могут быть самыми разными: объективными, то есть не зависящими от воли и сознания людей, и субъективными, зависящими от человека; материальными и идеальными, временными и постоянными и т. д. Конфликт между индивидами может возникнуть из-за собственности, а может и из-за того, что люди просто не «сошлись характерами» и не могут уступить друг другу в мелочах. Художественная литература изобилует примерами подобного рода конфликтов.

3. Конфликт между личностью и группой. Этот тип конфликта имеет много общего с межличностным, однако, он более многоплановый. Группа включает в себя целую систему отношений, она определенным образом организована, в ней, как правило, имеются формальный и/или неформальный лидер, координационная и субординационная структуры и т. д. Подобно другим типам конфликтов, конфликт между личностью и группой может быть как конструктивным, так и деструктивным. В первом случае разрешение конфликта способствует укреплению связи личности с группой, формированию личностной и групповой идентификации и интеграции. Во втором случае, напротив, происходят дезидентификация личности и групповая дезинтеграция.

4. Межгрупповой конфликт выражается в столкновении интересов различных групп. К такому типу относятся конфликты между социальными группами самого разного размера: малыми, средними и большими. Количественный состав малой группы может варьироваться от нескольких человек до нескольких десятков людей. Такие группы могут быть формальными (официальными), имеющими четко фиксированную структуру, устав, иерархию должностей, и неформальными, возникающими спонтанно, на основе личностных качеств. Они могут быть также временными или постоянными, открытыми или закрытыми. Средние социальные группы – это, например, коллектив предприятия, учебного заведения, воинской части. Для таких групп характерна институциональная организация, а основная их роль и задача обусловлены официальным общественным статусом. Типичная средняя группа – относительно самостоятельная организация, имеющая свой статус и функции в системе общественного разделения труда или вне трудовой деятельности (политические объединения, группы по интересам). К большим социальным группам относятся такие образования, как социальные классы, политические партии, касты, социальные слои (страты), этнические общности, национальные образования, крупные религиозные объединения. Следует отметить, что именно конфликт между большими социальными группами некоторые исследователи называют социальным конфликтом в собственном смысле слова, в отличие от внутриличностных, межличностных и внутригрупповых

конфликтов, а также конфликтов между малыми группами. Такого взгляда, в частности, придерживались К. Маркс и его последователи, называя социальным конфликтом противоборство между общественными классами.

5. Межгосударственный конфликт. Сторонами этого типа конфликтов выступают отдельные государства или группы государств (коалиции). Причины этих конфликтов могут быть также самые разнообразные (экономические, политические, идеологические, территориальные и др.). В основе межгосударственных конфликтов лежат прежде всего противоречия интересов стран. Одна из отличительных черт такого конфликта в современных условиях – опасность массового уничтожения людей в случае развязывания военных действий между государствами. В этой связи ряд авторов отмечает, что сдержанный оптимизм вызывает тот факт, что за последнее десятилетие XX столетия, по некоторым данным, произошло изменение в доминировании типов конфликтов в мире, смещение их из межгосударственной сферы во внутрисоциальную. Но оптимизм этот действительно сдержанный, потому что сами гражданские конфликты внутри стран стали более суровыми и смертоносными. Важнейшим центром урегулирования межгосударственных конфликтов и поддержания мира является Организация Объединенных Наций (ООН).

Таковы основные типы конфликтов, наиболее часто встречающиеся в литературе. Однако приведенная классификация конфликтов, конечно, не является исчерпывающей и может быть расширена посредством выделения других типов конфликтов по самым разным основаниям. Например, А. Г. Здравомыслов выделяет конфликты:

1. По сферам жизнедеятельности людей: бытовые, семейные, трудовые, воинские, учебно-педагогические и др. [Здравомыслов 1996: 156].

2. По характеру объектов, по поводу которых возникают конфликты: ресурсные, статусно-ролевые, социокультурные, идеологические и др.

3. По направленности воздействия и распределения полномочий: конфликты «по вертикали» (начальник – подчиненный, вышестоящая организация – нижестоящая организация); конфликты «по горизонтали» (между руководителями одного ранга, между коллегами).

Помимо этого различают также конфликты: явные и латентные; конструктивные и деструктивные; кратковременные и длительные; реалистические и нереалистические; локальные, региональные и международные [Дмитриев 2013 : 166].

В целом, полагаем, что ни одна классификация конфликтов не может считаться законченной и поэтому является относительной и условной. Нельзя не согласиться с мнением авторов, что главная цель любой классификации – помочь объяснить конфликт и найти адекватные способы его разрешения или (еще лучше) предупреждения. Выделение групп факторов, влияющих на возникновение и сглаживание конфликтов, позволяет анализировать их и предпринимать практические действия [Соболева 2022: 24].

С целью изучения лингвоконфликтности и выявления наиболее часто встречающихся у современной молодежи вербальных конфликтогенов, авторами в мае 2024 года было проведено исследование среди молодых людей 18–22 лет, методом социологического опроса, всего в исследовании приняло участие 83 человека.

Анкетируемым было предложено 3 вопроса:

1. Какие слова (высказывания) вызывают у Вас негативные эмоции?;

2. От какого человека было обиднее слышать негатив? (незнакомец, – родственник (близкий человек), друзья);

3. Какие слова (действия) способствовали выходу из конфликта?

В результате на 1 вопрос 46 % респондентов ответили, что наиболее обидны слова «ты должен», «я лучше знаю», «ты недостойн», «не ной», «эй, ты!»... и подобные высказывания, обращенные к личности, в повелительном наклонении, прямые проявления превосходства, сравнения и противопоставления, 31 % – негативно реагируют на обвинения, сарказм, насмешки, замечания, 23 % на обценную лексику, обращенную в свой адрес. Что касается второго вопроса, от кого наиболее обидно слышать негативные высказывания, то подавляющее большинство – 81 % ответили, что от родственников и близких друзей. Также большинство респондентов на вопрос Что способствовало выходу из конфликта? отвечали, что слова ободрения, сочувствия, возможность взаимного обсуждения создавшейся проблемы.

Таким образом, результаты мини-опроса свидетельствуют о довольно разнообразном присутствии лингвоконфликтогенов в речи субъектов вербального взаимодействия, что подтверждает необходимость изучения данной категории лингвистики. Данный вывод подтверждает исследование О. П. Семенец типов лингвистических конфликтогенов и их роли в речевых и психологических конфликтах [Семенец 2021: эл. ресурс].

Автором на примерах речевых и психологических конфликтов проходящих вербальную стадию своего развития установлено, что лингвистические конфликтогены имеют разную природу, в связи с чем могут быть объединены в три группы: системные, узуальные и контекстуальные.

В зависимости от того, проявляет ли то или иное языковое средство свои постоянные системные характеристики или функции, обусловлено ли его функционирование узуальными конвенциями или контекстуальными модификациями, продиктованными параметрами контекста, лингвистические конфликтогены создают многообразие конфликтов, которые могут разворачиваться в лингвистической плоскости и при определенных условиях переходить в зону межличностного общения и становиться психологическими.

Заключение

Роль лингвистического конфликтогена велика, поскольку речь может быть не только интенсификатором конфликта, имеющим изначально неязыковые причины, но и его источником, так как в этом случае конфликтное взаимодействие порождено именно фактором языка, или кодом коммуникации. Учет конфликтогенных языковых средств в процессе общения позволит как максимально эффективно разрешать сложившиеся противоречия, так и реализовывать предупредительную речевую стратегию, направленную на минимизацию конфликтности в современном дискурсе.

В целом, резюмируя изложенное, следует отметить, что изучение проблемы лингвоконфликтогенности в современной лингвистике невозможно без тщательного анализа конфликтов их видов и моделей, влияния языковых средств общения на субъектов конфликтного взаимодействия. Это весьма важное направление, главная цель которого – снижение разного рода противостояний, в также гармонизация современного российского общества.

Список литературы

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. М. : Эксмо. 2020. 1050 с.
2. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2015. С. 112. 528 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М. : Эксмо. 2023. С. 288.
4. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения 09.07.2024).
5. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. С. 25. (Серия «Мастера психологии»). 480 с.
6. Дмитриев А. В. Конфликтология : учебник. М. : Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 166.
7. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 82. 317 с.
8. Козер Л. А. Аункции социального конфликта / Пер. с англ. О. А. Назаровой. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 32. 205 с.
9. Конфликты в условиях трансформации современного российского общества : курс лекций / Под. ред. А. В. Алейникова, А. И. Стребкова. СПб. : БХВ-Петербург, 2015. 496 с.
10. Костарева А. А. Категория манипуляции: структура и содержание // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 49–58.
11. Медиация: альтернативный способ урегулирования конфликтов (споров): учебно-методическое пособие / коллектив авторов под общей редакцией Т. И. Марголиной, Л. А. Соболевой. Пермь : Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2022. С. 24.
12. Путина О. Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примере дискурсивных маркеров) // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 70–78.
13. Путина О. Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примерер дискурсивных маркеров) // Миграционная лингвистика. 2020а. № 2. С. 70–78.

14. Путина О. Н., Балакин С. В. Реевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 4–9.
15. Путина О. Н. Дискурсивные маркеры actually, whatever как интенсификаторы конфликтогенности // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 43–49.
16. Режук З. В. Ширяева-Ширинг О. В. К вопросу о конфликтогенном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 1.
17. Семенец О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах. Выступление на Сибирском историческом форуме – 2021. Секция «Языки и диалекты народов Сибири: история и современность». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-lingvisticheskikh-konfliktogenov-i-ih-rol-v-rechevyh-i-psihologicheskikh-konfliktah/viewer> (дата обращения: 12.03.2024).
18. Сюткина Н. П., Химинец Е. М. Экспрессивность как средство манипулятивного воздействия // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 29–38.
19. Третьякова В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1(292). С. 279–282.
20. Фомичева Я. А. Модель ассоциативно-вербального поля категории «язык вражды» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 79–92.
21. Фрейд. З. Введение в психоанализ : лекции. М., 1990. 480 с.
22. Хорошева Н. В., Сусметова Е. Е. Стратегии провокативного поведения в ситуации предвыборных теледебатов Э. Макрона и М. Ле Пен // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 106–115.
23. Царенко Н. М. Дискурсивные маркеры русского языка как элементы лингвистической интеграции мигрантов // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 105–110.
24. Шейнов В. П. Управление конфликтами. URL: <https://psy.wikireading.ru/59750> (дата обращения: 24.03.2020).

References

1. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Slovar' konfliktologa [Conflictologist's Dictionary]. Moscow, Eksmo. 2020, 1050 p. (In Russ.).
2. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Konfliktologiya [Conflictology]. Saint Petersburg, Piter, 2015, pp. 112, 528 p. (In Russ.).
3. Bern E. Igray, v kotorye igrayut lyudi [Games People Play]. Moscow, Eksmo, 2023, pp. 288. (In Russ.).
4. VTsIOM [All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (accessed 09.07.2024).
5. Grishina N. V. Psikhologiya konflikta [Psychology of conflict]. 2th ed. Saint Petersburg, Piter, 2008, pp. 25, 480 p. (In Russ.).
6. Dmitriev A. V. Konfliktologiya [Conflictology]. Moscow, Al'fa-M, NITs INFRA-M, 2013, pp. 166. (In Russ.).
7. Zdravomyslov A. G. Sotsiologiya konflikta [Sociology of conflict]. Moscow, Aspekt Press, 1996, pp. 82, 317 p. (In Russ.).
8. Kozer L. A. funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000, pp. 32, 205 p. (In Russ.).
9. Konflikty v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Conflicts in the context of transformation of modern Russian society]. Ed. by A. V. Aleynikova, A. I. Strebkova, Saint Petersburg, BKhV-Peterburg, 2015, 496 p. (In Russ.).
10. Kostareva A. A. Kategoriya manipulyatsii: struktura i sodержание [Category of manipulation: structure and content]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2023, no. 10, pp. 49-58. (In Russ.).
11. Mediatsiya: al'ternativnyi sposob uregulirovaniya konfliktov (sporov) [Mediation: an alternative way to resolve conflicts (disputes)]. A team of authors under the general editorship of Margolina T. I., Soboleva L. A., Perm, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2022, pp. 24. (In Russ.).
12. Putina O. N. Lingvokonfliktogennost' kak parametr natsional'nogo stilya verbal'noi kommunikatsii (na primere diskursivnykh markerov) [Linguistic conflictogenicity as a parameter of the national style of verbal communication (using discursive markers as an example)]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2020, no. 2, pp. 70-78. (In Russ.).
13. Putina O. N. Lingvokonfliktogennost' kak parametr natsional'nogo stilya verbal'noi kommunikatsii (na primerer diskursivnykh markerov) [Linguistic conflictogenicity as a parameter of the national style of verbal communication (on the example of discursive markers)]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2020a, no. 2, pp. 70-8. (In Russ.).

14. Putina O. N., Balakin S. V. Reevaya kommunikatsiya: prgamaticheskii aspekt [Rheological communication: pragmatic aspect]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 1, pp. 4-9. (In Russ.).

15. Putina O. N. Diskursivnye markery actually, whatever kak intensivatory konfliktogenosti [Discursive markers of actuality, whatever as intensifiers of conflictogenicity]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 1, pp. 43-49. (In Russ.).

16. Rezhuk Z. V. Shiryaeva-Shiring O. V. K voprosu o konfliktogenom potentsiale zhargonnoi leksiki v sovremennom mediadiskurse [On the issue of the conflict-generating potential of slang vocabulary in modern media discourse]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, philology, cultural studies]. 2023, vol. 14, no. 1. (In Russ.).

17. Semenets O. P. Tipy lingvisticheskikh konfliktogenov i ikh rol' v rechevykh i psikhologicheskikh konfliktakh [Types of linguistic conflictogens and their role in speech and psychological conflicts]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-lingvisticheskikh-konfliktogenov-i-ih-rol-v-rechevykh-i-psihologicheskikh-konfliktakh/viewer> (accessed: 12.03.2024).

18. Syutkina N. P., Khiminets E. M. Ekspressivnost' kak sredstvo manipulyativnogo vozdeistviya [Expressiveness as a means of manipulative influence]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2023, no. 11, pp. 29-38. (In Russ.).

19. Tret'yakova V. S. Rehevaya konfliktologiya: problemy, zadachi, perspektivy [Speech conflictology: problems, tasks, prospects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2013, no. 1(292), pp. 279-282. (In Russ.).

20. Fomicheva Ya. A. Model' assotsiativno-verbal'nogo polya kategori «yazyk vrazhdy» [Model of the associative-verbal field of the category “hate speech”]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2023, no. 10, pp. 79-92. (In Russ.).

21. Freid. Z. Vvedenie v psikhoanaliz [Introduction to Psychoanalysis]. Moscow, 1990, 480 p. (In Russ.).

22. Khorosheva N. V., Susmetova E. E. Strategii provokativnogo povedeniya v situatsii predvybornykh teledebатов E. Makrpona i M. Le Pen [Strategies of provocative behavior in the situation of pre-election television debates by E. Macrpon and M. Le Pen]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2023, no. 10, pp. 106-115. (In Russ.).

23. Carenko N.M. Diskursivnye markery russkogo jazyka kak jelementy lingvisticheskoy integracii migrantov [Discursive markers of the Russian language as elements of linguistic integration of migrants]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2019, no. 1, pp. 105-110. (In Russ.).

24. Sheinov V. P. Upravlenie konfliktami [Conflict Management]. (In Russ.). Available at: <https://psy.wikireading.ru/59750> (accessed: 24.03.2020).

Информация об авторе

Л. А. Соболева – старший преподаватель кафедры социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

L. A. Soboleva – Senior Lecturer at the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 42–48.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 42-48.

Научная статья
УДК 811.581'37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЭНЬЮЙ

Сунь Цзяо

Чэндуский университет иностранных языков, sunijao1985@yandex.ru

Аннотация. Цель данной работы – изучить семантические особенности китайских чэньюй, их статус и роль в китайской культуре. На основе анализа и изучения чэньюй в работе раскрывается уникальность чэньюй как важного носителя китайской культуры и цивилизации. В исследовании используются методы обзора литературы и сопоставительного анализа для сравнения различий между китайскими чэньюй и русскими фразеологизмами с точки зрения структуры, культурной коннотации, закреплённости, семантических особенностей, функционального использования, интерпретации и понимания, а также лексико-семантических отношений. Результаты исследования показывают, что китайские чэньюй, обладая уникальной структурой и формой, богатой культурной коннотацией, устойчивой фиксацией, семантическими особенностями образности и метафоричности, широким использованием в устной и письменной речи, а также занимая важное место в китайской культуре, стали важным выражением социальных ценностей китайской нации. Кроме того, в работе анализируется влияние даосизма и буддизма на китайские чэньюй, а также передача и эволюция чэньюй в китайской культуре и обществе. Данное исследование имеет теоретическое и практическое значение для понимания глубинных смыслов китайской культуры и содействия международному распространению и обмену китайского языка.

Ключевые слова: семантические особенности, китайские чэньюй, русские фразеологизмы, концепт, общественные ценности.

Для цитирования: Сунь Цзяо. Семантические особенности чэньюй // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 42–48.

Original article

SEMANTIC FEATURES OF CHENGYU

Sun Jiao

Chengdu University of Foreign Studies, sunijao1985@yandex.ru

Abstract. The purpose of this paper is to study the semantic features of Chinese chengyu, their status and role in Chinese culture. Based on the analysis and study of chengyu, the paper reveals the uniqueness of chengyu as an important carrier of Chinese culture and civilization. The study uses literature review and comparative analysis methods to compare the differences between Chinese chengyu and Russian phraseological expressions in terms of structure, cultural connotation, fixedness, semantic features, functional use, interpretation and understanding, as well as lexical-semantic relations. The results of the study show that Chinese chengyu, with its unique structure and form, rich cultural connotation, stable fixation, semantic features of imagery and metaphor, widespread use in oral and written speech, and occupying an important place in Chinese culture, have become an important expression of the social values of the Chinese nation. In addition, the paper analyzes the influence of Taoism and Buddhism on Chinese chengyu, as well as the transmission and evolution of chengyu in Chinese culture and society. This study has theoretical and practical significance for understanding the deep meanings of Chinese culture and promoting the international dissemination and exchange of the Chinese language.

Keywords: semantic features, Chinese chengyu, Russian phraseological units, concept, social values

For citation: Sun Jiao. Semantic Features of Chengyu. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:42-48. (In Russ.).

Введение

Впервые термин *концепт* по отношению к анализу идиом был использован В. Н. Телия. Концепт – это всегда структурированное знание, отражающее не только существенные признаки объекта, а все те признаки, которые заполняются знаниями о сущности в каждой языковой

общности [Телия 1996: 288]. Изучение концептов, репрезентированных во фразеологических единицах, представляется сложным процессом, так как требует необходимости учитывать исходное значение как фразеологизма, так и сочетания лексем. «Образ, лежащий в его основе, определяет тип концепта, стоящий за ним» [Попова 2009: 56–61]. Особенностью фразеологических концептов и процесса их репрезентации во фразеологизмах является то, что рациональный смысл фразеологической единицы зашифрован в образе определённой мыслеформы, чтобы дать эмоциональную оценку тому или иному феномену [Малюгина 2007: 23]. Н. Ф. Алефиренко предлагает рассматривать фразеологическое значение как семантику фрейма, где под фреймом понимается когнитивная структура, формирующая фразеологические значения через определенные штампы сознания ими предопределяемых ассоциаций [Алефиренко 2008: 271]. Умение анализировать функциональные особенности фразеологизмов имеет столь же важное значение, как и умение распознавать чэньюй в языке. Сложность перевода фразеологизмов на другой язык заключается в том, что при переводе возникает необходимость учитывать не только фразеологический элемент, но и его значение в стилистическом и эмоциональном аспектах, культуры и ментальности переводимого языка, понимания исторического и духовного значения. Выделяются переводимые или эквивалентные, частично переводимые и непереводимые и фразеологические единицы. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов позволяет понять способы взаимодействия и существования человека с миром, характерные именно для китайской культуры. Выступая хранителем и носителем китайской национальной культуры, идиомы точно передают эстетику языка, образ мышления и уникальную систему ценностей.

Основная часть

Общество формирует определенные ценности, которые могут быть культурными, этическими, политическими или социальными. Каждый вид ценностей выполняет свою функцию в создании гармоничной и устойчивой общественной системы. Общественные ценности являются основой культуры общества. Они проявляются через традиции и обычаи, искусство и литературу, а также язык и национальный культурный код. Общественные ценности формируются и передаются из поколения в поколение, отражая историю и особенность общества. Китайские чэньюй изысканны и лаконичны по форме, а также богаты по содержанию. Они являются важным носителем китайской культуры и цивилизации, имеют глубинный смысл и исторические корни. Многие из них берут начало в древней философии, истории, литературе и других областях культуры. Они являются кристаллизацией древней китайской мудрости и важным воплощением китайских общественных ценностей.

С точки зрения лингвистики различия между китайскими идиомами (чэньюй) и русскими фразеологизмами включают в себя следующие аспекты.

1. Структура и форма: китайские чэньюй часто имеют четырехсимвольную структуру, которая является их типичной формой, например, "画龙点睛" (huà lóng diǎn jīng). Фразеологизмы на русском языке могут иметь разную структуру.

2. Культурные оттенки: чэньюй часто возникают в результате китайских исторических событий, из литературных произведений или философских идей, что делает их культурный контекст насыщенным. Фразеологизмы в русском языке также обладают глубоким культурным значением, но они могут быть связаны с русскими народными традициями, историей и религией.

3. Фиксированность: чэньюй являются относительно стабильными и фиксированными выражениями, изменение порядка слов или частей идиомы не допускается. В русском языке фразеологизмы также считаются фиксированными выражениями, но возможны вариации в их использовании, а так же развита синонимия.

4. Семантические особенности: оба типа выражений обладают образностью и метафоричностью. Однако семантика чэньюй может быть более связана с конкретными историческими или литературными сюжетами, в то время как русские фразеологизмы могут иметь более общее или фольклорное происхождение.

5. Функциональное использование: чэньюй активно используются в разговорной и письменной речи для «усиления выражения» мысли или для риторической цели. Фразеологизмы в русском языке также используются для дополнительной характеристики или для экспрессивных целей, но их использование может также зависеть от стилистики и контекста разговора.

6. Интерпретация и понимание: понимание чэньюй требует знания китайской культуры и исторической информации, в ином случае их трудно интерпретировать. Русские фразеологизмы также нуждаются в глубоком понимании языка и культуры, но иногда могут быть более самодостаточными с точки зрения контекста.

7. Лексико-семантические отношения: в чэньюй слова взаимосвязаны и работают совместно для передачи одного общего значения. В русских фразеологизмах слова также работают вместе, но иногда они могут иметь свободную комбинаторность внутри фразеологизма (таб. 1).

Таблица 1. Различия между китайскими чэньюй и русскими фразеологизмами

Аспекты различия	Китайские чэньюй	Русские фразеологизмы
Структура и форма	четырёхсимвольная структура	нет определенной структуры
Культурные оттенки	возникают в результате исторических событий, в литературных произведениях или философских идеях	связаны с народными традициями, историей и религией
Фиксированность	фиксированный порядок или части	возможны вариации
Семантические особенности	связаны с конкретными историческими или литературными сюжетами	более общее или фольклорное происхождение
Функциональное использование	усиление выражения мысли или для риторической цели	зависят от стилистики и контекста разговора
Интерпретация и понимание	трудно интерпретировать без исторического или культурного знания	используются для дополнительной характеристики или для экспрессивных целей
Лексико-семантические отношения	взаимосвязаны и работают совместно для передачи одного общего значения	имеют более свободную комбинаторность внутри фразеологизма

Данные различия подчеркивают, что идиомы в разных языках являются уникальными культурными конструкциями, которые не только обеспечивают образность и красоту языка, но и передают нравственные и культурные традиции народов. Чэньюй, буквальный перевод – «готовое выражение», считается самым главным и распространенным в ряду китайских идиом [汉语成语大辞典]. «Большой словарь чэньюй китайского языка» содержит более 24 000 словарных статей [汉语成语大辞典]. По определению Чэнь Шуана, китайские чэньюй – это фразеологически связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса [Чэнь Шуан 2007: 8]. История чэньюй уходит вглубь веков, в нём воплощается народная мудрость, накопленная за все время существования китайской цивилизации. Большинство чэньюй берёт своё начало в китайской классической литературе; многие из них связаны с историческими событиями, философскими и религиозными учениями, легендами и мифами [Арекеева 2020: 21–29]. Чэньюй – самое выразительное средство в китайском языке. Они уникальны тем, что в краткой форме чэньюй передают значимую глубину смысла, излагают наблюдения и анализируют многовековой опыт. Можно сказать, что чэньюй сформировались и зафиксировались в историческом развитии китайского языка, который представляет собой не только сжатое собрание символов китайского языка, но и классическое воплощение массового сознания китайского общества с древних времён, то есть воплощение общественных ценностей китайского народа.

1) Даосизм. Учение даосизма занимает центральное место в китайской цивилизации и китайском языке. Благодаря уникальному философскому мышлению, богатой литературе и искусству, а также глубокой народной культуре даосизм привнес в китайскую цивилизацию мощное наследие и неповторимое очарование. В то же время даосская культура дала

китайскому языку богатый словарный запас и чэньюй, сформировала его уникальный языковой стиль и оказала глубокое влияние на развитие и эволюцию китайского языка. В качестве примера можно привести 无为而治 (*wú wéi ér zhì*) «Управлять недеянием» – даосская доктрина бездействия. Эта идиома воплощает даосский взгляд на природу и политику. Она подразумевает, что управление государством и обществом должно следовать законам природы, не подвергаться излишнему вмешательству и позволять всему развиваться естественным образом.

道法自然 (*dào fǎ zì rán*) – одна из основных идей даосизма, означающая, что всё во Вселенной имеет свои естественные законы и правила, и люди должны подчиняться этим законам и правилам, а не насильственно вмешиваться или изменять их. 他崇尚“道家文化”, 认为福建的发展应该遵从“道法自然”的和谐发展观 [BBC]. Он – сторонник “даосизма” и считает, чтобы развивать провинцию Фуцзянь должно следовать концепции гармоничного развития “подчиняться законам и правилам природы” (Здесь и далее перевод наш).

返璞归真 (*fǎn pú guī zhēn*) – происходит от даосской идеи стремления к “истине”, означает удаление внешних украшений и восстановление изначального состояния простоты, а также является метафорой восстановления изначального состояния природы. 六十年代那流光溢彩的复旦校园生活, 将永远陪伴着我, 成为我生活中最美好的回忆。有人说“返璞归真”才是真正的美。也许认识事物的本质需要从最初的本色开始, 最初的感动才是永恒的感动 [BBC]. Прекрасная жизнь в кампусе университета Фудань в шестидесятые годы навсегда останется со мной и станет лучшим воспоминанием в моей жизни. Некоторые люди говорят, что “изначальное состояние простоты” – это настоящая красота. Возможно, чтобы понять суть вещей, нужно начать с оригинального цвета, первоначальное ощущение – это то самое, которое остается навсегда.

上善若水 (*shàng shàn ruò shuǐ*) – идея даосизма о том, что высшая доброта подобна воде, которая может питать все вещи без споров и может быть использована всеми людьми, живя в месте, которое они ненавидят. 你去了以后, 组织上派人整理你的办公室, 清理出来的, 只有一本本的工作笔记。上善若水。你的生前身后, 都透明如水, 洁净如水, 经得起任何形式的翻检! [BBC]. После того как ты ушел, сотрудников прислали убрать твой офис и обнаружили, что всё, что там, – это тетради с рабочими записями. Наилучшее в этом свете это вода, а твоя жизнь просто как вода, чиста и общепользна и может выдержать любую проверку!

长生不老 (*cháng shēng bù lǎo*) – долголетие и нестарение человека, часто используется для описания долголетия человека или долговечности вещей. 我们提出抗老强身, 绝不是幻想长生不老, 因为有生必有死, 企图长生不老, 是违反新陈代谢的客观规律的 [CCL]. Мы советуем бороться со старением и укреплять организм, но ни в коем случае не фантазируем о бессмертии, ведь есть жизнь и должна быть смерть, а попытка жить вечно – это нарушение объективного закона метаболизма.

阴阳五行 (*yīn yáng wǔ xíng*) – основная концепция даосской философии, согласно которой все во Вселенной состоит из двух ци – инь и ян – и пяти основных элементов – золота, дерева, воды, огня и земли [成语大全] 自古人生在世, 俱秉阴阳五行; 寿夭富贵与贫穷, 离合悲欢与共 [CCL]. С древних времен в жизни человечества в этом мире все элементы есть, инь и ян, долголетие и недолголетие, богатство и бедность, разлука и встреча, печаль и радость – все это есть.

Эти чэньюй не только отражают основные идеи и концепции культивирования даосизма, но и оказывают глубокое влияние на китайскую культуру и философию.

2) Буддизм. Буддизм играет чрезвычайно важную роль в Китае. Буддизм не только привнес в китайскую цивилизацию богатое культурное наследие и философские идеи, но и способствовал процветанию и развитию китайской культуры благодаря своему

распространению и интеграции. В китайском языке перевод и распространение буддизма значительно обогатили китайскую лексику и фразеологию, повлияли на литературный стиль китайского языка. Введение буддизма не только обогатило китайскую цивилизацию, но и придало китайскому языку неповторимый шарм и сделало китайскую культуру более красочной.

В качестве примера можно привести следующий чэньюй: 放下屠刀, 立地成佛 (fàng xià tú dāo, lìdì chéngfó) – *положить нож и тотчас же стать буддой, что означает раскаяться в своих преступлениях и встать на путь исправления*. Этот чэньюй воплощает буддийский дух сострадания и прощения. Данное выражение подразумевает, что даже если человек совершил что-то плохое, то в том случае, если он искренне раскаивается и отпускает свои злые мысли, он может стать хорошим человеком.

В свою очередь чэньюй 回头是岸 (huí tóu shì àn) имеет смысл «*повернуться и увидеть берег*» или в образном «*повернуть назад и увидеть свет*», выражая буддийскую концепцию спасения. Этот чэньюй подразумевает, что человек может встать на правильный путь, если он вовремя осознает свои ошибки, а исправив их, сможет найти путь к свету.

Существуют и другие чэньюй, связанные с буддизмом.

安身立命 (ān shēn lì mìng) – *найти себе место в жизни; найти себе стабильную жизнь*. 我曾经想离开北京, 又想不出那里是安身立命之地。但是, 饶天之幸, 我终于留下来了 [CCL]. *Я хотел бы уехать из Пекина и никак не мог придумать, где бы найти свое место. Но, по счастливой случайности, я все-таки остался.*

八面威风 (bā fēng bù dòng) – *властный, могущественный во всех отношениях; дух полон бодрости и престижа*. 别看他大将风度八面威风, 办起事来却极为认真细心 [CCL]. *Не считайте его властным как полководец, он очень серьезен и аккуратен в своей работе.*

百尺竿头, 更进一步 (bǎi chǐ gān tóu, gèng jìn yī bù) – *хотя человек достиг очень высокого уровня в делах, он не должен довольствоваться тем, что делает, но стремиться к большему прогрессу*. 为了巩固和发展教育领域的变革, 所有高等教育机构都必须在现有经验的基础上, 加以推广, 争取取得更大的成果 [CCL]. *Чтобы закрепить и развить переворот в образовании, все высшие учебные заведения должны опираться на существующий опыт, обобщать его и стремиться к еще большим результатам.*

半路出家 (bàn lù chū jiā) – *сейчас это сравнивается с тем, что человек меняет профессию на середине пути и начинает заниматься другой работой*. 我自己写戏, 本是半路出家。我的最大的缺点是不懂舞台上的技巧。可是, 这也有好处, 就是我不为技巧所左右, 技巧没有变成我的指挥 [CCL]. *Я сам создаю свой театр, сначала это совсем незнакомая специальность для меня. Мой самый большой недостаток в том, что я не знаю сценических трюков. Однако у этого есть и то преимущество, что меня не ограничивают сценические приёмы, и сценические приёмы не стали моим дирижером.*

不二法门 (bù èr fǎ mén) – *в настоящее время используется для обозначения лучшего или не имеющего другого пути или тропы*. 发展社会主义商品经济和实行对外开放以后, 消费者的眼界开阔了, 对商品的选择要求大大提高; 生产者之间的竞争也增强了, 特别是在群雄逐鹿的国际市场上, 以质优取胜更是不二法门 [CCL]. *После развития социалистической рыночной экономики и внедрения политики открытости для внешнего мира кругозор потребителей расширился, а требования к выбору товаров значительно возросли; конкуренция между производителями также усилилась, особенно на международном рынке, где большое количество конкурентов соперничают друг с другом, и победа за счёт высокого качества – единственный путь к победе.*

救人一命, 胜造七级浮屠 (jiù rén yī mìng, shèng zào qī jí fú tú) – *Спаси жизнь лучше, чем построить семиэтажную плавучую пагоду*. говорится, что заслуга, полученная от спасения жизни, больше, чем от строительства пагоды. 中国有句俗话: “救人一命, 胜造

七级浮屠。”可见，治病救人，是件行善的事情 [CCL]. Существует китайская пословица: "Спассти жизнь лучше, чем построить семизэтажную пагоду". Очевидно, что вылечить больного и спасти жизнь – это благое дело.

临时抱佛脚(Lín shí bào fó jiǎo) – первоначальное значение – *верить в Будду, чтобы получить благословение в старости*; более позднее значение – *неподготовленность и поспешное ведение дел в чрезвычайной ситуации*. “平时不烧香，临时抱佛脚”，这是违反学习的规律，不老老实地钻研学问的表现 [CCL]. "Не возжигать благовония в обычное время и молиться будде в последнюю минуту" – это признак нарушения закона обучения и нечестной учебы.

功德圆满 (Gōng dé yuán mǎn) – *совершение множества добрых дел, в результате чего заслуги и добродетели этих дел в конечном итоге будут доведены до совершенства* [成语大全] 潘先生为中国的诗、书、画、印奋斗了 80 多年，在创作上卓有成就，在教育上功德圆满 [BBC]. Господин Пань более 80 лет боролся за искусство китайской поэзии, каллиграфии, живописи и печати и добился больших успехов или совершенства как в творчестве, так и в образовании.

Син Гуанчен выделяет такую важную составляющую китайской традиционной культуры как гуманизм. Китайской культуре присущи стремление к гармонии и умеренности, равновесию природы, мира и человека в нем. В XXI в. логическое развитие идеи гармонии и принципа ненасилия, заложенные в традиционной культуре, представляются китайским правительством как **和谐社会 hé xié shè huì** «принцип создания гармоничного общества» во внутренней политике и «гармоничного мира» во внешней [Син Гуанчен 2010: 57–58]. Наследование китайским правительством традиционных китайских ценностей из принципа ненасилия и идеи гармонии выделяет такие главные ценности для китайского общества – мир, порядок, труд, гармония, совершенство, иерархия, знания, семья, социальная справедливость.

Заключение

В данной работе исследуются семантические особенности чэньюй, их статус и роль в китайской культуре. Как уникальное языковое явление, чэньюй не только демонстрируют структурную и ритмическую красоту китайского языка, но и содержат глубокий культурный подтекст и исторический фон. Сопоставительный анализ чэньюй и русских фразеологических выражений выявляет существенные различия между ними по структуре, культурным коннотациям, «закрепленности» и семантическим особенностям, раскрывая уникальность и значимость чэньюй в китайской культуре. Кроме того, чэньюй ассоциируются с традицией китайской культурой, несут в себе мудрость и ценности древнего Китая. Чэньюй не только отражают уникальные представления и понимание китайского народа о природе, обществе, жизни и других вопросах, но и становятся важным носителем для передачи и развития китайской культуры и социальных ценностей. Будучи сокровищем китайской культуры, чэньюй с их семантическими особенностями и культурными коннотациями стали мостом, соединяющим историю и реальность, традиции и современность.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: Эллис, 2008. 271 с.
2. Арекеева Ю. Е. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 21–29.
3. Малюгина А. В. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации: автореф. ... канд. фил. наук. Воронеж, 2007. 23 с.
4. Попова З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики // Respectus Philologicus. 2009. № 16 (21). С. 56–61.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

6. Чэнь Шуан. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза : автореф. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2007. 17 с.
7. 汉语成语大辞典 Словарь китайских чэньюй. Шанхай : Шанхайское лексикографическое издательство, 2007. 1249 с.
8. BBC-汉语语料库 Корпус современного китайского языка. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 06.12.2023).
9. CCL – 北京大学语料库 Корпус Пекинского университета. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 06.12.2023).
10. Син Гуанчен. Базовые ценности в традиционной культуре Китая // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : международная научная конференция. Т. 1. СПб, 2010. С. 57–58. URL: https://www.lhachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/018_Sin_Guanchen.pdf (дата обращения: 06.12.2023).
11. 成语大全 Собрание чэньюй. URL: <http://imate.cascorpus.com/> (дата обращения: 06.12.2023).

References

1. Alefirenko N. F. Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow, Elpis, 2008, 271 p. (In Russ.).
2. Arekeeva Yu. E. Chen'yui v sisteme kitaiskoi frazeologii i paremiologii [Chengyu in the system of Chinese phraseology and paremiology]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 1, pp. 21-29. (In Russ.).
3. Malyugina A. V. Tipy frazeologicheskikh kontseptov i sposoby ikh kontekstnoi reprezentatsii [Types of phraseological concepts and methods of their contextual representation]. PhD dissertation abstract. Voronezh, 2007, 23 p. (In Russ.).
4. Popova Z. D. Sposoby verbalizatsii kontseptov kak problema kognitivnoi lingvistiki [Methods of verbalization of concepts as a problem of cognitive linguistics]. *Respectus Philologicus*. 2009, no. 16 (21), pp. 56-61. (In Russ.).
5. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola Yazyki russkoi kul'tury, 1996, 288 p. (In Russ.).
6. Chen' Shuan. Metodika obucheniya studentov ponimaniyu i interpretatsii kitaiskikh idiom chen'yui na prodvinutom etape yazykovogo vuza [6. Chen Shuang 2007: 8 Chen Shuang. Methods of teaching students to understand and interpret Chinese idioms Chengyu at an advanced stage of a language university]. PhD dissertation abstract. Irkutsk, 2007, 17 p. (In Russ.).
7. 汉语成语大辞典 Slovar' kitaiskikh chxen'yui [Dictionary of Chinese Chengyu]. Shanhai, Shanhaiskoe leksikograficheskoe izdatel'stvo, 2007, 1249 p. (In Russ.).
8. BBC-汉语语料库 Korpus sovremennogo kitaiskogo yazyka [Corpus of Modern Chinese]. (In Russ.). Available at: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (accessed: 06.12.2023).
9. CCL - 北京大学语料库 Korpus Pekinskogo universiteta [Peking University Building]. (In Russ.). Available at: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (accessed: 06.12.2023).
10. Sin Guanchen. Bazovye tsennosti v traditsionnoi kul'ture Kitaya [Xing Guangchen. Basic values in traditional Chinese culture]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: stanovlenie global'noi kul'tury* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: the formation of a global culture]. Vol. 1. Saint Petersburg, 2010, pp. 57-58. (In Russ.). Available at: https://www.lhachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/018_Sin_Guanchen.pdf (accessed: 06.12.2023).
11. 成语大全 Sobraie chen'yui [Chengyu Collection]. (In Russ.). Available at: <http://imate.cascorpus.com/> (accessed: 06.12.2023).

Информация об авторе

Сунь Цзяо – преподаватель, Чэндуский университет иностранных языков.

Information about the author

Sun Jiao – Lecturer, Chengdu University of Foreign Studies.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 49–56.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 49-56.

Научная статья
УДК 811.133.1'38

АРГОТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

Наталья Владимировна Хорошева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
romanphyl@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода лексики арго – социолекта преступного мира – с точки зрения трансляции специфической картины мира, присущей данному пласту субстандартной лексики. Исследователи справедливо говорят о полифункциональном потенциале арготической лексики в художественном тексте, ее разнообразных эстетических возможностях быть социальным идентификатором, культурно-бытовой деталью, средством воссоздания определенной исторической эпохи, представлять собой яркое экспрессивно-стилистическое средство. Часто арготизм может выступать в качестве инвективы, понимаемой как культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата. Рассматривается функционирование арготизмов в художественном тексте на примере романа А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия» в переводе на французский язык. Результаты сравнения исходного и переводного текстов говорят об их коммуникативно-функциональной неравнозначности вследствие множественных потерь культурно-специфических смыслов русских арготизмов при переводе. Стратегия доместикации, которой следуют французские переводчики, привела к нивелированию выразительных возможностей русского оригинала.

Ключевые слова: арго, субстандарт, социолект, картина мира, перевод сниженной лексики, инвектива, переводческая стратегия.

Для цитирования: Хорошева Н. В. Арготическая картина мира в зеркале перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 49–56.

Original article

ARGOTHIC WORLDVIEW IN THE MIRROR OF TRANSLATION

Natalia V. Khorosheva

Perm State University, Perm, Russia, romanphyl@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problems of translating the argot lexicon from the point of view of translating the specific argotic worldview. Researchers rightly speak about the multifunctional potential of argotic vocabulary in a literary text, its diverse aesthetic possibilities to be a social identifier, a cultural and household detail, a means of recreating a certain historical epoch, to represent a vivid expressive and stylistic means. Argoticism can often act as an invective, understood as a cultural phenomenon of social discrediting of a subject through a text addressed to him, as well as a stable language turnover, perceived in a particular cultural tradition as offensive to its addressee. The paper considers the functioning of argotisms in a fiction text on the example of A. and G. Wainer's novel «The Age of Mercy» translated into French. The results of comparison of the original and translated texts show their communicative and functional unequal significance due to multiple losses of culturally specific meanings of Russian argotisms in translation.

Keywords: argot, substandard, sociolect, worldview, translation, invective, translation strategy.

For citation: Khorosheva N. V. Argothic worldview in the mirror of translation. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:49-56. (In Russ.).

Введение

Мы обращаемся к аргю – социолекту преступного мира, присущему системам большинства национальных языков и имеющему глубокую социокультурную природу. Проблема функционирования и перевода субстандартной лексики в художественных текстах изучается относительно недавно, в том числе в паре языков русский-французский. Так, к проблемам природы и переводимости стилистически маркированной лексики обращаются в своих исследованиях О. Р. Абдрахманова [Абдрахманова 2006], Э. М. Береговская [Береговская 2009], Т. А. Кудинова [Кудинова 2011], О. В. Сапожникова [Сапожникова 2001], В. В. Сдобников [Сдобников 1994], Н. А. Фененко [Фененко 2015], С. П. Ячменева [Ячменева 2007] и другие. В советский период данная проблема активно не изучалась, что было обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами, такими, например, как борьба за чистоту языка, политические и идеологические установки. Но по большому счёту перевод арготической лексики не является задачей уникальной, в силу того, что любой стилистически окрашенный пласт лексики ставит перед нами сходные задачи.

Основная часть

Исследователи справедливо говорят о полифункциональном потенциале арготической лексики в художественном тексте, её разнообразных эстетических возможностях быть социальным идентификатором, культурно-бытовой деталью, средством воссоздания определённой исторической эпохи, представлять собой яркое экспрессивно-стилистическое средство. Часто арготизм может выступать в качестве инвективы, понимаемой как «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» [Можейко 1998: 262]. Однако при всей исключительной экспрессивности арготизмов, экспрессия эта может значительно различаться у представителей криминала разных стран [Сапожникова 2001: 32–74]. В целом перевод арготизмов представляет собой комплексную задачу, нацеленную на преодоление лингвоэтнического барьера, и включает широкий спектр проблем, связанных с анализом национально-культурной и исторической специфики криминальной субкультуры, функциональной нагрузки арготизмов в художественном тексте и решением проблемы трансляции коннотативного компонента их значения.

Задача переводчика осложняется ещё и тем, что субстандартные единицы редко остаются зафиксированными за герметичным социолектом, чаще они «дрейфуют» в социолингвистической парадигме языка, проникают в просторечие и разговорную речь, становятся общеизвестными. То, что было средством социального портретирования для автора произведения, спустя 30–40 лет может уже восприниматься как обиходно-разговорная единица, утратившая свой арготический «ореол». Общеязыковой узус «отвергает» единицы, выражающие в яркой форме чуждую большинству населения, циничную мораль деклассированных элементов, и «отбирает» единицы, органично входящие в народную городскую смеховую культуру. Неслучайно эти единицы достаточно быстро утрачивают свою стилистическую маркированность и воспринимаются как естественная часть экспрессивной лексики и фразеологии разговорного употребления. В научной литературе широко разделяется мнение о том, что семантика арготизмов с заключёнными в ней ассоциациями и эмоционально-оценочными характеристиками, противостоит самым общим, общечеловеческим, ценностям, отражённым в лексике любого современного общенародного языка, подобно тому, как преступный мир противостоит всему гражданскому обществу с его институтами и моралью.

Традиционно констатируют стилистическую сниженность субстандартной лексики, говорят о её пейоративном, а часто и вульгарно-циничном характере, но при этом, по сути, рассматривают её как бы «извне», безотносительно её внутренней «философии», её общекультурной и национально-культурной картины мира [Хорошева 2010]. Однако арготическая экспрессивность отражает и закрепляет в лексике не только коллективные эмоциональные реакции, но и стоящую за ними систему моральных и социальных ценностей, противопоставляемую системе ценностей всего остального общества [Степанова 2002].

Мы представим переводческие проблемы трансляции арготической картины мира на примере известного психологического детектива советских писателей А. и Г. Вайнеров «Эра Милосердия» 1975 года [Вайнер, Вайнер 1979]. К исследованию были привлечены 109 контекстов, в которых употребляются 80 арготических единиц, типичных для речи преступного мира 40-х гг. XX в. Исследовался перевод романа на французский язык «*La criminelle sera au rendez-vous*», выполненный коллективом переводчиков – Jean-Pierre Dussaussois (Жан-Пьер Дюссоссуа), Evguéni Avrorine (Евгений Аврорин), Jean-Georges Synakiewicz (Жан-Жорж Синакевич) [Weiner, Weiner 1989]. Сюжет романа связан с событиями августа-ноября 1945 г. в послевоенной Москве: отдел по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска (МУР) под руководством капитана милиции Глеба Жеглова ведет расследование убийства Ларисы Груздовой и дело банды «Чёрная кошка». В романе сложная система главных и второстепенных персонажей, среди которых множество представителей преступного мира – уголовники, бандиты, карманники, перекупщики краденного, наводчицы, речь которых насыщена арготической лексикой. В тексте романа арготизмы функционируют исключительно в речи персонажей. Ключевыми функциями арготизмов в романе являются инвективная и идентификационная функции, которые используются авторами для передачи правдоподобной и «живой» атмосферы послевоенной криминальной Москвы.

Обращаясь к внутренней «философии» арготического пласта лексики, отраженной в романе Вайнеров, мы понимаем, что она воссоздаёт специфическую картину мира и специфическую систему ценностей криминальной и тюремно-лагерной среды послевоенного времени в нашей стране. Система эта задаётся векторами противостояния преступного мира (*блатные*), органов правопорядка (*менты, легавые*) и обычных граждан (*фраера*). В данной системе присутствуют свои локусы (*кича, хазы, малины*), свои ритуалы и ценностные представления о чести и предательстве. Перевод, в нашем представлении, должен максимально близко транслировать эту картину мира, воссоздавая её средствами принимающего языка для реципиентов другой, франкоязычной в нашем случае, культуры. Однако эта задача является чрезвычайно сложной, практически невыполнимой и влечёт за собой неизбежные потери смыслов, которые можно было бы компенсировать разными средствами. Переводчики часто принимают самостоятельное, порой спорное, решение этой проблемы.

Продемонстрируем это на примере анализа нескольких показательных случаев.

Так, для криминальной картины мира важной составляющей является представление о внутренней иерархии преступной среды, на вершине которой находятся «воры в законе» – это специфическое явление в преступном мире, не имеющее аналогов в мировой криминальной практике, характеризующееся наличием жёсткого кодекса криминальных традиций, а также исключительным уровнем закрытости и конспиративности [Вор в законе: электр. ресурс]. Появление воров в законе относится к началу 1930-х гг., когда в преступной среде наряду с другими профессиональными уголовниками выделяется новая каста (*масть*), которая изначально определила себя как элиту и считалась хранителями «воровского закона», состоявшего из «понятий». Традиционно «вором в законе» может считаться лишь рецидивист, имеющий непререкаемый авторитет в преступной среде, вор в законе ни в коем случае не должен был иметь постоянных связей с женщинами и государственными органами [Криминология 2004].

В переводе на французский язык «вор в законе» передается различными единицами – *un dur* (arg. «un homme viril, solide, selon la morale du milieu»), *un vrai caïd* («personnage important dans le milieu, chef de bande»), *un professionnel, un pro, un voleur professionnel, un gars du milieu*.

– Ну что пялишься! Я вор в законе, корешей не продавал, да и тебя не побоюсь! – *Qu'est-ce que t'as à m'regarder ainsi?! Je suis un voleur professionnel, je vends pas mes portes, et j'ai pas peur de toi!*

– Скажи-ка, Сапрыкин, ты как думаешь – Фокс в законе или он приблатненный [...]? – *Dis-moi, Saprykine, qu'est-ce que t'en penses, Fox, c'est un gars du milieu ou bien il vient de l'extérieur et fait ça à l'occase [...]*?

– Чужое вор в законе спроду на себя не возьмет... – *Un professionnel ne se vantera jamais d'un coup fait par un autre...*

Он согласился передать бандитам, что фартовый человек ищет настоящих воров в законе, чтобы вместе сварганить миллионное дело. – *Il a consenti à informer les bandits qu'un quidam recherchait de vrais caïds pour monter avec eux un gros casse.*

– Ты запомни, Векшин: никакой самодеятельности от тебя не требуется: не вздумай лепить горбатого – изображать вора в законе. – *Retiens bien, Vekchine: on ne te demande aucune initiative, ne t'avise surtout pas de jouer au dur.*

– В карты... бура и очко... Котька Курнич... денег не... у Модистки... не знаю его... вор в законе... – *...Aux cartes... au vingt-et-un... Kostia la Brique... pas d'fric... chez la Modiste... je le connais pas... un pro...*

Переводчики явно столкнулись с неразрешимой трудностью перевода, поскольку ни французские арготизмы (*un dur, un caïd*), ни предлагаемые перифразы (*un professionnel, un voleur professionnel, un gars du milieu*) не отражают важнейшей семы в значении единицы «вор в законе» – быть носителем жёсткого кодекса воровских законов.

На другом конце «полярности» в системе ценностей воров находятся представители органов правопорядка. Данное семантическое поле в арго многих языков весьма развернуто и выражает социальную антипатию к представителям власти, которая предстает, прежде всего, как карающий институт. По всей видимости, дистанцирование от официальной власти, выражающееся в пейоративной номинации её представителей в субстандартной лексике, – общая черта для многих национальных культур, которая, возможно, имеет более глубокие корни, чем реакция на конкретные социально-политические условия. Однако в русском арго единицы со значением «работник милиции/полиции» имеют резко пейоративную коннотацию (*мент, мусор*), соответствующую социальной непрестижности данной профессии в современном обществе. Во французском арго единицы с данным значением менее пейоративны: в словарях они нередко имеют помету *fat*. В романе для обозначения сотрудников милиции чаще всего используются арготизмы *мент, мусор, легавый*, которые, как правило, передаются в переводе на французский язык единицей *flic* («*membre de la police*»), которая уже утратила свою закрепленность за арготическим слоем лексики и стала широкоупотребительной, разговорной номинацией полицейского.

– Тебе бы, мент, не картины, а книжки писать, – сказал неожиданно из своего угла Ручечник. – *Toi, le flic, c'est pas des tableaux que tu devrais peindre, tu devrais plutôt écrire des livres, dit soudain la Paluche depuis son coin.*

– Он тоже против меня опаску имел – а вдруг меня менты расколуют? – *Il était pas sûr à cent pour cent de moi, si jamais les flics me faisaient parler ?*

– Убили менты дружка его, – сказал я. [...] ... по глупости на мусоров налетели и корешу его в затылок пулю вмазали. – *Les flics ont descendu son copain, dis-je [...] il a seulement dit qu'ils étaient bêtement tombés sur ces ordures et que son pote s'était ramassé une balle dans la nuque.*

Если принять градуальный ряд эмоций «фамильярность – пренебрежение – презрение», где эмоции располагаются по степени усиления отрицательного содержания эмоции, то в русском арго единицы со значением «сотрудник милиции» выражают презрение, а во французском – фамильярность и пренебрежение. Особенно это проявляется в случаях использования русских арготизмов в инвективной функции, что вариант *flic* реализует с трудом, в силу чего его приходится в переводе сопровождать сниженными эпитетами:

– А ты меня за ноги держал, мент проклятый, чтобы про мой образ жизни на людях рассуждать?! – бешено крикнула Манька Облигация [...] – *Eh, maudit flic, t'as partagé mon intimité, au moins, pour parler de mon mode de vie en public?! Cria, furieuse, Manka Obligation [...]*

– Не бери на понт, мусор, – неуверенно сказала Маня и я понял, что Жеглов уже сломал ее. – *N'essaie pas de m'avoir par surprise, flic à la manque, dit Mania, peu sûre d'elle; je compris alors que Jéglov l'avais déjà brisée.*

– А тебя, мусор, никто и не спрашивает! – *Toi, ordure, personne te demande rien !*

– Ты никак мне грозишься, мусорок? – спросил он тихо. – *On dirait que tu me menaces, flic à la manque? demanda-t-il à la voix basse.*

– Володя! Ты где, Володя? Ну-ка подай голос! Ты что, в прятки придумал играть, а, мусорок?.. – *Volodia! Volodia, t'es où? Allez, dis quelque chose! Quoi, t'as décidé de jouer à cache-cache, hein, ordure?*

Переводческое решение *mусор – ordure*, очевидно, связано с псевдометафоризацией этой единицы в русском языке, которая на самом деле происходит от древнееврейского *muser* – наставление, указание, отсюда еврейское «мусер» – доносчик, и в дальнейшем контаминация с общеупотребительным мусор, то есть «грязь, отбросы» [Грачев 1997: 86]. Переводчики пытаются сохранить внутренний образ через единицу *ordure*, которая не имеет прямого отношения к правоохранительным органам, а обозначает низкого, презренного человека.

В языковой картине криминального мира важное место занимает понятие *фраер*, отражающее представление о любом, не относящемся к преступному миру человеке, который рассматривается в первую очередь как потенциальная жертва вора или шулера. *Фраер* – не просто чужой, а чуждый человек, поскольку он глуп, наивен и простодушен. В переводе романа *фраер* чаще передаётся через нейтральные эвфемизмы *un bon citoyen* («хороший, честный гражданин») или *pas de leurs* («не из своих»), что, безусловно, не соответствует арготической «окраске» этой единицы:

– Ты, Карп, все правильно мерекуюшь – нам сгодится этот *фраерок*, он парень шустрый и жох. – *Карп, t'as entièrement raison, ce bon citoyen peut nous servir, il est rapide et malin.*

– Вот завтра ты и пойдешь с нами за Фоксом, и, если выяснится, что ты не мусор, а честный *фраер*, дам я тебе денег, – твердо сказал горбун. – *Eh bien, demain tu vas aller avec nous chercher Fox et s'il s'avère que t'es pas une ordure de flic, mais un bon citoyen honnête, je te donnerai du fric, dit le bossu avec fermeté.*

Ручечник сокрушенно покачал головой, вздохнул: – Не довели. За «корову» его, *фраеришку*, взяли. *La Paluche, accablé, hochla la tête et soupira: – Ils l'ont pas conduit jusque-là. Il était pas des leurs, ils l'avaient pris avec eux pour avoir à manger...*

Вариантами перевода единицы *фраер* являются также *gogo* («*individu naïf et crédule*») и *gandin* («*jeune homme d'élégance excessive*»). Последнее вносит к тому же и оттенок старомодности, жеманности, поскольку является устаревшим словом:

– С этого момента возникло преступное сообщество, именуемое в законе *шайкой*, которая с большим успехом начала бомбить *фраеров*. – *A partir de ce moment a vu le jour une association criminelle, que la loi dénomme « bande » et qui, avec pas mal de succès, fit des ravages chez les gogos.*

– Даже не знаю как тебе сказать. По замашкам он *фраер* вроде, но он не *фраер*, это я точно знаю. – *Je sais même pas quoi répondre. Par ses allures, on dirait que c'est un gandin, mais ce pas le cas, ça, je sais.*

Известно, что ритуальная сторона криминальной субкультуры имеет глубокую природу, о которой в своё время упоминал ещё Д. С. Лихачев в труде «Черты первобытного примитивизма воровской речи». В частности, это получает явное выражение в так называемой «божбе», воровской клятве, где отражается «магическая сторона слова» [Лихачев 1933: 33]. В романе мы находим пример такой воровской клятвы, которая воспроизводится капитаном Жегловым как знак его посвященности в воровские традиции:

Жеглов положил одну руку на сердце, другую на лоб и скороговоркой произнес:

Гадом буду по-тамбовски,

Сукой стану по-ростовски,

С харей битую по-псковски.

Век свободы не видать!...

Jéglov mit une main sur son cœur, posa l'autre sur son front et débita à toute vitesse :

Salaud serai à Tambov

Chien serai à Rostov

Le gueule cassée à Pskov

Je reverrai plus la liberté jamais!

В переводе воровской клятвы утрачена важная составляющая ритуального текста – его ритмизация, что лишает его жанровой целостности.

Обращаясь к другим переводческим решениям, мы с сожалением констатируем, что приёмы экспликации и генерализации, выбираемые авторами перевода, не передают социальной колоритности персонажей романа братьев Вайнеров, а лишь репрезентируют общую смысловую канву:

– *A вы, оказывается, поголовный шмон затеяли... – Et vous, apparemment, c'est une vraie rafle que vous avez décidé de faire... (une vraie rafle – «настоящая облава»).*

– *Ты-то знаешь, что я с роду ни с какими мокрушиками дела не имела... – Tu sais très bien que je n'ai jamais eu de relation avec des assassins... (des assassins – «убийцы»).*

– *Только лучше в клифту лагерном на лесосеке, чем в костюмчике у Фокса на пепе! – Seulement, il vaut mieux être en veste ouatinée de camp sur un chantier d'abattage dans le Grand-Nord qu'en beau costume avec le couteau de Fox dans le dos! (veste ouatinée – «ватная куртка»)*

Нередко межъязыковые расхождения настолько далеки по своему экспрессивно-стилистическому потенциалу, что возникает неуместный комический эффект:

– *Чтобы я блатного кореша уголовке сдал – да не в жисть! – Que je donne un collègue de boulot à la poulaille, ça jamais! (un collègue de boulot – «коллега по работе»).*

– *О-ох, тошно мне, граждане начальнички, отпустили бы мальчишечку... – Oh, j'en ai mal au cœur, messieurs les chefs, si vous relâchiez le gamin que je suis... (messieurs les chefs – «господа руководители»).*

Заключение

Таким образом, мы говорим о значительной коммуникативно-функциональной неравнозначности исходного и переводного текстов. В целом переводчики придерживаются стратегии доместикации исходного текста, отказываясь от воссоздания экзотического для французского читателя колорита советской послевоенной Москвы, адаптируя текст романа для восприятия западным читателем. В результате в переводе происходит определенный стилистический сдвиг, проявляющийся в нивелировании выразительных возможностей русского оригинала и в конечном счете – в искажении арготической картины мира.

Список литературы

1. Абдрахманова О. Р. Проблемы переводимости стилистически сниженной лексики в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 228 с.
2. Береговская Э. М. Арго и язык французской художественной прозы XX века (50–70-е годы). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. 356 с.
3. Грачев М. А. Русское арго. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 1997. 245 с.
4. Вор в законе // Википедия – свободная энциклопедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%80_%D0%B2%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B5 (дата обращения: 17.04.2023)
5. Елистратов В. С. Словарь русского арго : Материалы 1980–1990 гг. М. : Русские словари, 2000. 694 с.
6. Криминология : Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. 630 с.
7. Кудинова Т. А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации : автореф. ... д-р филол. наук. Нальчик, 2011. 46 с.
8. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. № III-IV. М.-Л., 1935. С. 47–100.
9. Можейко М. Инвектива // Новейший философский словарь. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : «Норинт», 2001. 717 с.
11. Сапожникова О. С. Разговорная речь в коммуникативной структуре художественного текста: (на материале французского языка) : монография. Н. Новгород : НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2001. 254 с.
12. Сдобников В. В. Расслоение стилистически сниженной лексики и проблемы перевода художественного текста // Коммуникативно-стилистические аспекты переводческой деятельности. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 148–155.
13. Степанова О. В. Особенности ценностной картины мира носителей арго // Социальные варианты языка : Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород : НГЛУ, 2002. С.114–116.

14. Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С.70–75.
15. Хорошева Н. В. Смеховые архетипы французского и русского субстандарта // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 22–27.
16. Ячменева С. П. Функции арготизмов в художественном тексте: диахронический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 199 с.
17. Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère C. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Paris : Larousse, 2002. 903 p.

Список источников

1. Вайнер А. А., Вайнер Г. А. Эра милосердия : Роман. М. : Воениздат, 1976. 384 с.
2. Weiner A., Weiner G. La Criminelle sera au rendez-vous / пер. на франц. Ж.-П. Дюссоссуа, Е. Аврорина, Ж.-Ж. Синакевича. М. : Радуга, 1989. 493 с.

References

1. Abdrakhmanova O. R. Problemy perevodimosti stilisticheski snizhennoi leksiki v khudozhestvennom tekste [Problems of translatability of stylistically reduced vocabulary in a literary text]. PhD thesis. Chelyabinsk, 2006, 228 p. (In Russ.).
2. Beregovskaya E. M. Argo i yazyk frantsuzskoi khudozhestvennoi prozy KhKh veka (50-70-e gody) [Argo and the language of French fiction of the twentieth century (50–70s)]. Smolensk, SmolGU, 2009, 356 p. (In Russ.).
3. Grachev M. A. Russkoe argo [Russian argot]. N. Novgorod, NGLU, 1997, 245 p. (In Russ.).
4. Vor v zakone [Thief in law]. *Vikipediya - svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia - the free encyclopedia]. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%80_%D0%B2%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B5 (accessed: 17.04.2023).
5. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo [Dictionary of Russian argot]. Moscow, Russkie slovari, 2000, 694 p. (In Russ.).
6. Kriminologiya [Criminology]. Ed. N. F. Kuznetsova, V. V. Luneva. 2th ed., Moscow, Volters Kluver, 2004, 630 p. (In Russ.).
7. Kudinova T. A. Yazykovoï substandart: sotsiolingvisticheskie, lingvokul'turologicheskie i lingvopragmaticheskie aspekty interpretatsii [Language substandard: sociolinguistic, linguoculturological and linguopragmatic aspects of interpretation]. Doctoral dissertation abstract. Nal'chik, 2011, 46 p. (In Russ.).
8. Likhachev D. S. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoi rechi [Features of primitive primitivism of thieves' speech]. *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking]. no. III-IV, Moscow-Leningrad, 1935, pp. 47-100. (In Russ.).
9. Mozheiko M. Invektiva [Invective]. *Noveishii filosofskii slovar'* [The latest philosophical dictionary]. Minsk, V. M. Skakun, 1998, 896 p. (In Russ.).
10. Mokienko V. Moscow, Nikitina T. G. Bol'shoi slovar' russkogo zhargona [Large dictionary of Russian jargon]. Saint Petersburg, Norint, 2001, 717 p. (In Russ.).
11. Sapozhnikova O. S. Razgovornaya rech' v kommunikativnoï strukture khudozhestvennogo teksta: (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Colloquial speech in the communicative structure of a literary text: (based on the material of the French language)]. N. Novgorod, NGU im. N. I. Lobachevskogo, 2001, 254 p. (In Russ.).
12. Sdobnikov V. V. Rassloenie stilisticheski snizhennoi leksiki i problemy perevoda khudozhestvennogo teksta [Stratification of stylistically reduced vocabulary and problems of translation of literary text]. *Kommunikativno-stilisticheskie aspekty perevodcheskoi deyatel'nosti* [Communicative and stylistic aspects of translation activity]. Moscow, MGU, 1994, pp. 148-155. (In Russ.).
13. Stepanova O. V. Osobennosti tsennostnoi kartiny mira nositelei argo [Peculiarities of the value picture of the world of argot speakers]. *Sotsial'nye varianty yazyka* [Social language variants]. Nizhnii Novgorod, NGLU, 2002, pp. 114-116. (In Russ.).
14. Fenenko N. A. Lingvokul'turnaya adaptatsiya teksta pri perevode: predely vozmozhnogo i dopustimogo [Linguistic and cultural adaptation of text during translation: the limits of the possible and acceptable]. *Vestnik VGU. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [VVSU Bulletin. Series Linguistics and Intercultural Communication]. Voronezh, 2001, no. 1, pp. 70-75. (In Russ.).
15. Khorosheva N. V. Smekhovyie arkhetipy frantsuzskogo i russkogo substandarta [Laughing archetypes of the French and Russian substandard]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2010, no. 334. pp. 22-27. (In Russ.).
16. Yachmeneva S. P. Funktsii argotizmov v khudozhestvennom tekste: diakhronicheskii aspekt [Functions of argotisms in a literary text: diachronic aspect]. PhD thesis. Omsk, 2007, 199 p. (In Russ.).

List of sources

1. Vainer A. A., Vainer G. A. Era miloserdiya [Era of Mercy]. Moscow, Voenizdat, 1976, 384 p. (In Russ.).
2. Weiner A., Weiner G. La Criminelle sera au rendez-vous. Translation into French by J.-P. Dussausois, E. Avrorin, J.-J. Sinakevich. Moscow, Радуга, 1989, 493 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Хорошева – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

N. V. Khorosheva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for
publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 57–62.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 57-62.

Научная статья
УДК 811.134.2'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В СТАТЬЕ X. SEVILLA MUÑOZ "THE VARIATION IN THE PAREMIAS OF THE SPANISH OF SPAIN AND MEXICO"

Надежда Николаевна Меньшакова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
mnesperanza@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена двумя факторами: теоретическим и практическим. Теоретический фактор проявляется в нарастающей популярности паремиологических исследований как в рамках одного языка, так и в проведении кросс-культурных сравнений. Для подтверждения данной гипотезы мы выбрали статью X. С. Муньос «La Variación En Las Paremias Del Español de España y de México», которая затрагивает тему диатопической вариативности паремий испанского языка в двух странах: Испании и Мексике, а также рассказывает об истории исследований в сфере геопаремиологии. Материал выбранной статьи будет полезен для любого человека, интересующегося паремиями, так как в нем содержится актуальный компаративный анализ паремий испанского языка с объяснениями причин их вариативности. Принцип построения данной работы можно применить и для проведения подобных исследований в русском языке. Практическая актуальность заключается в выработке нового подхода к поиску и последующей работе с переводческими трудностями – моделированию семантического поля. Этот метод помогает систематизировать единицы иностранного языка на основе семантических связей, а так как их установка невозможна без предварительного дефиниционного анализа, то это помогает лучше понять структуру описанной терминосферы и улучшить качество перевода.

Ключевые слова: паремиология, терминология, испанский язык, моделирование, паремии.

Для цитирования: Меньшакова Н. Н. Особенности перевода терминов в статье X. Sevilla Muñoz "The variation in the paremias of the spanish of spain and mexico" // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 57–62.

Original article

FEATURES OF THE TRANSLATION OF TERMS IN THE ARTICLE OF X. SEVILLE MUNOZ "LA VARIACIÓN EN LAS PAREMIAS DEL ESPAÑOL DE ESPAÑA Y DE MEXICO"

Nadezhda N. Menshakova

Perm State University, Perm, Russia, mnesperanza@mail.ru

Abstract. The relevance of the work is due to two factors: theoretical and practical. The theoretical factor is manifested in the increasing popularity of paremiological research both within the framework of a single language and in cross-cultural comparisons. To confirm this hypothesis, we selected the article by H. S. Munoz "La Variación En Las Paremias Del Español de España y de México", which touches on the topic of diatopic variability of Spanish language paremias in two countries: Spain and Mexico, and also tells about the history of research in the field of geoparemiology. The material of the selected article will be useful for anyone interested in paremias, as it contains an up-to-date comparative analysis of Spanish paremias with explanations of the reasons for their variability. The principle of construction of this work can be applied to conduct similar research in the Russian language. The practical relevance lies in the development of a new approach to the search and subsequent work with translation difficulties – modeling the semantic field. This method helps to systematize the units of a foreign language based on semantic connections, and since their installation is impossible without a preliminary definitional analysis, it helps to better understand the structure of the described terminology and improve the quality of translation.

Keywords: paremiology, terminology, Spanish language, modeling, paremias.

For citation: Menshakova N. N. Features of the translation of terms in the article X. Seville Munoz "La variación en las paremias del español de España y de México". Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:57-62. (In Russ.).

Введение

Актуальность работы обусловлена двумя факторами: теоретическим и практическим. Теоретический фактор проявляется в нарастающей популярности паремиологических исследований как в рамках одного языка, так и в проведении кросскультурных сравнений [Мидер 2020; Шустова 2023; Шустова, Лебедева 2024].

Для подтверждения данной гипотезы мы выбрали статью Х. С. Муньос «La Variación En Las Paremias Del Español de España y de México», которая затрагивает тему диатопической вариативности паремий испанского языка в двух странах: Испании и Мексике, а также рассказывает об истории исследований в сфере геопаремиологии.

Материал выбранной статьи будет полезен для любого человека, интересующегося паремиями, так как в нем содержится актуальный компаративный анализ паремий испанского языка с объяснениями причин их вариативности [Меньшакова 2020; Шалгина, Плюснина, Киселева 2018].

Основная часть

Одним из этапов исследования станет составление разработка семантического поля : слова «paremiología». Выбор этого имени обусловлено главной темой переводимой статьи: исследование и сравнение паремиологических единиц двух вариантов испанского языка. Для обеспечения корректности перевода нам необходимо учитывать различия испанской и русской лингвокультур. Составление семантического поля наглядно покажет семантические связи между понятиями исходного текста и поможет подобрать релевантные аналоги в русском языке.

Одно из самых емких понятий семантики дает американский лингвист Б. Х. Парти. Семантика – наука о значении [Partee 1999]. Такое широкое определение говорит о том, что в разных областях науки будет разный подход к определению роли семантики. Логико-философская традиция делит семиотику на синтаксис, семантику и прагматику [Morris 1938]. С этой точки зрения синтаксис касается свойств выражений, таких как правильность формы; семантика касается отношения между выражениями и тем, о чем они "говорят"; а прагматика касается отношений между выражениями и их использованием в контексте. Сфера философии затрагивается семантикой в отношении определения значения слов, их связь с мышлением и бытием. Она также рассматривает истинностные значения или условия истинности, которыми обладает данное предложение в силу выражаемой им пропозиции. Данный термин также используется в сфере программирования. В Словаре компьютерных терминов приводится следующее определение: «Семантика – система толкования информационных языковых конструкций». В компьютерном программировании семантика текста и проведение его семантического анализа рассматривается как один из самых сложных этапов в процессе автоматической обработки текста. «Семантика – все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением)» [БЭС].

Л. В. Большова в своих лекциях по семантике давала следующее объяснение значимости данного раздела науки: «Разгадать, увидеть, понять жизнь слова – заветная мечта каждого, кто раз, хоть на миг оказался перед необходимостью ответить на вопрос, каким образом достигается взаимодействие звучания и значения, гармония мысли языка» [Балашова 2011].

Семантический анализ позволяет объединить слова по тематическим группам [Кобозева 2000]. Их можно объединить как по принадлежности к одной предметной области (например: планеты, созвездия, водоемы и т. д.), так и к одной понятийной сфере (например: обозначение процессов мышления, чувств восприятия и т. д.). Проведение семантического анализа является крайне важным этапом в изучении и сопоставлении лексических единиц языка, ведь с функциональной точки зрения словарный состав языка представляет собой совокупность средств наименования [Айвазова 2016].

Одним из методов семантического анализа является моделирование семантического поля. Одними из первых термин «семантическое поле» ввели немецкие ученые Й. Трир и Г. Ипсен. Такое представление лексической системы является в первую очередь

лингвистической гипотезой, а не аксиомой, поэтому часто используется исключительно как метод проведения языкового исследования, а не как его цель. Единицы, входящие в поле не являются самостоятельными обладателями значения. Наоборот, каждое из них имеет такое значение из-за того, что другие слова этого поля также им обладают [Trier 1931].

В пределах одного и того же языка все слова взаимно ограничены, значение любого элемента определяется элементами, которые его окружают [Соссюр 1980: 162]. Важно понимать, что любое семантическое поле основано на одном общем интегральном признаке. Такими признаками могут быть: лексическое значение; смысловой признак; семантический признак; варианты значения одного слова; компоненты значения. Общим признаком также могут выступать понятие, тема, некоторая ситуация [Башарина 2007].

Многими исследователями отмечается плодотворность полевой модели, поскольку она представляет систему языка как «непрерывную совокупность полей» [Мельчук 2017], то есть они представляют собой разветвленную систему. Другими словами, семантическое поле одновременно входит в общую систему языка и само по себе является многоуровневой системой.

Один из самых простых типов семантического поля, на примере которого лучше всего видны все признаки данного понятия, является поле со связями парадигматического типа [Щур 1974]. К связям парадигматического типа можно отнести родо-видовые, антонимические, синонимические, понятийные и другие.

В тексте анализируемой статьи рассматриваются диатопические вариации исходных испанских паремий в мексиканском варианте, а также история проведения кросскультурных исследований в этом направлении и результаты работы в виде лексикографических словарей, к которым обращается автор в практической части. В статье содержится большое количество слов, которые тем или иным образом связаны с понятием «*paremiología: la paremia, el refrán, el refranero, el refranero, el refranero literario, el refranero-acervo, el refranero histórico, el refranero mexicano, la paremiografía, el proverbio, la frase proverbial, el enunciado breve y sentencioso, el habla proverbial, el paremiólogo, la geoparemiología, el paremiógrafo, la variación diatopica, la investigación paremiológica, la diatopia*». Далее следует этап моделирования семантического поля на испанском языке. Этот процесс подразумевает поиск дефиниций выбранных лексем для верификации их нахождения в том или ином разделе поля. Мы использовали словари «*Diccionario real academia española*» и «*Gran Diccionario de la Lengua Española*», в которых содержатся наиболее актуальные дефиниции испанского языка.

Ядро.

Моделирование любой системы начинается с выделения центра или ядра. Этот же принцип относится и к семантическому полю. Ядро поля парадигматического типа состоит из лексем одной части речи, в нашем случае – существительное, с конкретизацией с помощью прилагательных [см. Щур 1974]. В ядро будут включены слова, напрямую связанные с ядерным словом «*Paremiología*», но при этом максимально конкретные, без уточняющих частей. Нами были выделены следующие слова: *la paremia, el paremiólogo, la geoparemiología, la paremiografía, el habla proverbial*. Поиск дефиниций мы начнем с ядерного слова *la paremiología*.

La paremiología – conjunto de conocimientos relativos a los refranes [Real Academia Española]. Из определения видно, что это один из разделов лингвистики, а значит к ядру будут относиться лексемы, напрямую связанные с этим термином: люди, которые проводят исследования; предмет изучения; разные направления исследования. Их отличительной чертой является наличие корня «*paremió*» и отсутствие конкретизирующих частей, что говорит о максимально близких семантических отношениях с ядерным словом.

La paremia – refrán, proverbio, adagio o sentencia [Real Academia Española]. Согласно этому определению, *paremia* является родовым наименованием для большой группы устойчивых выражений, изучением которых занимается *paremiología*. Следовательно, это слово связано с ядерным как основной объект исследования.

El paremiólogo – persona que recoge o estudia las paremias [Gran Diccionario de la Lengua Española]. Из определения видно, что именно этот человек занимается проведением исследований в рамках паремиологии.

La geoparemiología. Нам не удалось найти в словарях определение данного понятия, но оно приводится в самой статье и звучит следующим образом: *la aplicación de los criterios de la geolingüística a la paremiología, como el estudio de las paremias desde una perspectiva geográfica* [Muños 2020]. Данное понятие относится к разделу паремиологии.

La paremiografía – tratado en el que se recogen los refranes [Real Academia Española]. Это понятие также относится к разделу паремиологии.

Выражение *el habla proverbial* отсутствует в словарях, поэтому для обоснования его включения в поле мы обратимся к контексту. В тексте оно используется единожды и выступает синонимической заменой понятию «паремиология», что и стало причиной его включения в состав ядра.

Ближняя периферия.

1) Слово *la paremia* связано со следующими элементами: *el refrán, el refranero, la frase proverbial, los enunciados breves y sentenciosos, el proverbio*. Мы начнем рассмотрение со сравнения двух определений: *El refrán – dicho agudo y sentencioso de uso común, El proverbio – sentencia, adagio o refrán* [Real Academia Española]. Оба определения говорят о том, что понятия относятся к типам паремий, а значит их семантическая связь с ядерным словом обоснована. *La frase proverbial – frase hecha* [Real Academia Española]. Из определения можно сделать вывод, что это выражение относится к типам паремий. Словосочетание *el enunciado breve y sentencioso* не имеет дефиниции в словаре и по своей сути описывает характеристики любого устойчивого выражения. Ситуация со словом *el refranero*, которое нами также было отнесено к данной группе, является неоднозначной. Его определение в словарях однозначно *la colección de refranes*, однако автор употребляет это понятие при перечислении устойчивых выражений как наименование группы. Мы предположили, что причина заключается в особенностях авторского стиля, из-за чего слово *el refranero* встречается сразу в двух группах, при этом имея разные значения: в группе *la paremia* выступает в роли «устойчивого выражения», а в группе *la paremiografía* в роли «словаря пословиц».

2) *La paremiografía* включает в себя понятия *el paremiógrafo* и *el refranero*. *El paremiógrafo es la persona que recoge los refranes*. Ученый, который работает в рамках указанной науки. *El refranero es la colección de refranes* [Gran Diccionario de la Lengua Española]. Это продукт работы паремиографа. Связи семантического поля необязательно должны быть строго иерархическими. Этот принцип хорошо виден на примере данной группы. Так *El refranero* относится как к *el paremiógrafo*, так и к *la paremiografía*. Кроме того, целая группа *la paremia* и будет являться материалом для *el refranero*.

3) Оставшиеся два понятия ближней периферии: *la investigación geoparemiológico, la investigación paremiológica*, имеют общее слово *la investigación*, но разные описательные элементы. *La investigación es una acción y efecto de investigar* [Gran Diccionario de la Lengua Española]. Соответственно в группе *la geoparemiología* выражение *la investigación geoparemiológico* будет относиться к любым исследованиям, проведенных в рамках раздела геопаремиологии, а выражение *la investigación paremiológica* относится к исследованиям раздела паремиологии, проведенных паремиологами.

Дальняя периферия.

В дальнюю периферию включаются конкретные примеры приведенных ранее понятий.

1) К *la investigación geoparemiológica* относится *la variación diatópica – dicho de una diferencia lingüística: que se debe a las diferentes procedencias geográficas de los hablantes* [Real Academia Española]. По своей сути это один из объектов изучения геопаремиологического исследования.

2) К *el refranero* относятся следующие примеры: *el refranero literario (perteneciente o relativo a la literatura), el refranero histórico (perteneciente o relativo a la historia), el refranero-acervo (relativo a el conjunto de valores o bienes culturales acumulados por tradición o herencia), el refranero mexicano (relativo a la variación mexicana del español)*.

3) Примеры устойчивых выражений, используемых для сравнительного анализа в статье, делятся автором на два типа: *el refrán* и *el refranero*. Мы не стали включать все приведенные примеры в семантическое поле из-за их количества, оставив лишь указание на их местоположение в материале.

Отдельно автором были упомянуты некоторые примеры категории *la frase proverbial*: *el amor no se compra con dinero; el amor y el interés comen en el mismo plato; los males no llegan solos*. Было принято решение включить их в семантическое поле для большей наглядности.

Заключение

Результатом нашей работы стало семантическое поле имени «Paremiología» на испанском языке, которое представляет структуру семантических связей между понятиями, относящихся к одному из направлений языкознания – паремиологии. От ядра к периферии выбранные понятия раскрываются и конкретизируются, что позволяет установить больше взаимосвязей между ними. Мы также выяснили, что внутри одно поля эти связи могут идти не только линейно, но и связывать единицы от периферии к ядру.

Список литературы

1. Айвазова Э. Р. Метод семантического анализа лексических единиц // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-semanticheskogo-analiza-leksicheskikh-edinit> (дата обращения: 12.05.2024).
2. Башарина А. К. Понятие «семантическое поле» // Вестник СВФУ. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoe-pole> (дата обращения: 13.05.2024).
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
4. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта: Наука, 2003. 694 с.
5. Котюрова М. П. Стилистика научной речи : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М. : Издательский центр Академия, 2008. 236 с.
6. Мельчук И. А. Русский язык в модели «СмыслТекст». М. : Языки славянской культуры, 2017. 435 с.
7. Меньшакова Н. Н. Фразеологические сравнения в испанском, русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 38–44.
8. Мидер В. «No Body is Perfect»: соматические пословицы в современном американском английском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 4–20.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. со 2 фр. изд. А. М. Сухотина; ред. пер. Н. А. Слюсаревой. М. : Логос, 1998. 235 с.
10. Шалгина Е. А., Плюснина Е. М., Киселева О. Б. Семантическое поле «МИЛОСЕРДИЕ» в русском и французском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 52–56.
11. Шустова С. В. Лингвистические особенности паремийных трансформантов // Евразийский филологический вестник. 2023. № 3(3). С. 98–108.
12. Шустова С. В., Лебедева А. А. Особенности перевода английских фразеологизмов и паремий // Евразийский филологический вестник. 2024. № 1(5). С. 86–105.
13. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Предисл. М. М. Маковского. М. : URSS, 1974. 253 с.
14. Morris C. W. Foundation of the theory of signs // International Encyclopaedia of Unified Science. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 1–59.
15. Partee B. Semantics / R. A. Wilson and F. C. Keil eds. // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. P. 739–742.
16. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines Sprachlichen feldes. Heidelberg: Verlag nicht ermittelbar, 1931.

Список источников

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 683 с.
2. Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения 24.05.2024)
3. Muñoz J. S. La variación en las paremias del español de España y de México / Mogorrón P.H., Cuadrado A. R. (eds.) // ELUA: Fraseología y variaciones (socio)lingüísticas y diatópicas, Anexo VII, 2020. p. 73–88.

References

1. Aivazova E. R. Metod semanticheskogo analiza leksicheskikh edinit [Method of semantic analysis of lexical units]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems in the humanities and natural sciences]. 2016, no. 12-2. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-semanticheskogo-analiza-leksicheskikh-edinit> (accessed: 12.05.2024).
2. Basharina A. K. Ponyatie «semanticheskoe pole» [The concept of “semantic field”]. *Vestnik SVFU* [NEFU Bulletin]. 2007, no. 1. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoe-pole> (accessed: 13.05.2024).
3. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 350 p. (In Russ.).

4. Kozhina M. N. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka, 2003, 694 p. (In Russ.).
5. Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoi rechi* [Stylistics of scientific speech]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Akademiya, 2008, 236 p. (In Russ.).
6. Mel'chuk I. A. *Russkii yazyk v modeli «SmyslTekst»* [Russian language in the SmyslText model]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017, 435 p. (In Russ.).
7. Men'shakova N. N. *Frazeologicheskie sravneniya v ispasnkom, russkom i angliiskom yazykakh* [Phraseological comparisons in Spanish, Russian and English]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 3, pp. 38-44. (In Russ.).
8. Mider V. «No Body is Perfect»: somaticheskie posloviцы v sovremennom amerikanskom angliiskom yazyke [“No Body is Perfect”: somatic proverbs in modern American English]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 1, pp. 4-20. (In Russ.).
9. Sossyur F. *Kurs obshchei lingvistiki* [General linguistics course]. Moscow, Logos, 1998, 235 p. (In Russ.).
10. Shalgina E. A., Plyusnina E. Moscow, Kiseleva O. B. *Semanticheskoe pole «MILOSERDIE» v russkom i frantsuzskom yazykakh* [Semantic field “MERCY” in Russian and French languages]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018, no. 4, pp. 52-56. (In Russ.).
11. Shustova S. V. *Lingvisticheskie osobennosti paremiinykh transformantov* [Linguistic features of proverbial transformants]. *Evraziiskii filologicheskii vestnik* [Eurasian Philological Bulletin]. 2023, no. 3(3), pp. 98-108. (In Russ.).
12. Shustova S. V., Lebedeva A. A. *Osobennosti perevoda angliiskikh frazeologizmov i paremii* [Features of the translation of English phraseological units and proverbs]. *Evraziiskii filologicheskii vestnik* [Eurasian Philological Bulletin]. 2024, no. 1(5), pp. 86-105. (In Russ.).
13. Shchur G. S. *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow, URSS, 1974, 253 p. (In Russ.).
14. Morris C. W. *Foundation of the theory of signs* // *International Encyclopaedia of Unified Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 1–59.
15. Partee B. *Semantics* / R. A. Wilson and F. C. Keil eds. // *The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. P. 739–742.
16. Trier J. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines Sprachlichen feldes*. Heidelberg: Verlag nicht ermittelbar, 1931.

List of sources

1. BES – *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998, 683 p. (In Russ.).
2. Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения 24.05.2024)
3. Muñoz J. S. *La variación en las paremias del español de España y de México* / Mogorrón P.H., Cuadrado A. R. (eds.) // *ELUA: Fraseología y variaciones (socio)lingüísticas y diatópicas*, Anexo VII, 2020. p. 73–88.

Информация об авторе

Н. Н. Меньшакова – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

N. N. Menshakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 63–68.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 63-68.

Научная статья
УДК 811.134.2'25

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РИТМА ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО В АВТОПЕРЕВОДАХ

Наталья Валерьевна Шутемова¹, Артём Михайлович Воловей²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ manchinova@perm.ru

² artyom.volovey@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальных проблем поэтического перевода: проблема передачи специфической ритмичности поэтического подлинника на языке перевода. Статья посвящена репрезентации ритма поэзии Иосифа Бродского в его автопереводах на английский язык. Бродский, будучи одним из самых значительных поэтов XX в., часто занимался переводом собственных произведений, что выдвигает на передний план проблему сохранения поэтической формы текста. В данном исследовании мы ставим целью анализ механизма передачи ритмических структур оригинала и выяснение, какие приёмы использует поэт для адаптации своих текстов к особенностям английского языка. Статья основывается на детальном сравнительном анализе выбранных стихотворений Бродского в русском и английском вариантах. В первую очередь акцентируется внимание на метре, который формирует звучание и восприятие поэтического произведения. Мы анализируем, каким образом Бродский использует разнообразные метры: ямбы, хорей, анапесты и дольники, и как они меняются в автопереводах. Рассматриваются также вопросы звукового оформления: аллитерация, ассонанс и другие фонетические фигуры, которые обеспечивают основу ритма его стихов, и передача которых невозможна в полном объёме из-за гетерогенности языков. В статье рассматривается теоретический аспект проблемы, связанный с понятием ритма и его ролью в поэзии.

Ключевые слова: поэтический текст, художественный перевод, ритмическая структура, автоперевод, сравнительно-сопоставительный анализ.

Для цитирования: Шутемова Н. В., Воловей А. М. Репрезентация ритма поэзии И. Бродского в автопереводах // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 63–68.

Original article

REPRESENTATION OF THE RHYTHM OF SELF-TRANSLATIONS OF J. BRODSKY'S POETRY

Natalia V. Shutemova¹, Artem M. Volovey²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ manchinova@perm.ru

² artyom.volovey@mail.ru

Abstract. The article deals with one of the current problems of poetic translation: the problem of representing the specific rhythmicity of the poetic original into the target language. The article is devoted to the representation of the rhythm of Joseph Brodsky's poetry in his self-translations into English. Brodsky, one of the most significant poets of the twentieth century, was often involved in the translation of his own works, which brings to the fore the problem of preserving the poetic form of the text. The target of this article is to analyze the mechanism of transmission of the rhythmic structures of the original and to find out what techniques the poet uses to adapt his texts to the peculiarities of the English language. The article is based on a detailed comparative analysis of selected Russian and English versions Brodsky's poems. First of all, attention is focused on metre, which shapes the sound and perception of a poetic work. We analyze how Brodsky uses a variety of metres: iambs, choruses, anapests, and accentual verse, and how they change in the self-translations. We also consider issues of sound design: alliteration, assonance, and other phonetic figures that form the basis of the rhythm of his poems and that cannot be fully conveyed due to the heterogeneity of languages. The article deals with the theoretical aspect of the problem related to the concept of rhythm and its role in poetry.

Keywords: poetic text, literary translation, rhythmic structure, self-translation, comparative analysis.

For citation: Shutemova N. V., Volovey A. M. Representation of the rhythm of self-translations of J. Brodsky's poetry. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:63-68. (In Russ.).

Введение

Данное исследование связано с осмыслением своеобразия репрезентации ритма в автопереводах поэзии И. Бродского. Автопереводы стихотворений И. Бродского часто используются любителями поэзии, не владеющими языком оригинала. Это позволяет им ознакомиться с творчеством поэта, несмотря на языковой барьер. Сам Иосиф Бродский был также известен как переводчик. Он переводил на русский язык произведения таких авторов, как Сэмюэл Беккет, Томас Манн, Уильям Шекспир и многих других. Его переводы характеризуются высокой точностью и отвечают высоким требованиям искусства перевода.

Перевод – одно из древнейших занятий человека, в Средние века перевод был распространён, с ним связана деятельность Джона Лидгейта или Джеффри Чосера [Ellis 2000: 44]. Дошли до наших дней и имена переводчиков эпохи Возрождения: это Томас Хоби, Джордж Чапмен и Филемон Холланд. Интересно, что в это время появилась ораторская теория перевода, согласно которой, перевод следует оценивать так же, как и любое другое ораторское произведение [Boutcher 2000: 46]. В эпоху романтизма распространение получили сценический перевод и перевод повествовательной прозы [Hale 2000: 65]. Когда-то перевод рассматривался исключительно в качестве отрасли прикладной лингвистики, и статус переводоведения как отдельной дисциплины подвергался сомнению [Baker 2000: 21]. На протяжении долгого времени до этого, за редкими исключениями, перевод был исключительно работой практиков, а их учения представляют собой преимущественно не развёрнутые научные работы, а короткие комментарии, служащие предисловием к переводу [France 2000: 4]. «Для впечатления от стихотворного текста ритм оказывается важнее, чем словесное наполнение» [Гаспаров 2012: 7], из чего можно предположить, что при работе с поэтическим текстом М. Л. Гаспаров в качестве доминирующего компонента выделяет форму текста. Художественный текст описывается как текст, организации которого «присуща особая сложность и полифункциональность, в нём активно используются те аспекты и ярусы структуры, которые в других видах речевой коммуникации остаются ненагруженными, иррелевантными» [Гиндин 1987: 436], в результате чего структура художественного текста становится многослойной, при этом соотношение слоев обладает спецификой и отлично от иерархического порядка. Р. О. Якобсон в своей работе «Поэзия грамматики и грамматика поэзии», рассуждая о произведениях А. С. Пушкина, писал, что в поэтическом тексте присутствует яркая актуализация грамматических противопоставлений: «Контрасты, сходства и смежности различных времен и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений» [Якобсон 1983: 462].

Также необходимо отметить, что каждый жанр художественной литературы требует особого подхода к переводу. Так, Сьюзан Басснетт выделяет такие основные трудности перевода, как: 1) отсутствие теоретических исследований игрового текста; 2) отношение текста написанного и исполненного; 3) тот факт, что переводчику необходимо учитывать, что текст перевода будет восприниматься реципиентами на слух, из-за чего текст может восприниматься не в полной мере; 4) различные культурные особенности и традиции в театре разных стран. В результате этих трудностей появляется такая терминология для перевода драмы, как: версия (version), адаптация (adaptation) и перевод (translation), которые показывают степень отхода от исходного текста, где перевод – это самый близкий к оригиналу текст в отличие от адаптации и версии [Bassnett 2000: 100].

Новый подход к переводу продемонстрировал А. В. Федоров в своей книге «Основы общей теории перевода». В этом труде автор совершает обзор особенностей, свойственных различным видам перевода, и разбирает применяемые в них техники. Как результат, А. В. Федоров делает вывод, что большому разнообразию средств языка оригинала соответствует сравнимое разнообразие средств языка перевода. В итоге автор выводит две основные закономерности: «1) закономерности общего порядка – такие как, например, постоянная необходимость отступать от дословной точности и определять выбор отдельного элемента в переводе в зависимости от функции его в контексте... 2) закономерности конкретного и частного порядка, например, однозначность в раскрытии термина» [Федоров

2002: 342]. Из чего А. В. Федоров выводит закономерность о невозможности в переводе применять некие стандартные решения, которые игнорируют конкретные условия и индивидуальные особенности оригинала. Одним из ключевых понятий в рассматриваемой концепции является понятие функции: «то, что не может быть передано в соответствии с формой (порою из-за отсутствия такой возможности в языке, на который делается перевод), может быть воссоздано по функции и по связи с широким контекстом произведения как целого» [Фёдоров 1971: 33]. При этом данная концепция учитывает, что соотношение между стилистическими функциями и их языковыми формами могут различаться.

Также стоит рассмотреть современные теории художественного перевода, так в монографии «Рефракционная теория художественного перевода» Н. В. Шутёмова предлагает новый подход к художественному переводу как к «мыслительной деятельности, связанной с познанием сущностного свойства ИТ и его передач в ПТ» [Шутёмова 2019: 167]. Одними из ключевых понятий в этой теории является поэтичность и рефракция. Автор определяет поэтичность как типологическую доминанту художественного текста, а понятие рефракции, или преломления, заимствованное из физики, рассматривается в отношении степени передачи типологической доминанты исходного текста в тексте перевода.

Основная часть

Изначально ритм понимается как равномерное чередование каких-либо элементов (звуковых, двигательных и т.п.). Однако в науке сформировались разные подходы к определению и изучению ритма: ритм текста «заключается в коммуникативно-целесообразном следовании сходных в различных отношениях компонентов» [Нелюбин 2003: 185]. В качестве функции ритма переводчик и литературовед М. Л. Гаспаров выделяет способность ритма создать «ощущение предсказуемости, “ритмического ожидания” каждого очередного элемента текста, и подтверждение или неподтверждение этого ожидания ощущается как особый художественный эффект» [Гаспаров 1987: 326]. Но так как для создания подобной «предсказуемости» необходимо, чтобы читатель встретился с ними несколько раз, на таких уровнях художественного произведения, как сюжетный, образный, идейный, она достижима только в произведениях большого объёма. Из-за этого область применения ритма в произведениях «остаётся низший уровень организации текста – звуковой: здесь ритмические звенья короче, проще и уследимее» [Гаспаров 1987: 326]. Легче всего ритм прослеживается в стихотворных произведениях, однако его также можно выделить и в прозе. Ритм стихотворения и прозы различается, так, в стихе «ритмический фон, на котором ощущаются ритмические повторы и контрасты, постоянен и единообразен» [Гаспаров 1987: 326], а в прозе он отдельный для каждого отдельного элемента текста. «Именно применительно к звуковому строю стиха понятие ритма стало употребляться впервые; на остальные уровни строения текста оно было потом распространено уже метафорически» [Гаспаров 1987: 326], так из ритма в стихотворных текстах начали выделять самую общую схему ритмического строения – метр.

М. Л. Гаспаров выделяет разные системы стихосложения, в зависимости от тех ритмических элементов, которые канонизованы в метре, а какие являются факультативными, такие как: «силлабическое (повторяется число слогов в строке), тоническое (повторяется число фонетических слов в строке), метрическое и силлабо-тоническое (повторяются стопы – определенные варианты сочетаний долгих и кратких или ударных и безударных слогов)» [Гаспаров 1987: 326]. Также нам необходимо дать определение метру, как самой общей схеме ритмического строения. Метр в широком смысле определяется как предсказуемость появления определённых звуков на определённых позициях [Гаспаров 1987: 219], но при таком подходе к понятию метра, оно почти идентично понятию ритма, рассмотренному ранее. В связи с этим чаще всего понятие метра используют лишь в метрическом и силлабо-тоническом стихосложении для обозначения упорядоченных и выделенных слогов внутри стиха. Обычно при сочинении стихов автор ориентируется в первую очередь на метр, которому и должно соответствовать будущее стихотворение и на основе которого выбираются и создаются различные словосочетания, за счёт которых реализуется метр. В свою очередь, читатели при восприятии стихотворения сначала обращают внимание на эти словосочетания, и лишь после этого угадывают метр, который реализован в стихотворении. Отмечается, что основной задачей при исследовании стихов является выделение из общей взаимосвязанности текста отдельных элементов ритма и определение, какие из них повторяются [Гаспаров 1987: 220].

В. М. Жирмунский, рассуждая о системах стихосложения, выделяет три устоявшихся школьных традиции, а именно: метрическую, тоническую и силлабическую. Метрическая система, которая была распространена в античности, заключается в чередовании долгих и кратких слогов [Жирмунский 1975: 20]. Тоническая система, которая была популярна среди германских и части славянских народов, строится на чередовании ударных и безударных слогов, с использованием стопы в качестве устоявшегося сочетания одного ударного и одного или двух безударных слогов. Таким образом, в тонической системе стихосложения выделяется 5 основных размеров: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест [Жирмунский 1975: 22]. Однако существуют стихи, построенные по особой форме тонического стиха, в которой постоянной остаётся только число ударных слогов внутри стиха, в то время как число безударных слогов может варьироваться, так, например, происходит в немецких балладах, песенной лирике или дольниках [Жирмунский 1975: 24].

Далее мы рассмотрим своеобразие ритмики И. Бродского. И. Бродский был вынужден покинуть СССР в 1972 году, в результате чего был в некоторой степени обновлен его подход к поэзии, что в первую очередь выразилось в его фонике и ритмике. Так в своём сборнике стихов «Остановка в пустыне», выпущенном в 1970 году, большая часть стихотворений написана классическими размерами, такими как пятистопный и четырёхстопный ямб, или пятистопный анапест, размерами неторопливыми и характерными для русских повествовательных стихов, и меньшая часть создана различными вариациями дольника, более непредсказуемыми размерами. И так с каждым новым выпущенным сборником стихов можно было проследить, что соотношение классических размеров и дольников склоняется в сторону дольников. При этом очевидно, что это вызвано не просто технической переориентацией, ведь в основе русского стиха как раз лежат звуковая и метрическая организация стиха и просодия [Лосев 2008: 189]. Время – это весомый элемент в поэтике И. Бродского. В его работах можно обнаружить повторяемость не только отдельных элементов ритма, но и мотивов, художественных средств выражения, из-за чего различные стихи могут начать восприниматься как единый текст, несмотря на возможный временной разрыв между ними [Халимбекова 2004: 14]. Таким образом, поэт использует повторяемость отдельных элементов стихотворчества как некий способ реконструировать время.

Анализировать и рассматривать мы будем такие элементы ритма как строфика, метр, размер, рифма, анжамбеман, ассонанс и аллитерация. Для того чтобы узнать какого подхода к репрезентации ритма придерживался сам И. Бродский на практике, мы проведём сравнительно-сопоставительный анализ русской и английской версий одного из его стихотворений. Мы рассмотрим ещё одно рождественское стихотворение И. Бродского, под названием «Рождественская звезда». Это стихотворение состоит из двенадцати строк и разделено на три строфы по четыре строки. ИТ написано преимущественно дольником, в котором равное количество четырёхиктных и шестииктных строк (по пять строк), что не свойственно для поздней Рождественской поэзии И. Бродского, которая преимущественно была написана четырёхстопным амфибрахийем. Возможно, это вызвано желанием поэта отдалиться от стихотворения Б. Л. Пастернака «Рождественская звезда», написанного именно четырёхстопным амфибрахийем. В этом стихотворении используются только мужские рифмы и внутри каждой строфы рифмуются между собой первая и вторая, третья и четвёртая строки (ААВВ). Также в тексте присутствует анжамбеман, например, во второй строфе на разные строки разделяются семантически полное высказывание и перечислительный ряд.

*Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы – Балтазар, Гаспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.*

Особенностью текста можно назвать большое количество ассонанса, который можно встретить почти в каждой строке (пример из первой строки третьей строфы).

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,

Также, несмотря на меньшую частотность по сравнению с ассонансом, автор использует в тексте аллитерацию, пример которой можно обнаружить в четвёртой строке первой строфы:

мело, как только в пустыне может зимой мести.

Перевод этого стихотворения под названием «Star of the Nativity» аналогично оригиналу состоит из двенадцати строк, разделённых на три равных строфы. ПТ написан не классическим размером, а дольником. Подобно ИТ в переводе большинство строк имеют

четыре или шесть ударных слогов. В переводе стихотворения почти везде используется только мужской тип рифмы, только в одной строке он меняется на женскую, что можно считать незначительным отходом от оригинала. Строфы в ПТ имеют парную рифму ААВВ. Также в тексте перевода можно увидеть свойственные для И. Бродского анжамбеманы: *To Him, all things seemed enormous: His mother's breast, the steam out of the ox's nostrils, Caspar, Balthazar, Melchior – the team*

В ПТ используются ассонанс и аллитерация, примеры которых есть в четвёртой и пятой строках соответственно: *it blew as only in deserts in winter it blows, athwart. To Him, all things seemed enormous: His mother's breast, the steam.* В результате сравнения ритма ИТ с ПТ можно сказать, что в переводе сохранены полностью или с незначительными изменениями такие элементы ритма, как: строфика, метр, размер, рифма и её типы, перенос, ассонанс и аллитерация, при этом отсутствуют элементы ритма, которые были бы переданы не полностью или утрачены целиком.

Заключение

Иосиф Бродский придерживался мнения, что ритм произведения может передавать интенцию автора или отображать его авторский стиль, поэтому при переводе нельзя эти элементы утрачивать. Это становится понятно из заявлений самого поэта и его современников. Анализ репрезентации ритма поэзии Иосифа Бродского в автопереводах, проведённый на основе стихотворения и его перевода и выделенных в нём восьми основных элементов ритма, показал, что поэт в своей практике перевода придерживался взглядов о важности ритма как счётчика времени. Из анализа стихотворений и переводов И. Бродского можно сделать вывод, что автор стремился сохранить структуру и ритм оригинала, чтобы передать логику развития поэтической идеи и создать художественный образ. Ритм стихотворений И. Бродского отражает глубокие поэтические смыслы, связанные с отношениями человека ко времени и бесконечности, и является основой его поэтики. Сохранение структурных принципов движения поэтической идеи в переводе позволяет передать глубинные смыслы оригинала и помогает иностранному читателю понять ценности исходной культуры.

Список литературы

1. Гаспаров М. Л. Метр // Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 219–220.
2. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
3. Гаспаров М. Л. Ритм // Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 326–327.
4. Гиндин С. И. Текст // Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 436.
5. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Советский писатель. 1975. 663 с.
6. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М. : Молодая гвардия, 2008. 447 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. М. : Флинта-Наука, 2003. 320 с.
8. Фёдоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М. : Высшая школа, 1971. 194 с.
9. Халимбекова М. С. Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского «остановка в пустыне»: автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 26 с.
10. Шутёмова Н. В. Рефракционная теория художественного перевода : монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 200 с.
11. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
12. Baker M. Linguistic Perspectives on Translation // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000. P. 20–26.
13. Bassnett S. Theatre and Opera // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 96–102.
14. Boutcher W. The Renaissance // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000. P. 45–54.
15. Hale T. Romanticism and the Victorian Age // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000. P. 64–72.

References

1. Gasparov M. L. Metr [Meter]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 219-220. (In Russ.).
2. Gasparov M. L. Metr i smysl [Meter and meaning]. Moscow, Fortuna EL, 2012, 416 p. (In Russ.).
3. Gasparov M. L. Ritm [Rhythm]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 326-327. (In Russ.).
4. Gindin S. I. Tekst [Text]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 436. (In Russ.).
5. Zhirmunskii V. M. Teoriya stikha [Theory of poetry]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1975, 663 p. (In Russ.).
6. Losev L. V. Iosif Brodskii: Opyt literaturnoi biografii [Joseph Brodsky: An Experiment in Literary Biography]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008, 447 p. (In Russ.).
7. Nelyubin L. L. Tolkovyi perevodovedcheskii slovar' [Explanatory translation dictionary]. Moscow, Flinta-Nauka, 2003, 320 p. (In Russ.).
8. Fedorov A. V. Ocherki obshchei i sopostavitel'noi stilistiki [Essays on General and Comparative Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1971, 194 p. (In Russ.).
9. Khalimbekova M. S. Obrazy vremeni i prostranstva v poeticheskom sbornike Iosifa Brodskogo «ostanovka v pustyne» [Images of Time and Space in Joseph Brodsky's Poetry Collection "A Stop in the Desert"]. PhD dissertation abstract. Makhachkala, 2004, 26 p. (In Russ.).
10. Shutemova N. V. Refraktsionnaya teoriya khudozhestvennogo perevoda [Refractive Theory of Literary Translation]. Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. Perm, 2019, 200 p. (In Russ.).
11. Yakobson R. O. Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry of grammar and grammar of poetry]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga, 1983, pp. 462-482. (In Russ.).
12. Baker M. Linguistic Perspectives on Translation // *The Oxford Guide to Literature in English Translation* / ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000. P. 20–26.
13. Bassnett S. Theatre and Opera // *The Oxford Guide to Literature in English Translation* / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 96–102.
14. Boutcher W. The Renaissance // *The Oxford Guide to Literature in English Translation* / ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000. P. 45–54.
15. Hale T. Romanticism and the Victorian Age // *The Oxford Guide to Literature in English Translation* / ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000. P. 64–72.

Информация об авторах

Н. В. Шутемова – доктор филологических наук, доцент, профессор,
кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
А. М. Воловей – преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N. V. Shutemova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;
A. M. Volovey – Teacher, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 10.06.2024.

Научная статья
УДК 811.112.2`36

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИХ «ПРИЗНАКОВАЯ» ПРИРОДА

Ирина Викторовна Архипова¹, Елена Петровна Налобина²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹ irarch@yandex.ru

² sorockina@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются немецкие деадъективные имена существительные в аспекте их гетерогенного семантического потенциала, детерминированного взаимодействием категориальных значений предметности и качества. Имена прилагательные (качественные, относительные) «дают» производящую основу для образования качественных и относительных деадъективов. Качественные деадъективы характеризуются отношением «имеющий предмет», «характеризующийся наличием предмета». В современной лингвистической литературе *деадъективы* рассматриваются как абстрактные или отвлеченные имена существительные или имена качества, которые являются производными имен прилагательных (адъективов). Они обладают двойственной семантико-грамматической природой или так называемой «двухслойной» семантикой, поскольку являются результатом взаимодействия категориальных значений предметности и качества. В силу этого они характеризуются семантической гетерогенностью. В основе этого типа мотивационных отношений лежит способность предмета, являющегося составной частью предмета, выступать его характеристикой. Целью настоящего исследования является выделение и описание различных семантических групп немецких деадъективов с позиции их неоднородных «признаковых» значений. Материалом исследования послужили немецкие высказывания с различными деадъективными именами существительными, полученными методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса. В ходе исследования выявлены и описаны семантические группы немецких деадъективов, обозначающих различные физические и физиологические признаки (зрительные, слуховые, вкусовые, осязательно воспринимаемые, а также признаки предмета, воспринимаемые мышечным напряжением). Кроме того, немецкие деадъективы характеризуются способностью обозначать признаки живых существ / предметов, в том числе, оценочные признаки и признаки «самосознания человека и его внутреннего мира».

Ключевые слова: деадъективы, качественные деадъективы, относительные деадъективы, семантика, семантический потенциал, семантические группы, «признаковые» значения, категориальные значения, предметность, качество, признак.

Для цитирования: Архипова И. В., Налобина Е. П. Семантический потенциал немецких деадъективных имен существительных и их «признаковая» природа // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 69–74.

Original article

SEMANTIC POTENTIAL OF GERMAN DEADJECTIVE NOUNS AND THEIR “FEATURES” NATURE

Irina V. Arkhipova¹, Elena P. Nalobina²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

¹ irarch@yandex.ru

² sorockina@mail.ru

Abstract. This article examines German deadjective nouns in the aspect of their heterogeneous semantic potential, determined by the interaction of categorical meanings of objectivity and quality. Adjectives (qualitative, relative) "give" a productive basis for the formation of qualitative and relative

deadjectives. Qualitative deadjectives are characterized by the relation "having an object", "characterized by the presence of an object". In modern linguistic literature, deadjectives are considered as abstract or abstract nouns or quality names that are derivatives of adjectives (adjectives). They have a dual semantic-grammatical nature or the so-called "two-layer" semantics, since they are the result of the interaction of categorical meanings of objectivity and quality. Because of this, they are characterized by semantic heterogeneity. This type of motivational relationship is based on the ability of the subject, which is an integral part of the subject, to act as its characteristic. The purpose of this study is to identify and describe various semantic groups of German deadjectives from the position of their heterogeneous «feature» meanings. The material for the study was German utterances with various deadjective nouns obtained by directed sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus. During the study, semantic groups of German deadjectives were identified and described, denoting various physical and physiological signs (visual, auditory, gustatory, tactile, as well as signs of an object perceived by muscle tension). In addition, German deadjectives are characterized by the ability to denote signs of living beings / objects, including evaluative signs and signs of «a person's self-awareness and his inner world».

Keywords: deadjectives, qualitative deadjectives, relative deadjectives, semantics, semantic potential, semantic groups, «feature» meanings, categorial meanings, objectivity, quality, feature.

For citation: Arkhipova I. V., Nalobina E. P. Semantic potential of german deadjective nouns and their "features" nature. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:69-74. (In Russ.).

Введение

В центре исследовательского внимания находятся вопросы описания семантического потенциала немецких деадъективных существительных, определяемых как абстрактные или отвлеченные имена качества (признака). Неоднородный семантический потенциал деадъективов определяется их «двухслойной» семантикой, детерминированной взаимодействием категориальных значений предметности (субстанциональности) и качества.

Материалом для исследования послужили немецкие высказывания с деадъективными именами существительными, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC).

Основная часть

Проблемы описания семантики деадъективных имён существительных в различных языках привлекали внимание ряда отечественных лингвистов (см., например, [Адамец 1975; Борискина 2020; Борисенкова 1984; Брикотнина 2005; Воронина 2022; Золотова 2003; Кузикович 2008; Налобина, Архипова 2016, 2016а, 2017]). Целью настоящего исследования является описание семантического потенциала немецких деадъективов.

В современной лингвистической литературе *деадъективы* рассматриваются как абстрактные или отвлеченные имена существительные или имена качества, которые являются производными имён прилагательных (адъективов). Они обладают двойственной семантико-грамматической природой или так называемой «двухслойной» семантикой, поскольку являются результатом взаимодействия категориальных значений предметности и качества. В силу этого они характеризуются семантической гетерогенностью.

Деадъективы (*адъективные номинализации*) являются именами существительными со значением отвлеченного качества, мотивированные различными именами прилагательными: *красивый* – *красота*, *schön* – *die Schönheit*, *горький* – *горечь*, *bitter* – *die Bitterkeit* и другие. Кроме того, деадъективы характеризуются лингвистами как *синтаксические дериваты*. Е. Курилович определил образование таких лексем как синтаксическую деривацию, обозначив её сущность в помещении «формы с таким же лексическим содержанием» в иную по сравнению с исходным словом синтаксическую позицию [Курилович 1962: 57–70].

Имена прилагательные (качественные, относительные) «дают» производящую основу для образования качественных и относительных деадъективов. Качественные деадъективы характеризуются отношением «имеющий предмет», «характеризующийся наличием предмета».

В основе этого типа мотивационных отношений лежит способность предмета, являющегося составной частью предмета, выступать его характеристикой, например: *persönlich (für jmds. Person kennzeichnend, charakteristisch)* – *Persönlichkeit: (Gesamtheit der persönlichen (charakteristischen, individuellen) Eigenschaften eines Menschen)*. К подобным деадъективам относятся также *die Einfältigkeit, die Fürsorglichkeit, die Gefühligkeit, die Erfolglosigkeit, die Arbeitsamkeit, die Ärgerlichkeit, die Bestechlichkeit, die Essbarkeit* и другие.

Основы относительных адъективов также могут служить производящей базой деадъективных существительных, однако следует отметить, что относительные прилагательные выражают отношение, которое может быть рассмотрено как особый случай свойства (признака). Относительные прилагательные всегда производны (за исключением заимствований), их производящей базой служат имена существительные или глаголы.

Относительный деадъектив, трансформируя субстантивную семантику в признаковую, актуализирует компонент относительности исходной семантики. Данный компонент может быть конкретизирован различным способом – практически любое из предметных отношений пропозиции, в которое включается производящее имя существительное. Прилагательное, непосредственно именуемое один тип предметного отношения ситуации, опосредованно отражает и саму ситуацию, являясь её частью. При образовании деадъективного существительного осуществляется именование предмета не на основе его признака, а по признаку предмета, например: *Diabetes – diabetisch – Diabetiker*.

Особенностью абстрактных имён существительных (в частности, деадъективов) является то, что в них сигнификативное содержание преобладает над денотативным [Чернейко 2010: 94]. Сигнификат конкретных существительных состоит из набора признаков, соотносящихся с материальной действительностью, и включает в себя описание перцептивно воспринимаемых свойств. Поэтому их сигнификатом будет только один признак, а не набор релевантных признаков в классическом понимании термина.

Выделенные в процессе абстрагирования признак или свойство предмета мыслятся независимо от других признаков или свойств. Г. П. Кузикович указывает на то, что «значения одних имён как бы «вычерпываются» из чувственно воспринимаемой реальности, например, *die Dunkelheit, die Wärme, die Kälte, die Bitterheit*, а других характеризуются преобладанием абстрактно-логического модуса и более «отрефлексированны» в социокультурном отношении, ср.: *die Bedeutsamkeit, die Bestimmtheit, die Wahrheit*» [Кузикович 2008: 6].

Л. В. Брикотина считает, что абстрактное имя качества «может приобрести референтную самостоятельность, обеспечиваемую структурой текста, коммуникативными и прагматическими факторами» [Брикотина 2005: 75]. По её мнению, «абстрактные имена качества имеют референты – ими являются гносеологические сущности, средой обитания которых является ментальный мир человека» [там же: 76].

В связи с этим также следует отметить, что при образовании деадъективных имен существительных основополагающими являются аналитическая и идеализирующая абстракции. Согласно В. А. Штоффу, аналитическая абстракция состоит «в отвлечении от некоторых предметов, от некоторых их свойств, сопровождающаяся иногда даже опредмечиванием» [Штофф 1966: 153].

Идеализирующая абстракция состоит «не столько в простом отвлечении от каких-то свойств или упрощении объекта, сколько в одновременном преувеличении, абсолютизации и доведении до предела (предельные случаи) некоторых наблюдаемых состояний или свойств, в результате чего возникают идеализированные объекты, не осуществимые в действительности, но имеющие в ней свои прообразы» [там же]. При формировании имён «задействована» аналитическая абстракция. Деадъективы характеризуются обозначением некоторого отвлечённого признака.

А. Н. Шрамм отмечает, что восприятие признака требуется соотнесение с его неким «эталоном», а признаки, воспринимаемые органами чувств, осознаются человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с этим «эталоном» [Шрамм 1979]. Предложенная классификация качественных прилагательных строится на характере отношения между признаком и носителем признака. В соответствии с классификацией признаков, предложенных А. Н. Шраммом, следует выделять следующие группы немецких деадъективов:

1. Деадъективы, обозначающие зрительно воспринимаемые признаки (цветовые признаки, фактура поверхности, особенности строения предмета или живого существа, размеры предмета): *die Dichte, die Größe, die Höhe, die Glattheit, die Tiefe* и т. д., например: *Die Rauheit der Innenflächen wurde im Vergleich zu herkömmlichen Produkten deutlich verbessert (LC)*.

2. Деадъективы, обозначающие признаки, воспринимаемые на слух: *die Heiserkeit, die Lautlosigkeit, die Piepsigkeit, die Stille* и т. д., например: Manche Menschen benötigen absolute Stille, um einschlafen zu können (LC).

3. Деадъективы, обозначающие вкусовые признаки: *die Bitterkeit, die Herbheit, die Salzigkeit, die Säure, die Süßigkeit* и т. д., например: Für Martin Volkelt kommt es bei einem perfekten Ceviche auf das Spiel von *Schärfe, Säure, Süße* und *Salzigkeit* an (LC).

4. Деадъективы, обозначающие осязательно воспринимаемые признаки: *die Feuchtigkeit, die Flüssigkeit, die Härte, die Trockenheit, die Wärme* и т. д., например: Lüften Sie das Badezimmer regelmäßig, um *Feuchtigkeit* zu reduzieren (LC).

5. Деадъективы, обозначающие признаки предмета, воспринимаемые мышечным напряжением (собственно весовые признаки и признаки, устанавливаемые в результате сжимания, надавливания, растягивания): *die Leichtigkeit, die Schwere, die Straffheit, die Weiche* и т. д., например: Das Fahrwerk ist ausgewogen abgestimmt, mit einem leichten Hang zur *Straffheit* (LC).

Отдельную группу составляют деадъективы, обозначающие признаки живых существ, предметов и оценочные признаки. Данные признаки осознаются в результате многоступенчатой операции: воспринятые органами чувств признаки соотносятся друг с другом, в комплексе сравниваются с эталоном, в результате чего делается вывод о наличии / отсутствии того или иного признака). Эталоном в таком случае является представление о совокупности необходимых и достаточных признаков для утверждения о новом признаке [Шрамм 1979: 32].

На этом основании следует выделять следующие семантические группы немецких деадъективов:

1. Деадъективы, обозначающие признаки человека (общий вид, внутренние свойства, такие как характер, ум и т. д.) (см. *die Ehrlichkeit, die Offenheit, die Mutigkeit, die Weisheit* и другие), например:

Sie können manchmal hitzige Diskussionen führen, aber *ihre Ehrlichkeit* und *Offenheit* machen sie auch zu guten Gesprächspartnern (LC).

2. Деадъективы, обозначающие признаки предметов: *die Verwendbarkeit, die Anwendbarkeit, die Nachhaltigkeit, die Tauglichkeit, die Verhältnismäßigkeit* и другие, например:

Die Verwendbarkeit des Goldes in Form von Münzen und Barren hängt nicht von den Öffnungszeiten der Banken, Finanzinstitute und Börsenplätzen ab (LC).

3. Деадъективы, обозначающие оценочные признаки: *die Zweckmäßigkeit, die Nützlichkeit, die Schönheit, die Wahrheit, die Wirklichkeit, die Zweideutigkeit* и другие, например:

Mit diesen sei man gut positioniert, zeigte sich Hanke von der *Zweckmäßigkeit der Subventionen* überzeugt (LC).

Особую группу составляют деадъективные существительные, обозначающие человека по характерному признаку: *die Blonde, der Blödling, der Feigling, der Fremdling, der Schönling, der Winzling* и другие, например:

Du selber bist daran schuld nun als *Fremdling im eigenen Land* zu gelten (LC).

Другим «типом абстракции признаков» является идеализация, в результате которой образуются понятия идеальных объектов: философские понятия и категории, являющихся компонентами самосознания человека, его внутреннего мира: *die Solidarität, die Absolutheit, die Ewigkeit, die Fähigkeit, die Objektivität, die Unendlichkeit* и другие, например: An Doskozil vermisse der Autor eine für die Sozialdemokratie wesentliche Eigenschaft, *die Solidarität* (LC).

Заключение

Таким образом, немецкие деадъективы (качественные и относительные), являясь производными от различных имён прилагательных, характеризуются гетерогенным семантическим потенциалом. Их неоднородная «двухслойная» семантика определяется, в частности, взаимодействием категориальных значений предметности и качества.

В результате исследования выявлены и охарактеризованы определённые семантические группы немецких деадъективов, обозначающих различные физические / физиологические признаки (визуальные, слуховые, вкусовые, а также осязательно воспринимаемые и другие). Некоторые немецкие деадъективы характеризуются наличием в их семантической структуре признаков живых существ или предметов, в том числе, оценочных, а также психических / психологических признаков внутреннего мира человека как субъекта деятельности.

Список литературы

1. Адамец П. О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 4. С. 40–46.
2. Борисенкова Л. М. Семантическая структура и коммуникативные функции девербативов, деадъективов и морфологически родственных им композитов: на материале немецкого языка : дис ... канд. филол. наук. М., 1984. 160 с.
3. Борискина О. В. Отвлеченные имена качества во французском языке (на материале деадъективных существительных) // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией О. Ю. Ивановой. Орёл : Изд-во Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева», 2020. С. 64–71.
4. Брикотнина Л. В. Специфика семантики абстрактных имен качества и ее экспликация в синтаксисе: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 190 с.
5. Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов : дис ... д-а филол. наук. Белгород, 2022. 369 с.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС, 2003. 386 с.
7. Налобина Е. П., Архипова И. В. Семантико-синтаксические свойства девербативных и деадъективных существительных немецкого языка // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32). С. 143–153.
8. Налобина Е. П., Архипова И. В. Синтаксис девербативов и деадъективов (на примере предложно-именных конструкций немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2016а. № 10. С. 23–29.
9. Налобина Е. П., Архипова И. В. Функционирование деадъективных существительных в немецком полипропозитивном предложении // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2017. № 11. С. 99–101.
10. Кузикович Г. П. Категориальная организация абстрактных имен существительных (на примере качественных имен) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2(15). С. 5–18.
11. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.
12. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М. : Книжный дом Либроком, 2010. 319 с.
13. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л. : Наука, 1979. 134 с.
14. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л. : Наука, 1966. 302 с.

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.06. 2024).

References

1. Adamets P. O. O semantiko-sintaksicheskikh funktsiyakh deverbativnykh i dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh [On the semantic-syntactic functions of deverbative and deadjective nouns]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific reports of higher education. Philological sciences]. 1973, no. 4, pp. 40- 46. (In Russ.).
2. Borisenkova L. M. Semanticheskaya struktura i kommunikativnye funktsii deverbativov, dead"ektivov i morfologicheskii rodstvennykh im kompozitov: na materiale nemetskogo yazyka [Semantic structure and communicative functions of deverbatives, deadjectives and morphologically related composites: based on the material of the German language]. PhD thesis. Moskva, 1984, 160 p. (In Russ.).
3. Boriskina O. V. Otvlechenyye imena kachestva vo frantsuzskom yazyke (na materiale dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh) [Abstract names of quality in French (based on deadjective nouns)]. *Lingvistika, perevodovedenie i metodika obucheniya inostrannym yazykam: aktual'nye problemy i perspektivy* [Linguistics, translation studies and methods of teaching foreign languages: current problems and prospects]. Ed. O. Yu. Ivanova. Oryol : Izd-vo Orlovskij gosudarstvennyj universitet im. I. S. Turgeneva», 2020, pp.64-71. (In Russ.).
4. Brikotnina L. V. Spetsifika semantiki abstraktnykh imen kachestva i ee eksplikatsiya v sintaksise: na materiale angliiskogo yazyka [Specifics of the semantics of abstract quality names and its explication in syntax: based on the material of the English language]. PhD thesis. Barnaul, 2005, 190 p. (In Russ.).
5. Voronina L. V. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivatsionnykh i kompozitsionnykh protsessov [Substantive word formation of the modern German language: cognitive-discursive representation of derivational and compositional processes]. Doctoral dissertation. Belgorod, 2022, 369 p. (In Russ.).

6. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. 3th ed., Moscow, Editorial URSS, 2003, 386 p. (In Russ.).
7. Nalobina E. P., Arkhipova I. V. Semantiko-sintaksicheskie svoistva deverba-tivnykh i dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka [Semantic-syntactic properties of deverbative and deadjjective nouns of the German language]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University]. 2016, no. 4 (32), pp. 143-153. (In Russ.).
8. Nalobina E. P., Arkhipova I. V. Sintaksis deverbativov i dead"ektivov (na primere predlozhno-imennykh konstruksii nemetskogo yazyka) [Syntax of deverbatives and deadjectives (using the example of prepositional-nominal constructions of the German language)]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current problems of philology and methods of teaching foreign languages]. 2016a, no. 10, pp. 23-29. (In Russ.).
9. Nalobina E. P., Arkhipova I. V. Funktsionirovanie dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh v nemetskom polipropozitivnom predlozhenii [Functioning of deadjjective nouns in a German polypropositive sentence]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current problems of philology and methods of teaching foreign languages]. 2017, no. 11, pp. 99-101. (In Russ.).
10. Kuzikevich G. P. Kategorial'naya organizatsiya abstraknykh imen sushchestvitel'nykh (na primere kvalitivnykh imen) [Categorical organization of abstract nouns (using the example of qualitative nouns)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues in cognitive linguistics]. 2008, no. 2(15), pp. 5-18. (In Russ.).
11. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya [Lexical derivation and syntactic derivation]. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics] Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1962, pp. 57-70. (In Russ.).
12. Cherneiko L. O. Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni [Linguistic and philosophical analysis of an abstract name]. Moscow, Knizhnyi dom Librokom, 2010, 319 p.
13. Shramm A. N. Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatel'nykh [Essays on the semantics of qualitative adjectives]. Leningrad, Nauka, 1979, 134 p. (In Russ.).
14. Shtoff V. A. Modelirovanie i filosofiya [Modeling and philosophy]. Moscow-Leningrad, Nauka, 1966, 302 p. (In Russ.).

List of sources

1. LC – Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 14.06. 2024).

Информация об авторах

- Е. П. Налобина** – старший преподаватель, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет;
- И. В. Архипова** – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the authors

- E. P. Nalobina** – Senior Lecturer, Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University;
- I. V. Arkhipova** – Grand Ph. D. (Philology), Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 75-82.

Научная статья
УДК 811.13'36

НЕФИНИТНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ТАКСИСА В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Марина Юрьевна Ивонина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
marinaivonina@psu.ru

Аннотация. Одна из центральных категорий функциональной грамматики, характеризующая категориальную ситуацию – таксис, то есть временное отношение между событиями внутри периода времени. В речи таксисные отношения одновременности и разновременности (предшествования или следования) могут возникать в пределах одного предложения, которое может быть как полипредикативным, так и формально монопредикативным. В первом случае две ситуации в паре находят выражение в соответствующей паре предикатов, каждый из которых выражен финитной формой глагола. В такой паре одна форма выступает как опорная, а другая – как синтаксически зависимая форма, которая вводится специальными языковыми средствами, например, темпоральными союзами. Во втором случае предложение формально имеет один предикат, но будет семантически осложнено вторично-предикативной конструкцией с нефинитной формой глагола, которая выражает вторую ситуацию в паре и позволяет возникнуть таксисным отношениям между двумя ситуациями. Такая вторично-предикативная конструкция может представлять собой инфинитивный оборот, причастный оборот, герундиальный оборот. В романских языках с различной частотой представлены случаи актуализации таксиса теми или иными нефинитными формами. В итальянском языке в этой функции активно выступает девербатив, представляющий собой субстантивированный инфинитив с определённым артиклем. В состав такой конструкции могут входить и зависимые от девербатива слова, образуя вместе с ним единое логическое существительное. Вместе с тем, девербатив наследует от глагола вербальные признаки и аспектуальную семантику, благодаря чему сохраняет предикативность и может выражать целую ситуацию, а также образовывать с основным предикатом таксисные отношения одновременности, следования, предшествования.

Ключевые слова: таксис, романские языки, функционально-семантическое поле таксиса, категориальная ситуация, зависимый таксис, девербативы.

Для цитирования: Ивонина М. Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.

Original article

NON-FINITE VERB FORMS AS A WAY OF ACTUALIZING TAXIS IN ROMANCE LANGUAGES

Marina Yu. Ivonina

Perm State University, Perm, Russia, marinaivonina@psu.ru

Abstract. One of the central categories of functional grammar that characterizes a categorial situation is taxis, which refers to the temporal relationship between events within a period of time. In speech, taxis relationships of simultaneity and nonsimultaneity (precedence or succession) can occur within a single sentence, which can be either polypredicative or formally monopredicative. In the first case, two situations in a pair are expressed by a corresponding pair of predicates, each of which is represented by a finite verb form. In such a pair, one form serves as the main form, while the other is a syntactically dependent form, introduced by special linguistic means, such as temporal conjunctions. In the second case, the sentence formally has one predicate but is semantically complicated by a secondary-predicative construction with a non-finite verb form, which expresses the second situation in the pair and allows taxis relationships to arise between the two situations. Such a secondary-predicative construction can be an infinitive phrase, a

participial phrase, or a gerundial phrase. In Romance languages, taxis is actualized through various non-finite forms with differing frequency. In Italian, a deverbal noun actively functions in this role, represented by a substantivized infinitive with a definite article. Such a construction may also include words dependent on the deverbal noun, forming a single logical noun together with it. At the same time, the deverbal noun inherits verbal features and aspectual semantics from the verb, thereby retaining predicativity, and can express an entire situation, as well as describe taxis relationships of simultaneity, succession, or precedence with the main predicate.

Ключевые слова: taxis, Romance languages, functional-semantic field of taxis, categorial situation, dependent taxis, deverbal nouns,

For citation: Ivonina M. Yu. Non-finite verb forms as a way of actualizing taxis in romance languages. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:75-82. (In Russ.).

Введение

Целью данной работы является обзор основных направлений исследования таксиса в романских языках, в частности, способов актуализации таксиса на основе анализа функционирования нефинитных форм глагола (инфинитива, герундия, причастия), а также девербатива. Функциональная грамматика объединяет языковые средства на основе общности их семантических функций [Бондарко 1987: 6]. В связи с этим одним из центральных понятий выступает понятие функционально-семантического поля, которое даёт системное основание для анализа функций единиц разных уровней строя языка. Функционально-семантическое поле – это группа грамматических и «строевых» лексических единиц, а также лексико-синтаксических и других комбинированных средств данного языка, объединённых общими семантическими функциями [там же: 11].

В речи функционально-семантическое поле репрезентируется в категориальной ситуации, которая представляет собой выражаемую различными средствами высказывания типовую содержательную структуру. Такая структура, с одной стороны, базируется на функционально-семантическом поле определённой категории в данном языке, с другой стороны, представляет собой одну из категориальных характеристик ситуации, передаваемой высказыванием (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную) [там же: 12].

Одна из таких категорий – таксис: эта категория трактуется как временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени [там же: 234], или же отношения между действиями во времени безотносительно к моменту речи [Полянский 1990: 6]. Как самостоятельная грамматическая категория таксис выделяется с 1957 года, когда он был впервые упомянут Р. О. Якобсоном в его англоязычном исследовании (эта работа обычно цитируется по её переводу на русский язык, вышедшему в 1972 г.) [Храковский 2003: 32]. В дальнейшем эта категория получает подробное описание и развитие в трудах отечественных лингвистов: А. В. Бондарко [Бондарко 1987], С. М. Полянского [Полянский 1990, 2001], В. С. Храковского [Храковский 2003, 2019] и других.

Основная часть

В основе семантики категории таксиса лежат отношения одновременности ситуаций либо их разновременности (предшествования либо следования), при этом эти отношения всегда включают аспектуальность, а также могут быть осложнены значениями обусловленности (причины, следствия, условия, уступки и т. д.), значениями характеристики, элементами модальности [Бондарко 1987: 234–235]. Говоря о выражении времени событий в речи, С. М. Полянский различает средства выражения «векторного» времени, когда описываемая ситуация соотносится во времени с моментом самого речевого акта (основное средство передачи в таком случае – специальные глагольные формы настоящего, будущего, прошедшего времён), и средства выражения «позиционного» времени, то есть хронологических отношений одновременности или разновременности между событиями безотносительно к моменту речи. Этот принципиально иной набор лингвистических средств включает в себя относительные глагольные времена, специальную временную глагольную и неглагольную лексику, аспектуальные значения предикатов, временные союзы и предлоги, временные наречия и другие средства [Полянский 2001].

Отношения таксиса возникают между двумя ситуациями внутри пары, что на уровне языка соответствует паре предикатов. При этом предложение может быть формально полипредикативным, с несколькими предикатами, выраженными глаголами в финитных формах – в таком случае речь идёт о таксисной паре глагольных форм, одна из которых

является синтаксически зависимой, а другая – опорной: эти термины были введены В. П. Недеяльковым [Недеяльков, Отаина 1987: 299]. Приведём пример из итальянского языка: *Dopo che ci siamo cambiati, il direttore della scuola entra sul palco per fare un piccolo discorso* [Ngram] – отношения следования возникают между двумя предикатами с финитными формами, соединёнными темпоральным союзом *dopo che*.

С другой стороны, отношения таксиса могут возникнуть и в предложении формально монопредикативном, семантически осложнённом вторично-предикативными конструкциями с участием нефинитных форм глагола – инфинитивных, причастных, герундиальных. Так, в итальянском языке: *E allora fu richiesta a Tucci un'altra copia, ma lui non avendone conservata alcuna dovette riscriverlo* [Гречаная 2012] – в данном примере отношение предшествования выражается не с помощью финитной формы, а посредством герундиального оборота.

На это указывает и В. С. Храковский, обращая внимание на то, что таксисные значения одновременности, предшествования и следования могут выражаться «и с помощью специализированных нефинитных и финитных глагольных форм, и с помощью союзов в совокупности с неспециализированными финитными глагольными формами, и с помощью предлогов / послелогов в совокупности с неспециализированными нефинитными глагольными формами, отглагольными именами, а также с неотглагольными предикатными именами» [Храковский 2009: 21]. Также В. С. Храковский отмечает, что, учитывая универсальное деление глагольных форм на финитные и нефинитные, в таксисных парах возможны четыре комбинации таких форм (два случая, когда опорная либо независимая форма является финитной, а вторая – напротив, нефинитной, а также когда обе формы являются финитными или же нефинитными) [там же].

Применительно к изучению таксиса в конкретных языках можно наблюдать, что абсолютное большинство работ на эту тему опубликованы отечественными исследователями. Это наблюдение подтверждается тем, что поиск по ключевым словам «таксис», *taxis* (англ.), *tassi* (итал.) в основных зарубежных базах публикаций – ResearchGate, JSTOR, Google Scholar – выдаёт результат исключительно в виде русскоязычных работ и англоязычных аннотаций к работам отечественных авторов, а не труды зарубежных учёных. Это можно объяснить тем, что таксис как отдельная категория зарубежными лингвистами, как правило, не выделяется (за редкими исключениями, такими как Р. Г. Тирадо [Тирадо 2016]). Явления, которые в отечественной лингвистике рассматриваются как реализация категории таксиса, в зарубежных публикациях подпадают под категории темпоральных отношений либо аспектуальности в рамках комплексных исследований синтаксиса зависимых предложений. Это создаёт сложность в выделении круга работ, имеющих отношение к проблеме таксиса, вынуждая обращаться преимущественно к публикациям отечественных лингвистов, работающих с материалом иностранных языков.

В большинстве своём это европейские языки либо языки отдельных народностей, проживающих на территории России. Приходится отметить, что среди европейских языков, избранных в качестве материала исследования, преобладают английский, немецкий, даже нидерландский языки, т. е. языки германской группы. Так, обширная работа по изучению таксиса в немецком языке была проведена С. М. Полянским [Полянский 1990], И. В. Архиповой [Архипова 1998, 2017, 2020] и другими учёными, в английском языке – Н. А. Ляшенко [Ляшенко 2019] и прочими.

По нашим наблюдениям, на данный момент количество публикаций, где рассматривается таксис в романских языках (испанском, итальянском, французском и др.), значительно уступает количеству исследований на материале языков других групп. Эту ситуацию можно проиллюстрировать хотя бы содержанием коллективного труда «Типология таксисных конструкций», где типы таксисных конструкций рассмотрены на материале 20 языков различных групп, при этом лишь один язык относится к романской группе – французский [Типология 2003: 901]. Поиск по библиотекам и базам научных статей за последующие годы отражает схожую ситуацию. Чуть большее внимание из всех романских языков в плане изучения таксиса получают французский и испанский языки. Исследования таксиса во французском языке представлены главным образом работами Н. В. Берницкой [Берницкая 1999], Е. В. Донченко [Донченко 2017, 2023], Е. Е. Корди [Корди 2001, 2020].

Достаточно подробный анализ средств актуализации таксиса дан Е. Е. Корди в разделе коллективной монографии «Типология таксисных конструкций» о французском языке [Корди 2009]. Автор отмечает, что, пускай во французской грамматике не принято

использовать сам термин «таксис», при наличии полипредикативности французский язык обязательно выражает таксисные значения одновременности, предшествования и следования, а также ряд субкатегориальных значений (таких как полная и неполная одновременность и т. д.).

Е. Е. Корди выделяет четыре системы французского таксиса: основной (таксисные значения выражаются темпоральными союзами и глагольными временами в сложноподчинённых предложениях с придаточными времени, а также инфинитивными оборотами с темпоральными союзами в осложнённых предложениях), валентностный (таксисные значения выражаются в сложноподчинённых предложениях с придаточными дополнительными, подлежащими и определительными), фоновый (в сложноподчинённых предложениях таксисные значения выражены в обстоятельственных придаточных глагольными формами при участии союзов, передающих основные грамматические значения – уступки, причины, условия и т. д., а в осложнённых предложениях таксисное значение выражено простым или сложным инфинитивом с предлогом) и причастно-герундиальный (таксисные значения выражены формами причастий и герундия в осложнённых предложениях с причастными и герундиальными оборотами в роли обстоятельства и определения) [Корди 2009: 266]. Таким образом, нефинитные глагольные формы также участвуют во французском языке в реализации значений категории таксиса. Приведём пример с герундием: *Ne le voyant pas dans la rue, elle avait dû le chercher partout* [Корди 2009: 259]. В целом исследователь делает вывод, что для полипредикативных конструкций французского языка таксис является обязательной грамматической категорией.

Среди публикаций на тему исследования таксиса в испанском языке можно отметить работы Рафаэля Гусмана Тирадо о категории таксиса в русском и испанском языках [Тирадо 2016], а также статьи Е. Н. Ивкиной [Ивкина 2009], К. В. Урсул [Урсул 2015], выполненные на испанском языковом материале.

Р. Г. Тирадо в своём исследовании делает акцент на таксисных отношениях при комбинации нефинитной формы и финитной формы в испанском языке, где нефинитными формами выступают инфинитив, герундий и причастие:

а) связные и абсолютные инфинитивные обороты как обстоятельство при сказуемом: *Al salir, apague la luz, por favor* (одновременность); *Poco antes de salir de casa, me acordé de que no había cogido las llaves* (предшествование); *Después de comprar el libro, me di cuenta de que estaba defectuoso* (следование) [Тирадо 2016: 92]. В самостоятельных инфинитивных оборотах с предлогами (*a, por, de*) инфинитив выражает самостоятельное действие, логически связанное с действием всего предложения, и эти обороты также имеют семантику обстоятельственных предложений времени, причины или придаточных условных предложений: *Al terminar la clase, los estudiantes salieron al patio* (следование);

б) герундий, который в связной конструкции относится к подлежащему предложения или дополнению сказуемого: *Mi hermano, viendo que este problema era difícil de resolver, contrató a un abogado* (следование); *El profesor sorprendió al estudiante copiando en el examen* (одновременность). В абсолютной конструкции герундий имеет собственное подлежащее, которое занимает по отношению к нему постпозицию: *Siendo su obligación el conocer la ley, su desconocimiento no le exime de responsabilidad* (одновременность) [там же: 93];

в) причастие, которое в связном причастном обороте служит определением одного из членов предложения: *El muchacho, cansado de esperar a su amigo, se fue a su casa* (следование). Самостоятельный причастный оборот имеет свой логический субъект, отличный от подлежащего всего предложения, а сказуемое выражено в нём причастием: *Terminada la manifestación, los participantes se dispersaron* (следование). Часто абсолютный причастный оборот употребляется с предлогами с темпоральным значением *después de* (после того как), *una vez* (как только), *apenas* (как только), *hasta* (до). [там же: 93].

Работ по категории таксиса на материале итальянского языка в русскоязычных сборниках крайне мало. Существуют немногочисленные исследования, где итальянский язык выступает материалом исследования таксиса наряду с другими, например, английским [Киселёва, Цулимова, 2019]. Среди статей, написанных на материале собственно итальянского языка, можно выделить статью К. Б. Гречаной о выражении таксиса посредством итальянского герундия [Гречаная 2012]. Исследователь приводит примеры использования двух существующих в итальянском языке видов герундия – настоящего и прошедшего времени *gerundio presente* и *gerundio passato*.

Герундий настоящего времени при сказуемом выступает как второй предикат, заменяя целое придаточное времени: *discutevamo camminando* = *discutevamo mentre camminavamo* (одновременность); *Lui e la moglie vengono verso di noi, attraversando il prato davanti alla casa di legno e pietra* [там же] (одновременность).

В силу своих аспектуальных значений герундий настоящего времени в основном передаёт значение одновременности, в то время как герундий прошедшего времени выражает разновременность: *Avendo ricevuto la lettera ha deciso di partire* [там же] (предшествование).

Герундий может существовать в составе герундиального оборота, относящегося к подлежащему, и также выражать таксисное значение: *Essendo senza soldi non possono comprare niente* (одновременность) [Гречаная 2012].

В отличие от исследований на материале испанского и французского языков, в изученных нами работах о категории таксиса в итальянском языке не рассматривается такое продуктивное средство актуализации таксиса, как девербатив. По определению И. В. Архиповой, которое суммирует представления различных зарубежных лингвистов, девербативы рассматриваются как отдельные отглагольные образования или номинализации с точки зрения их лексической, аспектуальной или словообразовательной семантики [Архипова 2017: 199]. Это образования, совмещающие в себе субстанциональные (предметные) и вербальные (глагольные) признаки – их акциональную семантику и аспектуальные свойства. Вербальные признаки девербативы наследуют от производящих их глаголов вместе с лексической и аспектуальной семантикой этих глаголов [Архипова 2020: 5], благодаря чему девербатив сохраняет предикативность и может служить для выражения целой ситуации.

В итальянском языке существует девербатив, который представляет собой субстантивированный инфинитив. Субстантивация происходит за счёт того, что перед инфинитивом ставится определённый артикль или другой детерминатив, при этом субстантивации может подвергаться не только единичный инфинитив, но и более длинное построение из инфинитива и зависимых от него слов, что даёт в итоге целое логическое существительное [Горячкин 2014: 136]: *Nel mondo di oggi, il non saper dialogare è un problema serio* [там же]. Как видим, здесь артикль стоит перед инфинитивом *sapere*, который имеет отрицательную частицу и зависимый от него глагол *dialogare*. Вся конструкция *il non saper dialogare* описывает целую ситуацию (люди не умеют общаться).

В сочетании с темпоральными предлогами такие девербативы выражают в итальянском языке те же таксисные значения, что существуют в других языках: *Wolfe... si allontanò, nell'attesa di recuperare il Maggiore e l'unità prima dello scadere del tempo* (предшествование) [Ngram]; *All'uscita restammo scherzosamente stupefatti nel trovare il carro ancora presente, completo di radio e di tutte e quattro le ruote* (одновременность) [Ngram]; *La prima ipotesi considerata è quella della continuazione della prestazione dopo lo scadere normale del contratto* (следование) [Ngram].

Как видим в приведённых примерах, девербативы в итальянском языке также могут актуализировать таксисные значения предшествования, одновременности и следования.

Заключение

Таким образом, помимо собственно глагольных времён, которые актуализируют таксисные значения в финитных глагольных формах, в передаче таксисных значений в романских языках (итальянском, испанском, французском) участвуют и нефинитные формы глагола: герундий, причастие, инфинитив. В итальянском языке широко распространены девербативы в виде субстантивированных инфинитивов. В сочетании с темпоральными предлогами девербативы выступают как продуктивный способ актуализации таксисных значений одновременности и разновременности (предшествования и следования).

Список литературы

1. Архипова И. В. Зависимый таксис немецкого языка: На примере высказываний с предложно-девербативными конструкциями : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 234 с.
2. Архипова И. В. Категория таксиса в лингвистике (на материале немецких высказываний с предложными девербативами) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 4. С. 196–205.
3. Архипова И. В. Функциональная нагрузка девербативов в разноструктурных языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 4–12.

4. Берницкая Н. В. Средства выражения зависимого таксиса: На материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1999. 212 с.
5. Берницкая Н. В. О критериях выделения зависимого и независимого таксиса // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. Кемерово, 1999. С. 15–17.
6. Бондарко А. В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-glagolnyh-kategoriy-v-sisteme-funktsionalnoy-grammatiki> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1987. 349 с.
8. Горячкин А. Р. Итальянский глагол. Неличные формы. Инфинитив, причастие, герундий. М. : Филоматис, 2014. 204 с.
9. Гречаная К. Б. Итальянский герундий как средство выражения зависимого таксиса // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 22-2. С. 198–199.
10. Донченко Е. В. Особенности выражения таксиса в сложных предложениях с атрибутивным придаточным во французском языке // Теоретические и практические аспекты лингвистики, методики преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации и литературоведения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов. Астрахань : Изд-во «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева», 2023. С. 37–42.
11. Донченко Е. В. Соотношение категории таксиса и согласования времен во французском и русском языках // Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения и методики : Материалы заочной научно-практической конференции. Астрахань : Изд-во «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева», 2018. С. 19–22.
12. Ивкина Е. Н. Таксис как временная анафора // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 104–109.
13. Ивкина Е. Н. Типологический аспект временной референции (на материале русского и испанского языков) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 21–28.
14. Киселёва А. В., Цулимова Ж. О. Особенности репрезентации категории таксиса в английском и итальянском языках // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования : Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 1. Пятигорск : Изд-во «Пятигорский государственный университет», 2019. С. 163–170.
15. Корди Е. Е. Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. С. 509–543.
16. Корди Е. Е. О способах выражения таксиса во французском языке // Исследования по языкознанию. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2001. С. 176–185.
17. Корди Е. Е. Таксис во французском языке // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. 912 с. С. 217–268.
18. Ляшенко Н. А., Склярова Н. Г., Николаева А. В., Симонова К. Н., Молчанова С. Е. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках : монография. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
19. Недялков В. П., Отаина Т. А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1987. С. 296–319.
20. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка) : Учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск : Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1990. 90 с.
21. Полянский С. М. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) // Сибирский лингвистический семинар. 2001. № 2. С. 34–47. URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> (дата обращения: 15.01.2024).
22. Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. 912 с.
23. Тирадо Р. Г. О категории таксиса в русском и испанском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016, № 1. С. 90–94.
24. Урсул К. В. Категория таксиса в структуре современного испанского языка // Вестник университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 30–34.
25. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.

Список источников

1. Google Books Ngram Viewer, корпус итальянского языка до 2019 г. <https://books.google.com/ngrams/>

References

1. Arkhipova I. V. Zavisimyi taksis nemetskogo yazyka: Na primere vyskazyvaniy s predlozhno-deverbativnymi konstruktsiyami [Dependent taxis of the German language: Using the example of utterances with prepositional-deverbative constructions]. PhD thesis. Novosibirsk, 1998, 234 p. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Kategoriya taksisa v lingvistike (na materiale nemetskikh vyskazyvaniy s predlozhnymi deverbativami) [The category of taxis in linguistics (based on German utterances with prepositional deverbatives)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University]. 2017, vol 7, no. 4, pp. 196-205. (In Russ.).
3. Arkhipova I. V. Funktsional'naya nagruzka deverbativov v raznostrukturykh yazykakh [Functional load of deverbatives in differently structured languages]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 3, pp. 4-12. (In Russ.).
4. Bernitskaya N. V. Sredstva vyrazheniya zavisimogo taksisa: Na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov [Means of expression of dependent taxis: Based on the material of French and Russian languages]. PhD thesis. Kemerovo, 1999. 212 p. (In Russ.).
5. Bernitskaya N. V. O kriteriyakh vydeleniya zavisimogo i nezavisimogo taksisa [On the criteria for distinguishing dependent and independent taxis]. *Etnogermenevtika: nekotorye podkhody k probleme* [Ethnohermeneutics: some approaches to the problem]. Kemerovo, 1999, pp. 15-17. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Analiz glagol'nykh kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki [Analysis of verbal categories in the system of functional grammar]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-glagolnyh-kategoriy-v-sisteme-funktsionalnoy-grammatiki> (accessed: 15.01.2024).
7. Bondarko A. V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1987 349 p, pp. 234-242. (In Russ.).
8. Goryachkin A. R. Ital'yanskii glagol. Nelichnye formy. Infinitiv, prichastie, gerundii [Italian verb. Non-personal forms. Infinitive, participle, gerund]. Moscow, Filomatis, 2014, 204 p. (In Russ.).
9. Grechanaya K. B. Ital'yanskii gerundii kak sredstvo vyrazheniya zavisimogo taksisa [Italian gerund as a means of expressing dependent taxis]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. 2012, no. 22-2, pp. 198-199. (In Russ.).
10. Donchenko E. V. Osobennosti vyrazheniya taksisa v slozhnykh predlozheniyakh s atributivnym pridatochnym vo frantsuzskom yazyke [Features of the expression of taxis in complex sentences with an attributive clause in French]. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty lingvistiki, metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov, mezhkul'turnoi kommunikatsii i literaturovedeniya* [Theoretical and practical aspects of linguistics, methods of teaching foreign languages, intercultural communication and literary criticism]. Astrakhan, 2023, pp. 37-42. (In Russ.).
11. Donchenko E. V. Sootnoshenie kategorii taksisa i soglasovaniya vremen vo frantsuzskom i russkom yazykakh [The relationship between the category of taxis and tense agreement in the French and Russian languages]. *Aktual'nye voprosy lingvistiki, literaturovedeniya i metodiki* [Current issues in linguistics, literary criticism and methodology]. Astrakhan, 2018, pp. 19-22. (In Russ.).
12. Ivkina E. N. Taksis kak vremennaya anafora [Taxis as a temporary anaphora]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]. 2009, pp. 104-109. (In Russ.).
13. Ivkina E. N. Tipologicheskii aspekt vremennoi referentsii (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov) [Typological aspect of temporal reference (based on the material of Russian and Spanish languages)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]. 2009, pp. 21-28. (In Russ.).
14. Kiseleva A. V., Tsulimova Zh. O. Osobennosti reprezentatsii kategorii taksisa v angliiskom i ital'yanskom yazykakh [Features of the representation of the category taxis in English and Italian languages]. *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya* [Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education]. Part 1, Pyatigorsk, Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet, 2019, pp. 163-170. (In Russ.).
15. Kordi E. E. Mental'nye glagoly: valentnostnyi taksis (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Mental verbs: valence taxis (based on the French language)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. 16.2, pp. 509-543. (In Russ.).

16. Kordi E. E. O sposobakh vyrazheniya taksisa vo frantsuzskom yazyke [On ways of expressing taxis in French]. *Issledovaniya po yazykoznaniiu* [Research in linguistics]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-peterburgskogo universiteta, 2001, pp. 176-185. (In Russ.).

17. Kordi E. E. Taksis vo frantsuzskom yazyke [Taxis in French]. *Tipologiya taksisnykh konstruktssii* [Typology of taxi structures]. Rep. ed. V. S. Khrakovskiy. Moscow, Znak, 2009, pp. 217-268. (In Russ.).

18. Lyashenko N. A., Sklyarova N. G., Nikolaeva A. V., Simonova K. N., Molchanova S. E. Funktsional'no-semanticheskoe pole taksisa v angliiskom yazyke [Functional-semantic field of taxis in English]. *Funktsional'no-semanticheskie polya raznykh tipov v angliiskom i russkom yazykakh* [Functional-semantic fields of different types in English and Russian languages]. Rostov-na-Donu, Fond nauki i obrazovaniya, 2019, pp. 101-129. (In Russ.).

19. Nedyalkov V. P., Otaina T. A. Tipologicheskie i sopostavitel'nye aspekty analiza zavisimogo taksisa (na materiale nivkhsogo yazyka v sopostavlenii s russkim) [Typological and comparative aspects of the analysis of dependent taxis (based on the material of the Nivkh language in comparison with Russian)]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, Nauka, 1987, pp. 296-319. (In Russ.).

20. Polyanskii S. M. Osnovy funktsional'no-semanticheskogo analiza kategorii taksisa (na materiale nemetskogo yazyka) [Fundamentals of functional-semantic analysis of the category of taxis (based on the material of the German language)]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1990, 90 p. (In Russ.).

21. Polyanskii S. M. Taksis - otnositel'noe vremya - evidentsial'nost' (k probleme kriteriev razgraniicheniya) [Taxis – relative time – evidentiality (to the problem of delimitation criteria)]. *Sibirskii lingvisticheskii seminar* [Siberian linguistic seminar]. 2001, no. 2, pp. 34-47. (In Russ.). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> (accessed: 15.01.2024).

22. *Tipologiya taksisnykh konstruktssii* [Typology of taxi structures]. Rep. ed. V. S. Khrakovskiy. Moscow, Znak, 2009, 912 p. (In Russ.).

23. Tirado R. G. O kategorii taksisa v russkom i ispanskom yazykakh [About the category of taxis in Russian and Spanish]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current problems of philology and pedagogical linguistics]. 2016, no. 1, pp. 90-94. (In Russ.).

24. Ursul K. V. Kategoriya taksisa v strukture sovremennogo ispanskogo yazyka [Category taxi in the structure of modern Spanish]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. No. 1, 2015, pp. 30-34. (In Russ.).

25. Khrakovskii V. S. Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika) [Taxis category (general characteristics)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 2003, no. 2, pp. 32-54. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Ю. Ивонина – старший преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный научно-исследовательский университет.

Information about the author

M. Yu. Ivonina – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 12.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Научная статья
УДК 81'32

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕКСЕМ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ

Ирина Николаевна Ивашкевич

Международный университет МИТСО, Минск, Беларусь, ivash@tut.by

Аннотация. Поворот к семантическим проблемам, долгое время скрытых под пластом структуралистских, генеративистских и других описаний языковых явлений, где изучение содержательной стороны языка было предано забвению, обозначил новые направления в исследовании «феномена значения во всей его сложности». Речь идет о когнитивном подходе к изучению языка, который предполагает не столько исследование объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языковой семантике, то есть изучение языка через призму основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации. В рамках когнитивного подхода центром научного поиска становится описание содержательного аспекта языковых явлений, как результата ментальной деятельности человека, так и моделирование структуры лексического значения, в которой репрезентированы познавательные процессы категоризации и концептуализации окружающего мира. Изучение семантики языковых единиц, в которых отражены общие когнитивные механизмы восприятия окружающего мира, объяснение их функционирования, а также выявление роли языка для описания процессов познавательной и социальной деятельности человека, по-прежнему находятся в фокусе пристального исследовательского внимания ученых. Настоящая статья посвящена изучению роли и места перцептивных, пространственных и других характеристик, которые являются «когнитивными параметрами» концептуальной модели семантических отношений в тематической области природного пространства в их различной комбинаторике и объеме в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых явлений. Данные характеристики непосредственно входят в исходное лексическое значение наименований природных реалий и составляют «когнитивный генезис» опытного знания об английском природном пространстве.

Ключевые слова: когнитивный, перцептивный, пространственный, признак, знание, семантика, природное пространство

Для цитирования: Ивашкевич И. Н. Лингвокогнитивные основания лексем с пространственной семантикой // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 83–89.

Original article

LINGUISTIC-COGNITIVE FOUNDATIONS OF LEXEMES WITH SPATIAL SEMANTICS

Irina N. Ivashkevich

International University MITSO, Minsk, Belarus, Ivash@tut.by

Abstract. The turn to semantic problems, which for a long time were hidden under the layer of structuralist, generativistic and other descriptions of linguistic phenomena, where the study of the content side of language was forgotten, marked new directions in the study of the "phenomenon of meaning in all its complexity." We are talking about a cognitive approach to language learning, which involves not so much the study of the objective characteristics of its units and categories, as the ways of human perception of the world presented in linguistic semantics, that is, language learning through the prism of basic cognitive processes – conceptualization and categorization. Within the framework of the cognitive approach, the center of scientific research is the description of the meaningful aspect of linguistic phenomena, as a result of human mental activity, and modeling of the structure of lexical meaning, in which the cognitive processes of

categorization and conceptualization of the surrounding world are represented. The study of the semantics of linguistic units, which reflect the general cognitive mechanisms of perception of the surrounding world, the explanation of their functioning, as well as the identification of the role of language to describe the processes of cognitive and social activity of a person, are still in the focus of close research attention of scientists. The present article is devoted to the study of the role and place of perceptual, spatial and other characteristics that are "cognitive parameters" of the conceptual model of semantic relations in the thematic area of natural spaces in their various combinatorics and scope within the framework of the cognitive-discursive approach to the analysis of linguistic phenomena. These characteristics are directly included in the initial lexical meaning of the names of natural objects and constitute the "cognitive genesis" of the experiential knowledge of English natural space.

Keywords: cognitive, perceptual, spatial, feature, knowledge, semantics, natural space

For citation: Ivashkevich I. N. Linguistic-cognitive foundations of lexemes with spatial semantics. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:83-89. (In Russ.).

Введение

Поворот к семантическим проблемам, долгое время скрытых под пластом структуралистских, генеративистских и других описаний языковых явлений, где изучение содержательной стороны языка было предано забвению, обозначил новые направления в исследовании «феномена значения во всей его сложности». Речь идёт о когнитивном подходе к изучению языка, который «предполагает не столько исследование объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языковой семантике, то есть изучение языка через призму основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации» [Болдырев 2016:36].

Научные работы в этом направлении связаны в первую очередь с изучением когнитивной функции языка во всех ее проявлениях. При этом особое внимание учёные уделяют моделированию связей между языковыми единицами и категориями знания и опыта человека, которые составляют концептуальную картину мира.

«Перед лингвистами встала актуальная и сложная задача выявления семантических моделей, организующих концептуальное пространство лексикона и включающих в качестве своих составляющих самые важные знания о мире, полученные в результате активного взаимодействия человека с окружающей действительностью» [Харитончик 2019: 24].

Основная часть

В рамках когнитивного подхода центром научного поиска становится описание содержательного аспекта языковых явлений, как результата ментальной деятельности человека, так и моделирование структуры лексического значения, в которой репрезентированы познавательные процессы категоризации и концептуализации окружающего мира. Среди многочисленных работ в этом научном направлении (см. работы Н. Н. Болдырева (2011, 2016), Е. С. Кубряковой (2004) и многих других), отметим научно-педагогическую школу лексической семантики, возглавляемую доктором филологических наук, профессором Минского государственного лингвистического университета З. А. Харитончик.

Основные исследования в рамках данной научной школы связаны с изучением таких научных тем, как глубинные смыслы языковых единиц, в которых представлены лингвистические и когнитивные основания семантики лексем, а также работы, которые направлены на выявление взаимосвязи между семантическими и функциональными свойствами единиц естественных языков. Основная задача семантического анализа в научных исследованиях белорусской школы представлена в аспекте исчисления семантических компонентов, определения их природы и принципов семиотического выбора, что создает перспективы для разработки моделей разного рода лексических объединений, а также для определения статуса лексического значения как готового к употреблению комплекса семантических компонентов, или же комплекса, собираемого из автономных семантических компонентов в процессе речепроизводства (см. работы [Харитончик 2011, 2015, 2019 и другие]).

Приоритетным направлением когнитивных работ является изучение основополагающих категорий, одной из которых, бесспорно, является ПРОСТРАНСТВО, с концептуализации которого начались активные изыскания в когнитивной науке. Описанию пространственных отношений в языке «посвящено множество работ лингвистов самых

разных направлений, но она продолжает привлекать внимание в силу особой важности пространственных категорий для человеческого мышления и восприятия действительности» [Плунгян 2002]. Мы продолжаем изучение определенного фрагмента онтологической категории ПРОСТРАНСТВО на материале лексем, в семантике наименований которых заключён пространственный компонент (английские природные пространства). Цель настоящей статьи – выявить лингвокогнитивные основания данных лексем, которые представляют собой «организованную классификацию человеческого опыта». Хотя понятие пространство выступает как связанное с телесным и довольно простым опытом человека, за ним стоит далеко не простая структура знания [Кубрякова 2004:480].

Концептуальный анализ лексем с пространственным значением позволил выявить определённую систему, которая представлена набором признаков, свойств и оценок, формирующих определённую когнитивную модель организации английских природных объектов. Данная модель включает перцептивные, пространственные, темпоральные, локальные, эмоционально-оценочные, функциональные и другие признаки в их различных комбинациях и объёме. Эта первичная интерпретация (термин Н. Н. Болдырева) знаний о существовании природных объектов в пространстве в значении исходных форм способствует выявлению специфики репрезентации коллективного опыта и знаний английского социума, представленных в языке.

В ходе концептуального анализа установлено, что наиболее репрезентативно в значении имён английских природных реалий представлены две группы признаков – перцептивные и пространственные. Зарубежные исследователи отмечают взаимосвязь перцептивных и пространственных признаков, постулируя, что большое количество источников знаний, таких как зрение, слух, осязание, обоняние и кинестезия, вносят свой вклад в создание ментальных репрезентаций пространства (см., например, [Herskovits 1986, 1997; Jackendoff 1992, 1997; Levinson 2003;] и др.).

Хотя описываемые признаки имеют визуальную природу, тем не менее, мы рассматриваем перцептивные свойства предметов как ингерентные, то есть внутренне присущие соответствующим объектам окружающего нас мира (форма, размер, цвет, тактильные свойства, звук, вкус и запах). Пространственные же признаки типа ‘близко-далеко’, ‘вниз-вверх’, ‘спереди’-‘сзади’ и т. д. фиксируют релятивные свойства предметов, иными словами, характеристики, вербализующие пространственное положение одних объектов относительно других объектов, либо их положение относительно наблюдателя, поэтому они отмечены особой усложнённостью.

Отметим значимую роль перцептивных и пространственных характеристик, которые являются «когнитивными параметрами» концептуальной модели семантических отношений в описываемой области знания. Они непосредственно входят в лексическое значение наименований природных реалий и составляют «когнитивный генезис» опытного знания о природном пространстве. Использование элементов междисциплинарного подхода при изучении семантики лексем с пространственным значением путём постоянного соотнесения изучаемых языковых форм со структурами человеческого знания и обработкой процессов восприятия мира, позволили установить роль и место описываемых признаков и их конфигураций в значении имен с пространственным значением. Они различаются как по своей природе, так и семантическому объёму.

Рассмотрим совокупность перцептивных признаков (1), указывающих на физические свойства английских природных объектов, и отражающих первичный уровень знания, связанного с субъективным восприятием окружающего мира (даны в порядке их количественной представленности в значении описываемых лексем в сокращённом виде).

1.1. Визуально-воспринимаемый параметр размера. Протяжённость по вертикали и горизонтали дает возможность сравнивать предметы по параметру величина, которая характеризуют, прежде всего, РАЗМЕРЫ. Имена существительные, обозначающие природные объекты, отличаются, прежде всего, РАЗМЕРНОСТЬЮ. Посредством бинарной оппозиции (*large vs. small; high vs. low; long vs. short* etc.) можно выделить следующую типологию земного пространства: возвышенности (*hill ‘an area of land that is higher than the land around it, but not as high as a mountain’*), ровные участки поверхности (*plain ‘a large area of flat land’*) и углубления: *canyon ‘a deep narrow valley with steep sides and often with a stream flowing through it’* etc.). Напомним, что параметр размера может нести информацию о взаимном расположении нескольких объектов (расстояние); об ориентации объектов с

позиции наблюдателя (которая проявляется, например, в известных соотношениях между длиной, высотой и толщиной физических тел в наивной геометрии) (см. подробнее [Рябцева 2000:109]). Перцептивные характеристики размера как зрительно-воспринимаемые свойства предметов, можно назвать «признаками высокой точности», поскольку они являются релевантными для идентификации объектов в физическом пространстве.

1.2. Перцептивный признак ФОРМА как «основополагающее экзистенциальное свойство материальных тел» является релевантным для наименований как земной, так и водной поверхности (изгибы речного русла в структуре водных потоков, ровные/неровные очертания горных хребтов, холмов и другие). Наиболее полно в семантике описываемых имен репрезентированы геометрические подобиия или негеометрические виды форм, которые фиксируются английским языковым сознанием в результате уподобления разнообразным предметам и явлениям окружающей действительности и имеют в своей основе реальное сходство с геометрическими фигурами: *pear-shaped, diamond-shaped, cone-shaped, star-shaped, almond-shaped etc. (barchan 'a crescent-shaped shifting sand dune')*. Идентификация объекта, по мнению ученых, зависит в большей степени от восприятия формы. Вариативность признаков по размеру, яркости, цвету или местоположению также важны, но основным фактором является форма [Miller, Johnson-Laird 1976:2 14]. Перечисляя основные виды конкретных объектов, Н. Д. Арутюнова упоминает и природные реалии, указывая на особую роль формы в членении реальной действительности: «Есть вещи, обособленные самой природой: живые существа, небесные тела, отпадающие или “висящие на ниточке” предметы (плоды, листья и т. п.). Изначальной отдельностью обладают артефакты и их детали <...>. Географический континуум членится по своей конфигурации: гора, холм, пригорок, долина и прочее [Арутюнова 1999: 16].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в процессах концептуализации мира перцептивные категории (размер, форма и другие) являются теми важнейшими салиентными маркерами, на основе которых производится выделение информативного содержания в семантике языкового знака и по которым субъект может осуществлять собственно операции сравнения, идентификации, установления сходства и различия и, в конечном итоге, отнесение объектов к тому или иному классу, то есть их языковую категоризацию. В интерпретации ученых, данные перцептивные категории отражают количественные оценки объектов реального мира, свидетельствуя о дискретном восприятии человеком реального физического пространства.

1.3. Перцептивный признак ОСЯЗАНИЕ не столь репрезентативен в семантике природных реалий, как визуальные признаки размера и формы. В основном в значении имен вербализована дихотомия тактильных признаков – ‘твердость vs мягкость’, а также признак ‘влажность’, используемые для описания степени заболоченности мест и болотных почв (*quagmire 'an area of soft wet ground'*). К характеристикам природных объектов, которые воспринимаются осязанием, относятся также свойства структуры поверхности природных объектов (веществ, из которых состоит физическое тело): *tor 'a high craggy hill' (=rocky); downland 'rolling upland, esp in the chalk areas of S Britain' (chalk is a type of soft white rock etc.)*. В интерпретации специалистов, никакая другая модальность, кроме осязания, не специализирована для отражения собственно физических характеристик предметного мира. Зрение строит геометрический гештальт, слух – хронометрический гештальт, вкус и обоняние являются сенсорными уровнями психического отражения. Только осязание строит физический гештальт [Шехтер 1981].

1.4. Звуковое восприятие природных пространств, которое «дифференцировано по отношению к источнику», представлено, в первую очередь, звуками водных объектов, воспринимаемых человеком (бьющиеся о берег волны, шум морского прибоя или стремительного движения рек, звуки падающих водопадов, водных потоков, их частей). *I could hear the murmur of the sea (a 'murmur is a continuous low sound, like the noise of a river or of voices far away); lapping water of the great river (lapping 'a gentle sound of water')* и т. д.

1.5. Перцептивные признаки цвета и вкуса в семантике природных реалий образуют периферийную зону. Так, перцептивный признак ЦВЕТ (в основном, это ахроматические цвета), отражен в основном в значении наименований волн. Ср.: *breaker a large wave covered with white bubbles that is moving towards land*. Незначительно представленные в семантике исходных природных реалий, признаки цвета (также как и признаки вкуса и запаха) раскрывают семантический потенциал этих лексических единиц в функциональном аспекте.

Ср.: ...road rolled over a hill and curled down among flesh-pink dunes. At the back window, the oaks and the steep brown hill looked wonderfully romantic in the deluge. The islet features shallow, turquoise water with beautiful white and pink beaches. There is woodland and cliff, and part of the outline of Euboea across a blue strait [BNC].

1.6 Вкусное восприятие отмечено в значении названий отдельных водных пространств (*the sea is the salty water that covers about three-quarters of the Earth's surface*). Ср. Лексика, относящаяся к результатам незрительного восприятия, сравнительно бедна. Ее богатство непостоянно, оно взято взаймы у конкретной лексики – более всего у имен естественных реалий (например, вкус клубники). В такого рода обозначениях, не преодолевших этапа сравнения, отражается семантическая диффузность наименований [Арутюнова 1988: 215].

2. Пространственные признаки составляет отдельный компонент значений английских природных реалий. Одним из важнейших когнитивных параметров в репрезентации пространственных отношений, которые, по оценке исследователей, актуализирует либо местоположение объекта в пространстве (*what-system*), либо направление движения объекта в пространстве (*where-system*), является пространственный признак ЛОКАТИВНОСТЬ. Он находит свое языковое воплощение в виде разноуровневых лексических и лексико-грамматических средств английского языка и представлен различными пространственными индикаторами, в первую очередь, это предлоги и наречия. Ср.: *channel 'a strait or narrow sea between two close landmasses'*. Данный признак также находит свое отражение в семантике большой группы так называемых партонимов (или меронимов), номинируя части природных пространств. Ср.: *summit 'the top of a mountain'*. «В категории пространственной локализации стыкуются событийные сферы реальной действительности и многообразие параметрических характеристик предметов, которые своеобразно преломляются в языке и образуют один из важнейших аспектов языковой картины мира...» [Апресян 1963: 119].

Восприятие пространства включает восприятие расстояния, отрезок пути, протяжение в длину, взаимное расположение нескольких объектов, а также направления, в котором они находятся (*stretch 'a continuous area or expanse of land or water'*; *remote (of a place) situated far from the main centres of population*. *In the gloom across the vast expanse of sand the distant hills awaited the daylight*. Пространственный признак ГРАНИЦА является одним из важнейших когнитивных параметров для целей категоризации и дискретизации пространства, который фиксирует некоторые пределы существования природных объектов в пространстве. Данный параметр представлен в семантике природных реалий следующими бинарными оппозициями: 'открытость vs. закрытость границ', 'фиксированность vs. размытость' границ, полная закрытость/замкнутость vs. частичная замкнутость. Ср. *peninsula 'an area of land that is almost surrounded by water'*; *wadi 'a shallow usually sharply defined depression in a desert region'* etc. Функциональный признак в семантической структуре природных реалий не является релевантным и «не подавляет» остальных характеристик. Это объясняется тем, что естественные реалии распределены по категориям не по своей утилитарной ценности для человека, а по совокупности видовых черт. Функциональный признак играет незначительную роль в их идентификации, осуществляемой в ситуации эмпирического знакомства на основе обобщённого образа, стереотипа класса [Арутюнова 1988:208].

Заключение

Таким образом, чувственно-воспринимаемые данные о природном пространстве трансформируются в структурированную иерархическую систему в языковом сознании носителей английского языка. Концептуальными основаниями формирования описываемых лексем являются перцептивные и пространственные характеристики, признаки *граница*, *локативность*, *движение*, *место* и т. д., которые являются релевантными «квантами знаний» о существовании английских природных реалий в пространстве.

Следует подчеркнуть, что в парадигматическом освещении лексемы с пространственной семантикой имеют разный объем и конфигурацию признаков по сравнению с их речевой реализацией. «Каждое слово репрезентирует лишь часть концептуальных характеристик, значимых для коммуникации. В то же время за счёт этих характеристик слово включает данный концепт в мыслительную деятельность, обеспечивает к нему доступ, в результате чего могут быть активированы и другие концептуальные характеристики (скрытые, вероятностные, ассоциативные – то, что получило название инференции, выводного знания), которые этим словом непосредственно не передаются» [Болдырев 2001: 35].

Дальнейшее изучение этих концептуальных характеристик – перспективное направление в когнитивной семантике, которая соотносит языковой материал с когнитивными процессами концептуализации и категоризации человеческого опыта.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значения и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики 1963 : Сборник статей / АН СССР. Институт русского языка; отв. ред. С. К. Шаумян. М. : Издательство АН СССР, 1963. С. 191–201.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1988. 338 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Болдырев Н. Н. Курс лекций по английской филологии. 2-е изд., стер. Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
5. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 35–48.
6. Ивашкевич И. Н. Геометрическая vs. негеометрическая форма как концептуальная основа семантики природных объектов // Евразийский вестник гуманитарных исследований, 2016. С. 56–60.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 554 с.
8. Плунгян В. А. Предисловие // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М. : ООО «Русские словари» 2002, 340 с.
9. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000, С. 108–116.
10. Харитончик З. А. Концептуальная сущность, структура и динамика лексического значения в семасиологической концепции М. В. Никитина // *Studia Linguistica*. XX. Язык в логике времени; наследие, традиции, перспективы : Сб. науч. трудов, РГГУ им. А. И. Герцена. СПб. : Политехника-сервис, 2011. С. 29–40.
11. Харитончик, З. А. В поисках сущности имен. Избранное : Сборник научных статей. Минск : МГЛУ, 2015. 252 с.
12. Харитончик З. А. Семантические модели и их экспликация во внутренней форме и значении лексических единиц // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 18–19 апреля 2019 г. В 5 ч. Минск : МГЛУ, 2019. Ч. 3. С. 24–26.
13. Шехтер М. С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. М. : Педагогика, 1981. 264 с.
14. Miller G. A., Johnson-Laird P. N. *Language and perception*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 760 p.
15. BNC British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 09.09.2023).
16. Collins online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 05.01.2023).
17. Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.01.2023).

References

1. Apresyan Yu. D. *Sovremennye metody izucheniya znacheniya i nekotorye problemy strukturnoi lingvistiki* [Modern methods of studying meaning and some problems of structural linguistics]. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1963* [Problems of structural linguistics 1963]. Institut russkogo yazyka, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, pp. 191-201 p. (In Russ.).
2. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings. Assessment, event, fact]. Rep. ed. G. V. Stepanov. AN SSSR, Institut yazykoznaneya, Moscow, Nauka, 1988, 338 p. (In Russ.).
3. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1999, 896 p. (In Russ.).
4. Boldyrev, N. N. *Kurs lektzii po angliiskoi filologii* [Course of lectures on English philology]. 2th ed., Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta, 2001, 123 p. (In Russ.).
5. Boldyrev N. N. *Yazyk i struktura soznaniya* [Language and the structure of consciousness]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language research]. 2016, iss. 24, pp. 35-48. (In Russ.).
6. Ivashkevich I. N. *Geometricheskaya vs. negeometricheskaya forma kak kontseptual'naya osnova semantiki prirodnykh ob'ektov* [Geometric vs. non-geometric form as a conceptual basis for the semantics of natural objects]. *Evrazijskij vestnik gumanitarnykh issledovanij* [Eurasian Journal of Humanitarian Research]. 2016, pp. 56-60. (In Russ.).

7. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Rossijskaja akademija nauk. Institut jazykoznanija. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004, 554 p. (In Russ.).

8. Plungyan V. A. Predislovie [Preface]. *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Research on the theory of grammar]. Iss. 2, Moscow, Russkie slovari, 2002, 340 p. (In Russ.).

9. Ryabtseva N. K. Razmer i kolichestvo v yazykovoj kartine mira [Size and quantity in the linguistic picture of the world]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow, 2000, pp. 108-116. (In Russ.).

10. Kharitonchik Z. A. Kontseptual'naya sushchnost', struktura i dinamika leksicheskogo znacheniya v semasiologicheskoi kontseptsii M. V. Nikitina [Conceptual essence, structure and dynamics of lexical meaning in the semasiological concept of M. V. Nikitin]. *Studia Linguistica. KhKh. Yazyk v logike vremeni; nasledie, traditsii, perspektivy* [Linguistics Studio. Xx. Language in the logic of time; heritage, traditions, prospects]. Sankt-Peterburg, Politehnika-servis, 2011, pp. 29-40. (In Russ.).

11. Kharitonchik, Z. A. V poiskakh sushchnosti imen. Izbrannoe [In search of the essence of names. Favorites]. Minsk, MGLU, 2015, 252 p. (In Russ.).

12. Kharitonchik Z. A. Semanticheskie modeli i ikh eksplikatsiya vo vnutrennei forme i znachenii leksicheskikh edinit [Semantic models and their explication in the internal form and meaning of lexical units]. *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov universiteta* [Proceedings of the annual scientific conference of university teachers and graduate students]. Minsk, MGLU, 2019, part 3, pp. 24-26. (In Russ.).

13. Shekhter M. S. Zritel'noe opoznanie: Zakonomernosti i mekhanizmy [Visual recognition: Patterns and mechanisms]. Moscow, Pedagogika, 1981, 264 p. (In Russ.).

14. Miller G. A., Johnson-Laird P. N. Language and perception. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 760 p.

15. BNC British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 09.09.2023).

16. Collins online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 05.01.2023).

17. Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.01.2023).

Информация об авторе

И. Н. Ивашкевич – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций,
Международный университет МИТСО.

Information about the author

I. N. Ivashkevich – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Department of Foreign Languages and Intercultural Communications,
International University MITSO.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Научная статья
УДК 81'38

ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Яна Алексеевна Фомичева¹, Хеда Идрисовна Зармаева²,
Екатерина Константиновна Шашина³

^{1,2,3} МАОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских», Пермь, Россия

¹ yana-antonova-1999@mail.ru

² zarmaeva@yandex.ru

³ kate.shashina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются политкорректные эвфемизмы как средство снижения речевой агрессии. Эвфемизм – способ выражения более политкорректной формы слова в английском языке, замена грубых или оскорбительных слов и выражений на более нейтральный вариант. Политическая корректность чаще всего встречается на лексическом уровне. Исходя из этого, политкорректные эвфемизмы могут служить средством снижения речевой агрессии, поскольку являются заменой негативно окрашенных слов на более нейтральные. В сфере языка политкорректность находит своё выражение в поиске новых нейтральных номинаций, с целью не задеть чувства и достоинства личности, не ущемлять ее индивидуальные качества прямолинейностью в отношении половой и расовой принадлежности, состояния здоровья, внешнего вида, возраста и социального статуса. Авторы приводят и анализируют примеры политкорректных эвфемизмов в английском, французском и немецком языках.

Ключевые слова: политкорректность, речевая агрессия, эвфемизмы, политкорректные эвфемизмы, английский язык, французский язык, немецкий язык.

Для цитирования: Фомичева Я. А., Зармаева Х. И., Шашина Е. К. Политкорректные эвфемизмы как средство снижения речевой агрессии // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 90–95.

Original article

POLITICALLY CORRECT EUPHEMISM AS A MEANS OF REDUCING HATE SPEECH

Yana A. Fomicheva¹, Hed I. Zarmaeva², Ekaterina K. Shashina³

^{1,2,3} MAOU "Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers", Perm, Russia

¹ yana-antonova-1999@mail.ru

² k.zarmaeva@yandex.ru

³ kate.shashina@mail.ru

Abstract. The article examines politically correct euphemisms as a means of reducing verbal aggression. Euphemism is a way of expressing a more politically correct form of a word in the English language, replacing rude or offensive words and expressions with a more neutral version. Political correctness is most often found at the lexical level. Based on this, politically correct euphemisms can serve as a means of reducing speech aggression, since they replace negatively colored words with more neutral ones. In the field of language, political correctness finds expression in the search for new neutral nominations, in order not to offend the feelings and dignity of the individual, not to infringe on her individual qualities by being straightforward about gender and race, health status, appearance, age and social status. The authors provide and analyze examples of politically correct euphemisms in English, French and German.

Keywords: political correctness, hate speech, euphemisms, politically correct euphemisms, English, French, German.

For citation: Fomicheva Ya. A., Zarmaeva H. I., Shashina E. K. Politically correct euphemism as a means of reducing hate speech. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:90-95. (In Russ.).

Введение

В современном мире «язык вражды» продолжает непрерывно развиваться, а значит приводит к негативным последствиям [Василенко 2020; Герасимова 2020; Гашпоренко 2019; Михеева 2019; Новоселова 2020; Тарасова 2020; Шинкевич 2019]. «Язык вражды – это слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют людей на агрессию, являются ее пусковым механизмом» [Щербинина 2012: 172].

Противоположным феноменом «языка вражды» является политкорректность. Е. П. Вишнякова определяет политкорректность как «современное явление, находящее свое отражение практически во всех сферах жизни общества, набирающее динамику в развитии и предоставляющее ценный материал для лингвистических исследований» [Вишнякова 2023: 56–57]. «Политическая культура общества играет важную роль в формировании этих явлений. «Язык вражды» может привести к конфликтам, напряженной обстановке в обществе, в то время как политкорректность, наоборот, является инструментом стабилизации» [Фомичева, Шустова 2023: 148–149].

Основная часть

«Эвфемизм – способ выражения более политкорректной формы слова в английском языке, замена грубых или оскорбительных слов и выражений на более нейтральный вариант. Эвфемизмы являются результатом лексических табу, обусловленных различными стереотипами, суевериями и религиозными верованиями на использование названий для конкретных объектов и явлений в жизни, что требует других средств выражения» [Бекетова, Карапетова 2022: 20].

«Следует отметить, что политкорректные эвфемизмы могут «выполнять следующие функции: 1) смягчение резкого и неприятного как для адресанта, так и для адресата; данная функция осуществляется посредством оценки адресантом (адресатом) слов и выражений, прямое обозначение которых понимается им как нечто грубое и неприличное; 2) выражение политкорректности; 3) сокрытие реальности; данная функция реализуется при помощи подбора адресантом выражений, которые не просто смягчают или скрашивают неуместные слова или выражения, а маскируют смысл явления» [Фомичева, Шустова 2023: 14].

Рассмотрим политкорректные эвфемизмы в английском языке. Так, например, неполиткорректное слово *poor* (*бедные*) могут заменять следующие слова и словосочетания: *disadvantaged* (*лишенные возможностей*) – *economically disadvantaged* (*экономически незащищенные*); *poorness* (*бедность*) – *low-income* (*низкие доходы*): «*Children from low-income families in US more likely to miss school for health reasons*» [The Guardian]. [В США дети из семей с низкими доходами чаще пропускают школу по состоянию здоровья] (Перевод наш). В статье рассказывается о том, что дети из малообеспеченных семей чаще пропускают школу по состоянию здоровья. Сложившаяся ситуация становится проблемой для борьбы со систематическими прогулами после пандемии. Исследование также указывает на рост числа детей, пропускающих школу из-за насилия, что вызывает беспокойство у специалистов. *Low-income – earning less money than most people; for or relating to people who earn less money than most people* [CD]. В данном контексте значение лексемы совпадает. Эвфемизм *low-income* выполняет функцию смягчения реального положения дел. Слова *invalid* и *disabled* в английском языке заменяются на следующие: *differently-abled* (*с разными возможностями*) или *physically challenged* (*физическими недостатками*). В приведенном ниже примере словосочетание *kids with special needs* (*дети с особыми потребностями*) заменяет словосочетание *disruptive children* (*трудные дети*) «*Back in the real world, the local manifestations of a national educational catastrophe are all too clear. Just over two years ago, an independent report found that Suffolk’s services for kids with special educational needs (Sen) were so poor that the council was forced to apologise*» [The Guardian]. [В реальном мире локальные проявления национальной образовательной катастрофы слишком очевидны. Чуть более двух лет назад независимый отчет показал, что услуги Саффолка для детей с особыми образовательными потребностями (ОБП) были настолько

неудовлетворительными, что совет был вынужден принести свои извинения] (Перевод наш). В статье рассказывается о борьбе отца Стивена Райта за образование для своего сына, страдающего от пограничного расстройства аутистического спектра, вызванного употреблением алкоголя матерью во время беременности. Отец борется за социальную поддержку для своего сына, но сталкивается с недостатком помощи со стороны местных властей и препятствиями в получении качественного образования для ребенка. Статья также критикует отношение правительства к родителям детей с особыми потребностями к образованию, подчеркивая проблемы в данной системе в Англии.

Перейдём к рассмотрению примеров политкорректных эвфемизмов во французском языке. 31 октября 2023 года на станции Парижского метро полицейские открыли огонь по женщине, которая призывала к террористическим действиям. Как сообщает телеканал BFMTV, женщина оказывала сопротивление сотрудникам полиции и угрожала взорвать себя. Представитель полиции Аксель Ронд заявляет: «*La police a ouvert le feu sur une femme en gare de Bibliothèque François-Mitterrand à Paris. La personne était extrêmement déterminée à passer à l'action et vu la détermination, mes collègues n'ont pas eu d'autres choix, pour éviter d'être touchés par une explosion, que de la neutraliser*» [BFMTV] [Полицейские открыли огонь по женщине, которая угрожала взорвать себя на платформе станции метро «Библиотека Франсуа Миттеррана». Она была полна решимости, и поэтому у моих коллег не было другого выбора кроме как обезвредить ее во избежание взрыва] (Перевод наш). В данном контексте мы выявили эвфемистическое словосочетание, выраженное метафорой *ouvrir le feu* – *открыть огонь*, которое использует сотрудник полиции. Данный эвфемизм используется для смягчения негативной окраски глагола *tirer* – *стрелять*. Семантика *ouvrir le feu* включает следующие компоненты: Ouvrir le feu – commencer à tirer avec des armes à feu; Prendre la parole le premier dans une discussion [LLF]; commencer à tirer, à parler [LIn]; commencer à tirer ; commencer à parler; commencer à tirer avec des armes à feu ; prendre la parole le premier dans une discussion [ExP]. Во всех словарях представлено значение *начинать стрельбу (commencer à tirer)*, *начинать говорить (commencer à parler)* [LLF; LIn; ExP]. В представленном контексте эвфемизм означает *начинать стрельбу (commencer à parler)*.

В следующем контексте представлен эвфемизм, предназначенный для смягчения действий, направленных против политической власти. В последнее время во Франции проходит целая волна массовых демонстраций на фоне недовольства работников сельскохозяйственной отрасли падением доходов из-за инфляции. Фермеры выступают за упрощение регулирования сельского хозяйства. В знак протеста они, при помощи тракторов, блокируют автодороги, проводят манифестации перед зданиями государственных органов. Во избежание возникновения еще больших конфликтов и напряжённости, во французских газетах можно часто увидеть существительное «mobilisation» в значении «противостояние» вместо слов *grève* – *забастовка* или *révolte* – *бунт, восстание*: *A plusieurs endroits, les signes de la fin de la mobilisation se multiplient, après l'appel des Jeunes Agriculteurs (JA) et de la Fédération nationale des syndicats d'exploitants agricoles (FNSEA) à lever les barrages, jeudi* [LeFigaro] [После обращения к Молодым фермерам (МФ) и Национальной федерации профсоюзов фермеров (НФПФ) убрать ограждения признаки окончания противостояния лишь растут во многих точках страны] (Перевод наш).

Mobilisation – un appel sur le pied de guerre d'une composante ou de l'ensemble des forces armées d'un pays ainsi que de personnes aptes à porter les armes [LIn]; procédure par laquelle des biens sont rendus disponibles pour une action judiciaire; processus d'activation des forces armées en préparation d'un conflit; mise en action ou en mouvement dans le but d'atteindre un objectif spécifique [LLF]; opération qui a pour but de mettre une armée, une troupe sur le pied de guerre; rassemblement et mise en action [LPR]. Лексема означает призыв на военную службу (un appel sur le pied de guerre [LIn]). В приведённом контексте актуализируется значение, представленное словарями LLF, LPR – *движение с целью достижения определенной цели (mouvement dans le but d'atteindre un objectif spécifique [LLF; LPR])*.

Рассмотрим примеры политкорректных эвфемизмов в немецком языке. В мае 2023 года особое внимание прессы было привлечено к саммиту «Большой Семерки», посвященному обсуждению проблем мировой экономики. Немецкая газета “Die Tageszeitung” (“Taz”) сообщает: “*Die Gruppe hatte China „wirtschaftliche Zwangsmaßnahmen“ vorgeworfen, ohne das Land namentlich zu benennen, und angekündigt, ihre ökonomischen Abhängigkeiten von der zweitgrößten Volkswirtschaft zu verringern*”. [«Большая семерка», не называя страны, обвинила

Китай в «экономических мерах принуждения», и объявила, что сократит свою экономическую зависимость от второй по величине экономики] (Перевод наш). В данном контексте используется выражение *экономические меры принуждения* вместо *санкции*, которые принято ассоциировать с негативными последствиями и некой мерой наказания со стороны одной страны по отношению к другой. Используемый эвфемизм позволяет сохранить дипломатическую нейтральность за счёт того, что не акцентирует внимание на дискриминирующем характере санкций и тем самым сохраняет нейтральность. Следует отметить, что зачастую немецкой прессой используются иностранные слова в качестве эвфемистических конструкций. Например, в статье немецкой газеты Welt.de, посвященной военному конфликту в Судане, используется слово *Engagement*, которое переводится как *участие*: *Der Abzug von Hilfskräften aus dem Sudan ist ein weiterer Tiefpunkt des europäischen Engagements in Afrika*. [Вывод гуманитарной помощи из Судана является еще одной низкой точкой европейского участия в Африке] (Перевод наш). Таким образом, авторами данной статьи вместо немецкого слова *Eingriff* (*вмешательство*) используется эвфемизм

Заключение

Использование политкорректных эвфемизмов в речи может способствовать снижению речевой агрессии и созданию более уважительной и толерантной обстановки в обществе. Замены слов и выражений позволяют избежать оскорблений, стереотипов и негативных ассоциаций, способствуя более гармоничному взаимодействию между людьми различных культур, национальностей и социальных групп. Использование политкорректных эвфемизмов может быть ключевым элементом в построении дружественных отношений, а также способствовать «вуалированию истинного положения дел».

Список литературы

1. Бекетова С. В., Карапетова И. Н. Эвфемизм как способ выражения политкорректности в медиалингвистике // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2022. № 3–2. С. 20–25.
2. Василенко Е. Н. Лингвистический аспект правового статуса «языка вражды» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 71–76.
3. Вишнякова Е. П. Репрезентация категории политкорректности в английском языке // Lingua-Universum. 2023. № 1. С. 54–57.
4. Гашпоренко А. В. Язык вражды в российских СМИ // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2019) : Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 10–13 декабря 2019 года. Часть 2. М. : Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2019. С. 85–86.
5. Герасимова И. В., Новоселова А. Н. Проблема разграничения имплицитной речевой агрессии и речевой манипуляции в интернет-дискурсах образовательной направленности // Нижегородское образование. 2020. № 2. С. 95–101.
6. Тарасова А. В. "Язык вражды" в интернет-комментариях к статьям о феминизме (на материале белорусского информационного портала TUT.BY // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте VI : Сборник научных статей VI Международной научной конференции, Могилев, 25 октября 2019 года / Под редакцией Е. Е. Иванова. Могилев : Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2020. С. 132–135.
7. Фомичева Я. А., Шустова С. В. Язык вражды как коммуникативная категория // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9, № 4. С. 147–156.
8. Шинкевич Ю. В. Язык вражды в современном интернет-дискурсе (на материале английского и русского языков) // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – I : Сборник научных статей I Международной научно-практической интернет-конференции, Могилев, 03–17 декабря 2018 года / Под редакцией А. К. Шевцовой. Могилев : Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2019. С. 75–79.
9. Шустова С. В., Фомичева Я. А. Актуальные проблемы лингвистики. Политкорректные эвфемизмы во французском политическом дискурсе : учебное пособие. Пермь : Пермский институт экономики и финансов, 2023. 148 с.
10. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. М. : Форум, 2012. 400 с.
11. Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: апрель 2024).
12. Expressio.fr. URL: <https://www.expressio.fr/> (дата обращения: апрель 2024).
13. La langue francaise. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/> (дата обращения: апрель 2024).
14. Le Petit Robert. URL: <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: апрель 2024).

15. Linternaute. URL: <https://www.linternaute.com/> (дата обращения: апрель 2024).
16. The Guardian. Children from low-income families in US more likely to miss school for health reasons. URL: <https://www.theguardian.com/education/2024/mar/14/low-income-us-children-chronically-absent-health-reasons> (дата обращения: апрель 2024).
17. The Guardian. As councils crumble, a new scapegoat has been found: the parents of disabled and vulnerable children. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/07/councils-scapegoat-parents-disabled-vulnerable-children-support>. (дата обращения: апрель 2024).
18. Le Monde. Colère des agriculteurs: ce qu'il faut retenir de la fin de la mobilisation. URL: https://www.lemonde.fr/economie/live/2024/02/02/en-direct-la-colere-agricole-se-transforme-selon-le-president-de-la-fnsea_6213513_3234.html (дата обращения: апрель 2024).
19. BFMTV. PARIS: LA POLICE OUVRE LE FEU SUR UNE FEMME MENACANTE ET FAISANT L'APOLOGIE DU TERRORISME. URL: https://www.bfmtv.com/paris/paris-la-police-ouvre-le-feu-sur-une-femme-menacante-et-faisant-l-apologie-du-terrorisme_AN-202310310348.html (дата обращения: апрель 2024).
20. Taz. Selenski auf dem G7-Gipfel :Die Zaungäste des Krieges treffen. URL: <https://taz.de/Selenski-auf-dem-G7-Gipfel!/5933147/> (дата обращения: апрель 2024).
21. Welt. Was Frankreichs Rückzug als Ordnungsmacht in Afrika bedeutet. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus245010458/Afrika-Was-Frankreichs-Rueckzug-als-Ordnungsmacht-bedeutet.html> (дата обращения: апрель 2024).

Список сокращений

1. CD – Cambridge dictionary
2. Expressio – Exp La langue française – LLF
3. Le Petit Robert – LPR Linternaute – LIn

References

1. Beketova S. V., Karapetova I. N. Evfemizm kak sposob vyrazheniya politkorrektnosti v medialingvistike [Euphemism as a way of expressing political correctness in media linguistics]. *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya* [Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education]. 2022, no. 3-2, pp. 20-25. (In Russ.).
2. Vasilenko E. N. Lingvisticheskiy aspekt pravovogo statusa «yazyka vrazhdy» [Linguistic aspect of the legal status of “hate speech”]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Polotsk State University]. 2020, no. 2, pp. 71-76. (In Russ.).
3. Vishnyakova E. P. Reprezentatsiya kategorii politkorrektnosti v angliiskom yazyke [Representation of the category of political correctness in English]. *Lingua-Universum*. 2023, no. 1, pp. 54-57. (In Russ.).
4. Gashporenko A. V. Yazyk vrazhdy v rossiiskikh SMI [Hate speech in Russian media]. *Sotsial'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noi samorealizatsii (Sotsial'nyi inzhener-2019)* [Social and humanitarian problems of education and professional self-realization (Social engineer-2019)]. Part 2, Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A. N. Kosygina, 2019, pp. 85-86. (In Russ.).
5. Gerasimova I. V., Novoselova A. N. Problema razgranicheniya implitsitnoi rechevoi agressii i rechevoi manipulyatsii v internet-diskursakh obrazovatel'noi napravlenosti [The problem of distinguishing between implicit speech aggression and speech manipulation in educational Internet discourses]. *Nizhegorodskoe obrazovanie* [Nizhny Novgorod education]. 2020, no. 2, pp. 95-101. (In Russ.).
6. Tarasova, A. V. «Yazyk vrazhdy» v internet-kommentariyakh k stat'yam o feminizme (na materiale belorusskogo informatsionnogo portala TUT.BY [“Hate speech” in online comments to articles about feminism (based on the material of the Belarusian information portal TUT.BY)]. *Vostochnoslavjanskije yazyki i literatury v evropeiskom kontekste VI* [East Slavic languages and literatures in a European context YOU]. Ed. E. E. Ivanova. Mogilev, Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A. A. Kuleshova, 2020, pp. 132-135. (In Russ.).
7. Fomicheva Ya. A., Shustova S. V. Yazyk vrazhdy kak kommunikativnaya kategoriya [Hate speech as a communicative category]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2023, vol. 9, no. 4, pp. 147-156. (In Russ.).
8. Shinkevich Yu. V. Yazyk vrazhdy v sovremennom internet-diskurse (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov) [Hate speech in modern Internet discourse (based on the material of English and Russian languages)]. *Na perekrestke kul'tur: edinstvo yazyka, literatury i obrazovaniya – I* [Na perekrestke kul'tur: edinstvo yazyka, literature i obrazovaniya - I]. Ed. A. K. Shevtsova. Mogilev, Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A. A. Kuleshova, 2019, pp. 75-79. (In Russ.).
9. Shustova S. V., Fomicheva Ya. A. Aktual'nye problemy lingvistiki. Politkorrektnye evfemizmy vo frantsuzskom politicheskom diskurse [Current problems of linguistics. Politically correct euphemisms in French political discourse]. Perm, Permskii institut ekonomiki i finansov, 2023, 148 p. (In Russ.).

10. Shcherbinina Yu.V. Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy [Verbal aggression. Territory of hostility]. Moscow, Forum, 2012, 400 p. (In Russ.).
11. Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: апрель 2024).
12. Expressio.fr. URL: <https://www.expressio.fr/> (дата обращения: апрель 2024).
13. La langue française. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/> (дата обращения: апрель 2024).
14. Le Petit Robert. URL: <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: апрель 2024).
15. Linternaute. URL: <https://www.linternaute.com/> (дата обращения: апрель 2024).
16. The Guardian. Children from low-income families in US more likely to miss school for health reasons. URL: <https://www.theguardian.com/education/2024/mar/14/low-income-us-children-chronically-absent-health-reasons> (дата обращения: апрель 2024).
17. The Guardian. As councils crumble, a new scapegoat has been found: the parents of disabled and vulnerable children. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/07/councils-scapegoat-parents-disabled-vulnerable-children-support>. (дата обращения: апрель 2024).
18. Le Monde. Colère des agriculteurs: ce qu'il faut retenir de la fin de la mobilisation. URL: https://www.lemonde.fr/economie/live/2024/02/02/en-direct-la-colere-agricole-se-transforme-selon-le-president-de-la-fnsea_6213513_3234.html (дата обращения: апрель 2024).
19. BFMTV. PARIS: LA POLICE OUVRE LE FEU SUR UNE FEMME MENAÇANTE ET FAISANT L'APOLOGIE DU TERRORISME. URL: https://www.bfmtv.com/paris/paris-la-police-ouvre-le-feu-sur-une-femme-menacante-et-faisant-l-apologie-du-terrorisme_AN-202310310348.html (дата обращения: апрель 2024).
20. Taz. Selenski auf dem G7-Gipfel :Die Zaungäste des Krieges treffen. URL: <https://taz.de/Selenski-auf-dem-G7-Gipfel!/5933147/> (дата обращения: апрель 2024).
21. Welt. Was Frankreichs Rückzug als Ordnungsmacht in Afrika bedeutet. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus245010458/Afrika-Was-Frankreichs-Rueckzug-als-Ordnungsmacht-bedeutet.html> (дата обращения: апрель 2024).

List of abbreviations

1. CD – Cambridge dictionary
2. Expressio – ExP La langue française – LLF
3. Le Petit Robert – LPR Linternaute – LIn

Информация об авторах

- Я. А. Фомичева** – учитель английского языка, лингвист-переводчик, МАОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских»;
- Х. И. Зармаева** – учитель английского языка, лингвист-переводчик; МАОУ "Гимназия № 4 имени братьев Каменских";
- Е. К. Шашина** – учитель английского языка, лингвист-переводчик; МАОУ "Гимназия № 4 имени братьев Каменских".

Information about the authors

- Ya. A. Fomicheva** – Linguist-Translator; English Teacher, MAOU "Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers";
- H. I. Zarmaeva** – Linguist-Translator; English Teacher, MAOU "Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers";
- E. K. Shashina** – Linguist-Translator; English Teacher, MAOU "Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers".

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Научная статья
УДК 81'243

МИГРАЦИОННАЯ И МИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ГИБРИДНОСТЬ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

Екатерина Олеговна Зубарева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
fialka21-85@mail.ru

Аннотация. В настоящее время мы живем в мире постоянных изменений и движений, в мире нет ничего стабильного, а границы между странами, культурами и народами стираются. Феномен миграции охватывает и отражается практически на всех уровнях функционирования общества и страны, именно поэтому внутри миграционного дискурса можно выделить такие типы как политический, образовательный, юридический, рекламный, религиозный, туристический, экологический, и в том числе художественный или литературный. Мигрант является главным героем XXI в. Среди огромного количества мигрантов всегда были и есть интеллектуалы, художники, писатели, которые добровольно или вынужденно покидали свою страну и выбирали для жизни другое место. Так появился новый вид литературы, который называется миграционная или мигрантская, и цель которого проиллюстрировать различные социальные, культурные, экономические и политические аспекты жизни мигрантов в чуждых для них условиях принимающего общества. Стремительное развитие литературы о миграции связано с постколониализмом, с идеологической точки зрения это концепция освобождения, возможность читать не только свои тексты, но и переосмысливать тексты других мировых авторов с точки зрения своей культурной специфики. Постколониальная теория рассматривает страхи, надежды и желания угнетенных групп в отношении их будущего и их собственной идентичности, пути преодоления политического и культурного господства. В статье предпринята попытка прояснить тематические и структурные характеристики литературы о миграции. Главными темами в литературе о миграции являются описание самой дороги главного персонажа из одного места в другое, пути преодоления культурных и социальных различий, этапы адаптации и интеграции в новом социуме, причин миграции, внутреннего мира персонажа в сложном процессе смены привычных условий и окружения, и результатов, которых достигает человек.

Ключевые слова: миграционный дискурс, мигрантская литература, миграционная литература, гибридность, амбивалентность, постколониализм.

Для цитирования: Зубарева Е. О. Миграционная и мигрантская литература: гибридность и амбивалентность // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 96–102.

Original article

MIGRATION AND MIGRANT LITERATURE: HYBRIDITY AND AMBIVALENCE

Ekaterina O. Zubareva

Perm State University, Perm, Russia, fialka21-85@mail.ru

Abstract. Currently, we live in the world of constant changes and movements, there is nothing stable in the world, and the borders between countries, cultures and people are blurred. The phenomenon of migration covers and is reflected at almost all levels of functioning of society and the country, which is why such types as political, educational, legal, advertising, religious, tourist, environmental, including artistic or literary, can be distinguished within the migration discourse. The migrant is the main hero of the 21st century. There have always been and are intellectuals, artists and writers among the huge number of migrants who voluntarily or involuntarily left their country and chose another place to live. It is explained how a new

type of literature is appeared, which is called migrational or migrant literature, and the purpose of which is to illustrate various social, cultural, economic and political aspects of the life of migrants in conditions alien to them in the host society. The rapid development of literature on migration is associated with postcolonialism, from an ideological point of view it is the concept of liberation, the opportunity to read not only their own texts, but also to rethink the texts of other world authors from the point of view of their cultural specificity. Postcolonial theory examines the fears, hopes and desires of oppressed groups regarding their future and their own identity, ways to overcome political and cultural domination. The article is attempted to clarify the thematic and structural characteristics of the migration literature. The main topics in the literature on migration are the description of the main character's journey from one place to another, ways to overcome cultural and social differences, stages of adaptation and integration in a new society, the causes of migration, the inner world of the character in the complex process of changing familiar conditions and environment, and the results that a person achieves.

Keywords: migration discourse, migrant literature, migration literature, hybridity, ambivalence, postcolonialism.

For citation: Zubareva E. O. Migration and migrant literature: hybridity and ambivalence. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:96-102. (In Russ.).

Введение

В настоящее время мы живем в мире постоянных изменений и движений, в мире нет ничего стабильного, а границы между странами, культурами и народами стираются. Выдающиеся достижения в области коммуникационных технологий, таких как спутниковое телевидение, Интернет и современные транспортные средства, а также глобализация мировой экономики – всё это факторы, которые делают нашу эпоху – эпохой миграции и мобильности. Традиционный формат жизни на одном месте уступает место новому образу жизни, жизни в постоянном движении. С. П. Мослунд ярко описывает картину XXI в.: кажется, что мы являемся свидетелями масштабного международного и транснационального нарушения законности, масштабного изменения происхождения и принадлежности, масштабного смещения границ и изменения культурных ландшафтов стран и городов мира [Moslund 2010].

Можно сказать, что мигрант является главным героем XXI в. В рамках миграционной лингвистики [Шустова 2018, 2020; Мощанская 2019] учёные-исследователи моделируют миграционный дискурс, анализируя его базовые категории и жанры (см., например, [Афанасьева 2023; Зубарева, Колотов 2023; Кривенькая 2022; Хорошева, Назарова 2024; Van Dijk 2018;]).

Миграционный дискурс многоаспектен, и рассматривается как социокультурный, экономический, политический, демографический феномен, особая социальная практика, идеологический конструкт, обладающий сложной модульной и разножанровой структурой [см., например, Зубарева 2019]. Широкое понимание миграционного дискурса, позволяет говорить о нём, как интердискурсе, то есть он включает в свою модель другие типы дискурсов [Fairclough 1993].

Феномен миграции охватывает и отражается практически на всех уровнях функционирования общества и страны, именно поэтому внутри миграционного дискурса можно выделить такие типы как политический, образовательный, юридический, рекламный, религиозный, туристический, экологический, а также художественный или литературный.

Основная часть

Среди огромного количества мигрантов всегда были и есть интеллектуалы, художники, писатели, которые добровольно или вынужденно покидали свою страну и выбирали для жизни другое место в этом бесконечном мире. Э. Саид, палестинский теоретик литературы и общественный деятель, в юности эмигрировал в Америку и стал известен благодаря своим произведениям о таких же мигрантах, как и он сам, а также своей фундаментальной роли в борьбе палестинского народа за независимость и восстановление культурной самобытности [Bove 2000: 8].

Дж. Джойс, М. Кундра, Дж. Конрад также смогли привлечь всеобщее внимание, создав незабываемые шедевры и получив Нобелевскую премию в области литературы [Pourjafari, Vahidpour 2014: 681]. В этот период литературу о миграции стали выделять в отдельный жанр, в котором повествуется о различных социальных, культурных, экономических и политических аспектах жизни мигрантов в новых для них условиях.

На данный момент очень мало работ, посвящённых теме отражения миграции в литературе. Стоит отметить работу М. Б. Раренко, в которой исследуется миграционный или мигрантский дискурс (автор использует эти термины как синонимы) в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве». Главный герой является типичным шведом, воплощающим в себе характерные национальные черты, и через его образ и реплики отражают особенности миграционного дискурса. Например, описывая соседей, Уве использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, подчёркивая, с одной стороны, их «мигрантское» несоответствие шведскому укладу жизни, а с другой – своё снисходительно-покровительственное отношение к «чужакам»: *«коренастенькая чернявая смуглянка лет тридцати явно нешведского розлива», «иноземный курчонок» был съеден подозрительным шведом в тот же вечер и не без удовольствия* (цит. по [Раренко 2023: 120–121]).

Мы считаем, что литературу о миграции следует разграничивать; к литературному миграционному дискурсу можно отнести мигрантскую литературу – автобиографии писателей и поэтов мигрантов или произведения, написанные авторами-мигрантами [Анохина 2017]. Отметим, что сначала литература писателей-мигрантов воспринималась лишь как нишевый феномен и получила обозначение «литература гастарбайтеров» или «литература рабочей миграции», и очень часто авторы-мигранты обращаются к теме тоски по родине, к опыту миграции, сравнению «старой» и «новой» родины [Pourjafari, Vahidpour 2014: эл. ресурс].

Отдельно выделяется собственно миграционная литература, то есть произведения, посвящённые теме миграции; сравните, например, диалоги главных героев:

1) – *С вами всё в порядке? Вы выглядите бледным. – В порядке. Я просто устал. – Бодритесь приятель. Это мир международного туризма. Земля должна гореть у вас под ногами* [Вох 2009: 163];

2) – *Что ж я поеду оттуда, где мне удобно, туда, где все шито на чужую мерку? И кому я там сдался? В Лондоне или Париже своих чайльд-гарольдов хватает, я для них буду пануас, дрессированный медведь* [Брусникин 2010: 145].

Мы предлагаем использовать термин «литература о миграции». Если говорить в целом, то литература о миграции должна включать все произведения, которые созданы во время миграции или о которых можно сказать, что они отражают миграцию. Стремительное развитие литературы о миграции связано с постколониализмом, с периодом после распада империй. С идеологической точки зрения это концепция освобождения, возможность читать не только свои тексты, но и переосмысливать тексты других мировых авторов с точки зрения своей культурной специфики. Постколониальная теория рассматривает страхи, надежды и желания угнетённых групп в отношении их будущего и их собственной идентичности, пути преодоления политического и культурного господства.

Художественная литература обладает способностью представлять сложные и неоднозначные жизненные реалии более просто, через образность, что делает её правдоподобным отражением человеческих чувств. В сфере миграционных процессов уровень амбивалентности и плюрализма, смены идентичности и транснационализма гораздо выше, чем в других аспектах жизни. Целью данной статьи является представить теоретический аспект миграционной литературы, тематические и структурные особенности, позволяющие выделять её среди других жанров литературы. Литературный миграционный дискурс подразумевает, что тематика произведений будет посвящена миграции, культуре и традициям принимающей страны. Несмотря на то, что описание миграционного опыта и трудностей адаптации играет главную роль, на самом деле литература о мигрантах может быть очень разнообразной как тематически, так и структурно. Неотъемлемая черта миграционной литературы – особенное внимание к маргинальной группе любого общества – к мигрантам.

Одной из характерных особенностей литературы о миграции является гибридность, которая проявляется в описании чувств и эмоций культурной неопределённости. Именно поэтому, иногда для определения литературы о миграции используются термин «транскультурная литература», а писателей-мигрантов от писателей-немигрантов отличает не наличие факта смены жительства, а наличие гибридности в их произведениях [Moslund 2010].

Такую точку зрения поддерживает и К. Мардороссян, считая, что, если писатель сменил место проживания и пишет о своём опыте, этого мало для того, чтобы его произведение считалось литературой о миграции. И наоборот, если писатель никогда не менял место жительства, но при этом рассказывает о судьбе героев, которые добровольно или вынужденно должны были мигрировать, рассуждает об их противоречивых чувствах, то его произведение можно отнести к литературе о миграции.

Таким образом просто автобиографичность произведения писателя-мигранта не повод отнести его к литературе о миграции, гораздо важнее то, как изображаются герои в условиях приспособления к новой социальной и культурной среде, в сюжете должен отражаться внутренний и внешний конфликт персонажей [Mardorossian 2003]. Интересную мысль высказывает С. Франк, определяя миграцию в литературе как сложный и сумбурный процесс на уровне переживаний героев, авторского языка и формы повествования.

Главный герой в литературе о миграции всегда находится в запутанном положении, он является заложником ситуации, и главной проблемой, остается, способ с помощью которого ему удастся распутаться, обрести нового себя. Именно эта сюжетная линия представляет особый интерес и отличает этот жанр от других – становление новой культурной идентичности, проходящей свой собственный уникальный путь. Описанный опыт способен помочь тысячам мигрантов преодолеть столь сложные жизненные обстоятельства как разлука с родным домом и семьей. Такая концепция подчеркивает обязательное наличие противоречивости в литературе о миграции, которая выражается, с одной стороны, на уровне мучительных и болезненных переживаний, с другой стороны, надеждами, мечтами и позитивными эмоциями [Frank 2008: 18–19].

Амбивалентность считается второй отличительной чертой литературы о миграции. Противоречивость эмоций и переживаний, отношения и настроения по отношению к новому социуму и условиям – важная тема в литературе о миграции. Отметим, что миграция в литературе описывается не просто как однодневный факт переезда, а как очень длительный процесс, который начинается на эмоциональном уровне, как только человек осознает, что скоро ему придётся переехать, уже на этом этапе возникает внутренняя борьба, которая продолжается еще долгое время уже по прибытию на новое место.

Противоречивость сохраняется до тех пор, пока мигрант полностью не адаптируется к новым условиям и не интегрируется в новое общество. У каждого героя этот период может быть своим – быстрым и легким, затяжным и трудным, а кто-то так и не может преодолеть культурные и социальные различия и продолжает жить с внутренней неудовлетворённостью и тоской по Родине. Как правило, персонаж-мигрант добивается успеха в случае, если ему удастся установить продуктивный контакт с членами иного культурного общества. Миграция – это событие, которое меняет жизнь навсегда и накладывает отпечаток на все дальнейшие действия и мысли, это сложный путь, зачастую, сопровождающийся страхами и унижениями, но в результате заканчивающийся победой.

В современном мире личность мигранта ценится не за то, что он придерживается своей этнической морали и культурных традиций, а за силу традиции, которую можно описать заново, через призму противоречивости. Писатель, рассказывающий о судьбе мигрирующего человека, отражает в своих произведениях межкультурные традиции, которые выступают в качестве моста между старым и новым домом, домом и миром [Bhabha 1994: 2].

Таким образом, человеческая идентичность, то, как персонажи-мигранты справляются со своей новой жизнью, неопределённость и незащищённость, от которых они страдают, а также проблемы с общением рассматриваются как основные темы работ о миграции. Важно отметить, что тема счастливых воспоминаний о потерянной родине и ностальгии, которую испытывают герои-мигранты по своей прошлой жизни, в литературе о миграции не является доминирующей и часто уходит на второй план [Pourjafari, Vahidpour 2014: эл. ресурс].

Многие произведения литературы о миграции посвящены подробному описанию самого пути, путешествия с привычного места проживания на новое место или возвращения домой. Некоторым авторам представляется наиболее интересным рассказывать о причинах, заставляющих людей принять такое кардинальное решение, как переезд, нежели чем жизнь мигранта уже в новом обществе. Критики отмечают, что главной причиной в произведениях литературы о миграции является бегство, бегство от совершённых ошибок, от сложных

отношений, от плохих условий существования. Гораздо реже миграция рассматривается как нечто увлекательное, как повод посмотреть мир, получить новую информацию и жизненный опыт [White 1995].

Например, К. Джейкобс описывает дилеммы миграции в романе Г. Кершоу «Домашняя толпа». Выбрав молодого англичанина-мигранта в Австралии в качестве главного героя, который хочет вернуться в Англию, чтобы «воссоединиться» со своей прежней жизнью, автор рассказывает об его эмоциях, вызванных возвращением и сам путь обратно домой. Главный герой обнаружил, что оставил после себя гораздо больше, чем предполагал. Он прожил жизнь в Австралии, но все еще испытывает желание вновь пережить то, что пережил до миграции:

Я знал, что во Фримантле все было бы по-другому; влажные последствия лета развеялись бы. Свежий дневной ветерок и, возможно, наконец-то ливень дадут лужайкам передышку. «Три дня», – твердил я себе, – «Я буду там через три дня». Но какой бы сладкой ни была мысль о восходе солнца там, и какими бы холодными ни были мои ноющие ноги, эта мысль не приносила радости, только мурашки по коже. К чему я торопился вернуться?» (цит. по [Jacobs 2011: 151]).

Данный пример демонстрирует незавершённость процесса адаптации и интеграции героя, который так и вынужден продолжать жить в противоречии с самим собой и окружающим миром. Ему не удастся достичь так называемого промежуточного пространства гибридности, именно поэтому он изо всех сил стремится вернуться на свою родину, хотя он уехал не просто так, на то были серьезные причины.

Заключение

Главными темами в литературе о миграции являются описание самой дороги главного персонажа из одного места в другое, пути преодоления культурных и социальных различий, этапы адаптации и интеграции в новом социуме, причин миграции, внутреннего мира персонажа в сложном процессе смены привычных условий и окружения, и результатов, которых достигает человек.

Авторы делятся собственным опытом или пытаются фантазировать на эту тему и предполагать переживания и размышления, которые могут возникать и сопровождать мигрирующего человека. Писатели этого жанра показывают становление новой личности, иногда успешной, иногда не очень, тех, кто сумел преодолеть этот путь и остается в новом доме, тех, кто не смог справиться и вынужден вернуться домой, несмотря на то, что там его уже не ждут. Художник, являясь сам мигрантом, способен передать полный спектр эмоций и переживаний, причин и последствий, связанных с феноменом миграции.

Список литературы

1. Анохина А. А. К проблеме определения понятия «мигрантская литература» // Эволюция и трансформация дискурсов : сборник научных статей. Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева. Самара : Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева. 2017. Вып. 2. С. 131–135.
2. Афанасьева А. А. Эмотивность в испанском миграционном дискурсе // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 19–26.
3. Брусникин А. О. Герой иного времени. М. : АСТ: Астрель, 2010. 414 с.
4. Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 1. С. 35–45.
5. Зубарева Е. О., Колотов Д. Стилистические особенности англоязычного миграционного дискурса и способы их трансляции на русский язык // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 27–34.
6. Кривенькая М. А. Миграционный дискурс в художественной литературе // Этнодиалоги. 2022. № 1 (67). С. 135–160.
7. Мощанская Е. Ю. Функциональная парадигма перевода в миграционной лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева. Пермь : Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 144–161.
8. Раренко М. Б. Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 118–125.

9. Риэль Й. Мальчик, который хотел стать человеком / Пер. с дат. Л. Горлиной. 2-е изд. М. : Самокат, 2012. 200 с.
10. Хорошева Н. В., Назарова Н. А. Нарратив миграционного кризиса во французском политическом медиадискурсе: номинационный аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 87–94.
11. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London and New York: Routledge. 1994. 295 p. URL: <https://archive.org/details/TheLocationOfCultureВНАВНА/page/n11/mode/2up> (дата обращения: март–апрель 2024).
12. Bove P. A. *Edward Said and the Work of the Critic: Speaking Truth to Power*. New York: Duke University Press. 2000. 332 p.
13. Box C. J. *Three Weeks to Say Goodbye*. New York: Minotaur Books. 2009. 340 p.
14. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Polity, Pub. in the U.S. by Blackwell, Polity Press. 1993. 272 p.
15. Frank S. *Migration and Literature*. New York: Palgrave Macmillan. 2008. 249 p.
16. Jacobs K. *Journeying South: The Contribution of Contemporary Australian Literature for Migration Research*. In *Imagining Home: Migrants and the Search for a New Belonging*. D. Glenn, E. Bouvet and S. Floriani (eds). South Australia: Wakefield Press. 2011. P. 139–156.
17. Mardorossian C. M. *From Literature of Exile to Migrant Literature* // *Modern Language Studies*. 2003. 32 (3). P. 15–33.
18. Moslund S. P. *Migration Literature and Hybridity* // *The Different Speeds of Transcultural Change* London: Palgrave Macmillan. 2010. P. 1–25.
19. Pourjafari F., Vahidpour A. *Migration Literature: A Theoretical Perspective* // *The Dawn Journal*. Vol. 3. No. 1. 2014. URL: <https://www.thedawnjournal.in/wp-content/uploads/2013/12/2-Fatemeh-Pourjafari.pdf> (дата обращения: январь–март 2024).
20. Van Dijk T. *Discourse and migration* // *Qualitative Research in European Migration Studies* / Ed. by R. Zapa. 2018. 23 p.
21. White P. *Geography, Literature and Migration*. In *Writing Across Worlds: Literature and Migration*. R. King, J. Connell, P. White (eds). London: Routledge. 1995. 284 p.

References

1. Anokhina A. A. K probleme opredeleniya ponyatiya «migrantskaya literature» [On the problem of defining the concept of “migrant literature”]. *Evolutsiya i transformatsiya diskursov* [Evolution and transformation of discourses]. Samara, Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet im. S. P. Koroleva, 2017, iss. 2, pp. 131-135. (In Russ.).
2. Afanas'eva A. A. Emotivnost' v ispanskom migratsionnom diskurse [Emotivity in Spanish migration discourse]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 19-26. (In Russ.).
3. Brusnikin A. O. Geroi inogo vremeni [Hero of another time]. Moscow, AST: Astrel', 2010, 414 p. (In Russ.).
4. Zubareva E. O. Model' migratsionnogo diskursa [Model of migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2019, vol. 5, no. 1, pp. 35-45. (In Russ.).
5. Zubareva E. O., Kolotov D. Stilisticheskie osobennosti angloyazychnogo migratsionnogo diskursa i sposoby ikh translyatsii na russkii yazyk [Stylistic features of English-language migration discourse and methods of their translation into Russian]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 27-34. (In Russ.).
6. Kriven'kaya M. A. Migratsionnyi diskurs v khudozhestvennoi literature [Migration discourse in fiction]. *Etnodialogi* [Ethnodialogue]. 2022, no. 1 (67), pp. 135-160. (In Russ.).
7. Moshchanskaya E. Yu., Zubareva E. O., Isaeva E. V., Itsenko A. V., Kosteva V. Moscow, Shustova S. V. Funktsional'naya paradigma perevoda v migratsionnoi lingvistike [Functional paradigm of translation in migration linguistics]. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm]. Perm, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2019, pp. 144-161. (In Russ.).
8. Rarenko M. B. Migratsionnyi diskurs v russkoyazychnoi versii romana F. Bakmana «Vtoraya zhizn' Uve» [Migration discourse in the Russian version of F. Backman's novel “The Second Life of Ove”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology]. 2023, no. 3, pp. 118-125. (In Russ.).
9. Riel' I. Mal'chik, kotoryi khotel stat' chelovekom [The boy who wanted to become a man]. 2th ed., Moscow, Samokat, 2012, 200 p. (In Russ.).
10. Khorosheva N. V., Nazarova N. A. Narativ migratsionnogo krizisa vo frantsuzskom politicheskom mediadiskurse: nominatsionnyi aspekt [The narrative of the migration crisis in French political media discourse: the nomination aspect]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 87-94. (In Russ.).

11. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London and New York: Routledge. 1994. 295 p. URL: <https://archive.org/details/TheLocationOfCultureBHABHA/page/n11/mode/2up> (дата обращения: март–апрель 2024).
12. Bove P. A. *Edward Said and the Work of the Critic: Speaking Truth to Power*. New York: Duke University Press. 2000. 332 p.
13. Box C. J. *Three Weeks to Say Goodbye*. New York: Minotaur Books. 2009. 340 p.
14. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Polity, Pub. in the U.S. by Blackwell, Polity Press. 1993. 272 p.
15. Frank S. *Migration and Literature*. New York: Palgrave Macmillan. 2008. 249 p.
16. Jacobs K. *Journeying South: The Contribution of Contemporary Australian Literature for Migration Research*. In *Imagining Home: Migrants and the Search for a New Belonging*. D. Glenn, E. Bouvet and S. Floriani (eds). South Australia: Wakefield Press. 2011. P. 139–156.
17. Mardorossian C. M. *From Literature of Exile to Migrant Literature* // *Modern Language Studies*. 2003. 32 (3). P. 15–33.
18. Moslund S. P. *Migration Literature and Hybridity* // *The Different Speeds of Transcultural Change* London: Palgrave Macmillan. 2010. P. 1–25.
19. Pourjafari F., Vahidpour A. *Migration Literature: A Theoretical Perspective* // *The Dawn Journal*. Vol. 3. No. 1. 2014. URL: <https://www.thedawnjournal.in/wp-content/uploads/2013/12/2-Fatemeh-Pourjafari.pdf> (дата обращения: январь–март 2024).
20. Van Dijk T. *Discourse and migration* // *Qualitative Research in European Migration Studies* / Ed. by R. Zapa. 2018. 23 p.
21. White P. *Geography, Literature and Migration*. In *Writing Across Worlds: Literature and Migration*. R. King, J. Connell, P. White (eds). London: Routledge. 1995. 284 p.

Информация об авторе

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Information about the author

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 103–109.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 103-109.

Научная статья
УДК 81'38:159.942

РАЗВИТИЕ ЭМПАТИИ КАК КОМПОНЕНТА ОСОЗНАННОСТИ ПРИ РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Сергеевна Попова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
atasharubina@yandex.ru

Аннотация. Стремительно меняющийся политический и социально-экономический контекст современной жизни становится угрозой для физического и психологического здоровья граждан. Противодействовать негативным воздействиям окружающего мира возможно лишь с помощью аккумуляции собственного личностного ресурса и грамотного управления им, что обеспечивается формированием осознанности. Высокий уровень развития составляющих осознанности – умений саморегуляции, саморефлексии и эмпатии делает жизнедеятельность человека психологически безопасной и благополучной. В рамках образовательного процесса вопросы здоровьесбережения не теряют своей актуальности. Навести мосты эффективного и психологически безопасного взаимодействия преподавателей и студентов помогает эмпатия. В иноязычном образовании эмпатию можно развивать при работе с художественными произведениями. При написании художественного текста автор воссоздает реальные эмоциональные ситуации, описывает вербальные и невербальные детали поведения человека, используя различные языковые средства. В условиях усилившегося культурного обмена со странами Азии, Латинской Америки и Африки особую значимость приобретает распространение русского языка и культуры за рубежом. Для решения этих задач во многих странах открываются центры открытого образования, обучающие взрослых и детей русскому языку (функциональная грамотность). Ключевую роль в продвижении равноправного сотрудничества, уважения к культуре других стран играет эмпатия.

Ключевые слова: эмпатия, осознанность, иноязычное образование, художественный текст, обучение русскому языку как иностранному.

Для цитирования: Попова Н. С. Развитие эмпатии как компонента осознанности при работе с художественным текстом на иностранном языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 103–109.

Original article

DEVELOPMENT OF EMPATHY AS A MINDFULNESS CONSTITUENT WHEN WORKING WITH A FICTITIOUS TEXT IN A FOREIGN LANGUAGE

Natalya S. Popova

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia, natasharubina@yandex.ru

Abstract. The rapidly changing political and socio-economic context of modern life is becoming a threat to the physical and psychological health of citizens. It is possible to counteract the negative effects of the world around us only through accumulation of one's own personal resource and competent management of it, which is ensured by the formation of mindfulness. A high level of development of the components of mindfulness – the skills of self-regulation, self-reflection and empathy – makes a person's life activity psychologically safe and successful. Within the framework of the educational process the issues of health saving do not lose their relevance. Empathy helps to build bridges of effective and psychologically safe interaction between teachers and students. In foreign language education empathy can be developed when

working with fiction. When writing a fictitious text, the author recreates real emotional situations, describes verbal and non-verbal details of human behavior using various language means. In the context of increased cultural exchange with the countries of Asia, Latin America and Africa, the dissemination of the Russian language and culture abroad is of particular importance. To solve these problems, open education centers teaching the Russian language (functional literacy) to adults and children are being opened in many countries. Empathy plays a key role in promoting equal cooperation, respect for the culture of other countries.

Keywords: empathy, mindfulness, foreign language education, fictitious text, teaching Russian as a foreign language.

For citation: Popova N. S. Development of empathy as a mindfulness constituent when working with a fictitious text in a foreign language. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:103-109. (In Russ.).

Введение

Зарождение нового миропорядка сопровождается эскалацией напряженности в политической сфере, дисбалансом и турбулентностью жизни граждан всех государств земного шара. Наиболее острыми проблемами остаются неконтролируемая миграция, киберпреступность, терроризм и пандемии опасных неизученных ранее вирусов [Чумаков 2018]. В условиях крайней геополитической неопределённости многие государства ищут новые пути взаимодействия с государствами-партнёрами, строят модели сотрудничества для обеспечения безопасности и развития. Российская Федерация сейчас сосредотачивает свои дипломатические усилия на укреплении отношений с Китаем и Северной Кореей, а также со странами Юго-Западной Азии, Африки и Южной Америки. Взаимодействие с этими странами идет по разным направлениям, среди которых торговля, военно-техническое сотрудничество, культурно-образовательные проекты и т. д.

Негативное влияние реалий современной жизни сказывается на психологическом благополучии членов мирового сообщества. Некоторые принимают сложившуюся ситуацию и стремятся найти в ней преимущества, другие выбирают путь ухода от реальности тем или иным способом. К сожалению, большинство людей, оказываются неготовыми к осмыслению и принятию вызовов современного общества, они не обладают необходимыми умениями и стратегиями саморегуляции, не умеют управлять своим собственным внутренним ресурсом для противодействия кризисным явлениям. Среди наиболее распространенных проблем, возникающих в результате неспособности адаптироваться к постоянно меняющемуся контексту жизнедеятельности, отмечаются повышенный уровень стресса, тревожность, неврозы, панические атаки и т. д. Причиной неспособности адекватно оценить ту или иную ситуацию в жизни, принять её, приспособиться к ней и использовать её для решения необходимых задач, чаще всего становится низкий уровень сформированности осознанности и её компонентов – ценностей и смыслов, внимания, открытости новизне, саморегуляции, саморефлексии и эмпатии.

Основная часть

Осознанность имеет место, когда человек понимает, что побуждает его к деятельности, что является содержанием его потребностей [Леонтьев 2004] и может принять ответственное решение, не будучи во власти негативных стереотипов и паттернов. Способность аккумулировать свой внутренний ресурс и управлять им напрямую связана с одним из компонентов осознанности – эмпатией [Попова 2020]. Эмпатия (от греч. *empathia* – сопереживание) рассматривается как процесс понимания чужого переживания и отклика на него. В составе этого понятия различают когнитивную эмпатию (понимание переживаний другого) и эмоциональную (аффективную) эмпатию (соучастие в этих переживаниях (сочувствование). Термин «эмпатия» (*empathy*) введен Э. Титченером в 1909 г. в качестве английского эквивалента немецкого слова *Einfühlung* (вчувствование) [Большая Российская энциклопедия: эл. ресурс]. Современные нейрофизиологические исследования позволяют определить функциональные механизмы эмпатии. При наблюдении некоторого состояния другого человека в нервной системе специфически активизируются те же самые нейронные сети, которые возбуждаются, когда сам наблюдающий испытывает такое же состояние. Это явление получило название «зеркальные нейронные сети» (Дж. Ризцоллатти, В. Галлезе – Италия; Ж. Дести – США). К первичным феноменам, возникающим на основе этих механизмов, относят «параллельное» переживание состояний, аналогичных состоянию объекта эмпатии, эмоциональное заражение и имитацию эмоциональной экспрессии.

Нарушения эмпатии наблюдаются при аутизме, шизофрении, нарциссизме и психопатических (антисоциальных) расстройствах. Различают произвольную и непроизвольную эмпатию. В процессе дифференциации отношения Я – другой, интеллектуального и морального развития формируются зрелые формы эмпатии, которые предполагают отграничение индивидом своего переживания от переживания другого человека наряду со способностью поставить себя на его место [Большая Российская энциклопедия: эл. ресурс].

В рамках нашего исследования мы рассматриваем эмпатию как «конгруэнтную эмпатию». Понятие конгруэнтности связано с трудами К. Роджерса, рассматривавшего конгруэнтность как «соответствие эмоциональных переживаний их осознанию и вербальному или невербальному выражению» [Роджерс 2017: 63–65]. Далее, идеи К. Роджерса были развиты в работах Ю. Б. Гиппенрейтер, Л. В. Веденеевой, Т. Д. Корягиной и Е. Н. Козловой. Данные авторы представили «конгруэнтную эмпатию» как комплексную способность проявлять эмпатию в речи или действиях и гибко переключаться с аффективного понимания партнера на ответное выражение собственных эмоций, в том числе отрицательных, сохраняя общее позитивное восприятие ситуации [Гиппенрейтер, Корягина, Козлова 1993]. Развитие способности к эмпатии приобретает особую значимость в контексте иноязычного образования. Эмпатическое отношение позволяет преподавателю найти индивидуальный подход к своим обучающимся, минимизировать конфликтность в образовательной среде и улучшить психологический климат процесса обучения. Для обучающегося развитие способности к эмпатии означает большую удовлетворенность в общении с преподавателями и другими обучающимися, повышение стрессоустойчивости и, как следствие, достижение более высоких академических результатов [Попова 2021].

Конгруэнтная эмпатия является важнейшим условием обеспечения психологической безопасности учебного процесса. Для преподавателя иностранного языка конгруэнтная эмпатия, с одной стороны, означает способность принять свою ценность и увидеть свой профессиональный путь, а с другой – она связана со способностью увидеть ценность каждого из учеников. Педагог, обладающий высоким уровнем развития эмпатии, помогает учащимся осознать собственную уникальность и нужность, он сопровождает их в избранном образовательном маршруте. М. В. Некрасова справедливо отмечает, что «безопасность для ребенка начинается с уверенности, что он не один. И речь не столько о физической безопасности, сколько о психологической. И только при наличии этого душевного комфорта можно продолжать говорить о воспитании, развитии, обучении. Это фундамент, на котором все строится. Первый краеугольный камень этого фундамента – *«Я вижу тебя», Я вижу твое Я*. Ребенок перестает быть невидимым для мира. Его видят, замечают, отличают, осознают его уникальность и значимость. Детям жизненно необходимо присутствие того, кто любит, верит и поддерживает» [Некрасова 2018]. В контексте преподавания иностранного языка способность к эмпатии можно развивать при работе с художественными произведениями. Художественный текст соотносится с чувственным миром человека. При написании текста автор воссоздает реальные эмоциональные ситуации, описывает вербальные и невербальные детали поведения человека, используя различные языковые средства. Художественный материал отражает механизмы формирования эмоциональных смыслов и их развития и демонстрирует вербальные свидетельства эмоциональной рефлексии личного и общественного опыта человека [Шаховский 2008: 396].

Художественная литература выполняет множество функций: накапливает в себе информацию о различных видах коммуникативно-эмоциональных ситуаций, моделирует эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, их стилистический потенциал, их эмотивную валентность, их эмотивную прагматику и воспитательную функцию [Шаховский 2008: 188]. Д. А. Романов отмечает, что «художественный текст эквивалентен реальности в воспроизведении эмоциональных ситуаций», поскольку при написании художественного произведения автор при помощи детального описания и средств выразительности воссоздает ситуации, которые способствуют передаче и отражению эмоций человека [Романов 2004: 72]. В реальной жизни, как правило, обучающиеся могут испытать лишь ограниченный диапазон эмоций, тогда как воображаемый мир художественного произведения даст им возможность пережить широкий спектр эмоций, связанных с персонажами и вымышленными ситуациями. Т. Г. Фирсова отмечает, что только через сопереживание читатель может постигнуть художественную

идею произведения, познать чужую боль и радость, огорчение и отчаяние и таким образом приумножить свой жизненный опыт, пережить разные душевные состояния, закрепить их в памяти не только ума, но и сердца. Автор подчеркивает диалектическую связь между эмпатийным и литературным развитием обучающихся [Фирсова 2015].

Художественная литература аккумулирует социальный опыт человечества, передает информацию о допустимых и приемлемых ритуалах эмоционального общения и формирует эмоциональный профиль личности. Этим обусловлена значимость изучения художественных произведений на каждом из этапов обучения. Если знакомство с литературными произведениями родного языка начинается практически с рождения человека через устное народное творчество (потешки, стихи и сказки) и продолжается далее в рамках формального образования в школе, средних специальных и высших учебных заведениях, то чтение иностранной литературы начинается, чаще всего, в рамках школьного обучения. Изучение произведений русской и зарубежной литературы способствуют формированию самоидентичности, субъектности, ценностно-смысловых ориентиров личности, патриотизма и уважения к национальной культуре России и других стран. Чертой русского национального характера всегда был позитивный интерес к другим народам и их культуре. В большинстве случаев такой интерес имеет преимущества, так как позволяет устанавливать доверительные отношения с представителями других стран, демонстрировать готовность к равноправному взаимодействию и сотрудничеству. Однако, иногда этот интерес перерастает в неоправданное преклонение перед всем зарубежным и обесценивание культурных достижений своей страны. По причине заведомо позитивного восприятия зарубежной культуры в нашей стране широко распространялись произведения иностранной литературы, что позволяло формировать определенное мировоззрение и картину мира у граждан. Что касается распространения собственного культурного влияния за пределами государства, то в разные исторические эпохи эти тенденции то усиливались, то ослабевали. К счастью, в настоящее время на государственном уровне были приняты ряд мер по наращиванию культурного и образовательного сотрудничества со многими государствами Азии, Африки, Латинской Америки и т. д. Реализация данных мер становится возможной, в частности, благодаря работе центров открытого образования на русском языке.

Далее мы покажем некоторые пути развития эмпатии при работе с художественным текстом на иностранном (русском) языке в рамках программ обучения, реализуемого центрами открытого образования русскому языку за рубежом. Как отмечалось ранее, сегодня возрастает роль взаимодействия России со многими странами Азии, Латинской Америки и Африки. Одним из наиболее активно развивающихся направлений по линии образовательного сотрудничества является Африка. С 2023 г. при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации открываются центры открытого образования на русском языке в Южно-Африканской Республике, Республике Намибия, Республике Зимбабве и Республике Ботсвана. Задачами данных центров являются популяризация русского языка и культуры; организация и проведение образовательных курсов, мероприятий просветительского, научно-методического, образовательного характера; формирование функциональной грамотности среди населения южноафриканских стран; повышение мотивации к изучению русского языка [Крузе, Безукладников, Вертьянова 2021].

С осени 2024 г. стартует программа обучения детей и взрослых русскому языку (функциональный аспект) в Республике Намибия. Данная программа реализуется центром открытого образования на русском языке «Пушкин-центр», являющимся подразделением при Отделе международной деятельности Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Модель обучения на первом этапе включает в себя 6 взаимосвязанных модулей: 1) «Функциональный русский: учимся писать по-русски»; 2) «Функциональный русский: учимся читать по-русски»; 3) «Функциональный русский: учимся считать по-русски»; 4) «Функциональный русский: учимся говорить по-русски»; 5) «Функциональный русский: Знаете ли вы Россию?»; 6) «Функциональный русский: Традиции русского речевого общения» [Крузе, Безукладников, Вертьянова 2021]. Согласно данной модели обучения работа с художественным текстом может быть реализована в рамках модулей по обучению чтению, письму, говорению, а также при работе со страноведческими материалами.

В контексте обучения функциональной грамотности работа с художественным текстом позволяет решать целый спектр задач: формировать навыки и развивать умения чтения, письма и говорения; повышать уровень социокультурной компетенции обучающихся; развивать

эмпатию и формировать уважительное отношение к другой культуре и традициям. Организуя работу с художественным текстом при обучении русскому языку как иностранному, мы имеем в виду, что сначала художественный текст используется как средство, наглядный материал для усвоения изучаемого языка, а далее он служит основой для приобщения инофонов к русской литературе. При этом первый этап является подготовительным для второго, так как понимание текста возможно лишь на основе хорошо усвоенной языковой базы. Начинать работу с художественным текстом целесообразно тогда, когда обучающиеся могут ориентироваться в нем, делить на смысловые части, отделять главное от второстепенного. Традиционно работа с текстом включает в себя три этапа – предтекстовый, притекстовый и послетекстовый. При разработке заданий на базе художественного текста акцент может ставиться на сюжетные события или характеристику героев, их душевное состояние, чувства, мировоззрение и т. д. Система предтекстовых заданий включает семантизацию незнакомой лексики, словообразование, объяснение новых синтаксических конструкций. Притекстовые задания разрабатываются по фрагментам текста. Послетекстовые задания представляют собой контроль понимания, пересказ содержания, обсуждение проблематики текста [Миксюк 2019].

В качестве базового учебно-методического комплекса, используемого при реализации программы обучения русскому языку (функциональный аспект) детей и взрослых в Республике Намибия, был выбран учебник «Поехали! Русский язык как иностранный. Начальный курс» С. И. Чернышова. Центральной задачей данного курса является обеспечение быстрого усвоения разных аспектов языка и видов речевой деятельности. Особенностью данного учебно-методического комплекса является возможность использования языка-посредника (английский, французский, немецкий). Отметим, что в Республике Намибия официальным статусом обладает английский язык, немецкий же принят в качестве одного из национальных языков. Что касается текстового материала, представленного в данном учебно-методическом комплексе, то тексты подразделяются на две группы сложности: с одной стороны, есть достаточно простые тексты, иллюстрирующие материал урока, а с другой – тексты для чтения повышенной сложности, которые можно использовать как в классе, так и для домашнего чтения [Чернышов 2009].

Среди текстов, относящихся к художественной литературе в учебно-методическом комплексе «Поехали! Русский язык как иностранный. Начальный курс» представлены фрагменты русских народных сказок, художественных автобиографий известных личностей, отрывки рассказов и повестей классических и современных авторов (Л. Н. Толстой, А. Т. Аверченко, С. И. Чернышов и других). Данные тексты могут успешно использоваться для развития способности к эмпатии у обучающихся. Развивать эмпатию средствами художественного текста возможно при определении базовых способностей и умений, составляющих ее основу. К данным умениям и способностям относят: 1) умения определять эмоции персонажей, осознавать и соотносить их с вербальной формой выражения; 2) умение находить в произведении маркирующие эмоции литературных героев, определять эмоции, исходя из текста; 3) умение определять эмоции героя, если в тексте слова-маркеры отсутствуют; 4) способность к эмоционально-личностной децентрации на основе отождествления себя с героями произведения, соотнесения их позиций и взглядов с собственным мнением [Лукьянова, Федорова 2017].

Развивать умение определять эмоции литературного героя, осознавать их и соотносить с вербальной формой выражения можно с помощью такого приема работы как нахождение в тексте слов и выражений, называющих эмоции героя. В рамках учебно-методического комплекса «Поехали! Русский язык как иностранный. Начальный курс» данное умение можно развивать с помощью следующих заданий: 1) назовите эмоции, которые вы знаете, определите какие из них относятся к положительным, нейтральным и отрицательным эмоциям, запишите новые слова и выражения по теме в свой словарь (предтекстовый этап); 2) прочитайте фрагмент художественного текста и определите в нём все возможные эмоции, которые испытывают персонажи (притекстовый этап); 3) выразите своё мнение относительно поведения персонажей, их мыслей и эмоций (послетекстовый этап). Эти приёмы позволяют внимательно относиться к тексту, находить в нём слова и выражения, называющие эмоции персонажей, учат осмыслять мотивы поступков и определять черты характера героев. Когда в художественном тексте отсутствуют слова и выражения, называющие эмоции героев, обучающиеся могут определить их по контексту. Одним из приемов здесь может стать анализ текста на предмет обсуждения смысла поступков героев, их мотивов. Данное умение

можно развивать, выполняя следующие задания: 1) посмотрите на картинку и предположите какими чертами характера обладают герои произведения (предтекстовый этап); 2) читая текст заполните таблицу, находя в тексте слова и словосочетания, создающие образность, воздействующую на разные каналы восприятия читателя (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние) (притекстовый этап); 3) опишите атмосферу, созданную автором в отрывке, подумайте как она соотносится с чувствами персонажей (послетекстовый этап).

Способность к эмоционально-личностной децентрации играет первостепенную роль в развитии эмпатии. Главными приемами здесь выступают отождествление и сравнение. Обучающемуся следует представить себя на месте персонажа, понять его мотивы и эмоции. Высокий уровень эмпатии стимулирует процессы смыслообразования, необходимые для успешного обучения.

Заключение

Контроль и управление своим внутренним ресурсом становятся неотъемлемым условием сохранения психологического и физического здоровья человека в постоянно меняющемся контексте жизнедеятельности. Эмпатия лежит в основе уважительного отношения человека к другим людям, будь то граждане своей страны или иностранцы. Эффективным и доступным способом развития эмпатии является чтение художественной литературы. Изучая культурные коды, содержащиеся в художественных произведениях той или иной страны, мы можем видеть особенности этносов и культур на глубинном уровне, сформировать своё отношение к полученным знаниям, сопоставить, принять или отвергнуть другие ценности, мнения и образ жизни. Развитая способность к эмпатии помогает участникам образовательного процесса выстраивать эффективное и психологически безопасное взаимодействие и достигать высоких академических результатов. Проявление доброты, любви и сострадания к самому себе и окружающим повышает удовлетворённость жизнью и содействует гармонизации всех сфер взаимодействия в социуме.

Список литературы

1. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4935068> (дата обращения 08.06.2024).
2. Гиппенрейтер Ю. Б., Карягина Т. Д., Козлова Е. Н. Феномен конгруэнтной эмпатии // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 61–68.
3. Крузе Б. А., Безукладников К. Э., Вертьянова А. А. Условия развития функциональной грамотности: Пушкин-центр как плацдарм для экспансии русского языка в ближнем и дальнем зарубежье // Язык и культура. 2021. № 53. С. 190–216.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : учебное пособие. М. : Смысл: Академия, 2004. 352 с.
5. Лукьянова Н. Н., Федорова И. В. Развитие эмпатии у младших школьников на уроках литературного чтения // Сибирский учитель. № 4 (112) 2017. С. 86–89.
6. Миксюк Р. В. Художественный текст на уроках русского языка как иностранного // Высшее техническое образование. 2019. Том 3, № 1. С. 59–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/viewer> (дата обращения 08.06.2024).
7. Некрасова М. В. Вопросы современной науки : коллект. науч. монография; (под ред. А. А. Еникеева). М. : Изд. Интернаука, 2018. Т. 31. Часть 1. 194 с.
8. Попова Н. С. Организация непрерывной подготовки учителя иностранного языка на основе формирования осознанности // Иностранные языки в школе. 2020. № 1. С. 17–23.
9. Попова Н. С. Художественный текст как средство развития эмпатии в иноязычном образовании // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 7. С. 47–54.
10. Роджерс К. Р. Становление личности: взгляд на психотерапию. М. : ИОИ, 2017. 240 с.
11. Романов, Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка) : дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. Тула, 2004. 496 с.
12. Фирсова Т. Г. Соотношение эмпатийного потенциала и литературного развития ребенка-читателя. Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Вып. 3 (15). С. 276–282.
13. Чернышов С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. 7-е изд. СПб. : Златоуст, 2009. 280 с.
14. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018. 512 с.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис, 2008. 496 с.

References

1. Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4935068> (accessed: 08.06.2024).
2. Gippenreiter Yu. B., Karyagina T. D., Kozlova E. N. Fenomen kongruentnoi empatii [The phenomenon of congruent empathy]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues]. 1993, no. 4, pp. 61-68. (In Russ.).
3. Kruze B. A., Bezukladnikov K. E., Vert'yanova A. A. Usloviya razvitiya funktsional'noi gramotnosti: Pushkin-tsentr kak platsdarm dlya ekspansii russkogo yazyka v blizhnem i dal'nem zarubezh'e [Conditions for the development of functional literacy: Pushkin Center as a springboard for the expansion of the Russian language in the near and far abroad]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2021, no. 53, pp. 190-216. (In Russ.).
4. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl: Akademiya, 2004, 352 p. (In Russ.).
5. Luk'yanova N. N., Fedorova I. V. Razvitie empatii u mladshikh shkol'nikov na urokakh literaturnogo chteniya [Development of empathy in primary schoolchildren during literary reading lessons]. *Sibirskii uchitel'* [Siberian teacher]. No. 4 (112) 2017, pp. 86-89. (In Russ.).
6. Miksyuk R. V. Khudozhestvennyi tekst na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo [Literary text in Russian as a foreign language lessons]. *Vyssee tekhnicheskoe obrazovanie* [Higher technical education]. 2019, vol. 3, no. 1, pp. 59-62. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/viewer> (accessed: 08.06.2024).
7. Nekrasova M. V. Voprosy sovremennoi nauki [Issues of modern science]. Ed. A. A. Enikeeva, Moscow, Internauka, 2018, vol. 31, part 1, 194 p. (In Russ.).
8. Popova N. S. Organizatsiya nepreryvnoi podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka na osnove formirovaniya osoznannosti [Organization of continuous training of a foreign language teacher based on the formation of awareness]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 2020, no. 1, pp. 17-23. (In Russ.).
9. Popova N. S. Khudozhestvennyi tekst kak sredstvo razvitiya empatii v inoyazychnom obrazovanii [Literary text as a means of developing empathy in foreign language education]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya* [Humanities studies. pedagogy and psychology]. 2021, no. 7, pp. 47-54. (In Russ.).
10. Rodzhers K. R. Stanovlenie lichnosti: vzglyad na psikhoterapiyu [Personality formation: a look at psychotherapy]. Moscow, IOI, 2017, 240 p. (In Russ.).
11. Romanov, D. A. Yazykovaya reprezentatsiya emotsii: urovni, funktsionirovanie i sistemy issledovaniya (na materiale russkogo yazyka) [Linguistic representation of emotions: levels, functioning and research systems (based on the material of the Russian language)]. Doctoral dissertation. Tula, 2004, 496 p. (In Russ.).
12. Firsova T. G. Sootnoshenie empatiinogo potentsiala i literaturnogo razvitiya rebenka-chitatelya [The relationship between empathic potential and literary development of a child reader]. *Izvestiya Saratovskogo univesiteta* [News of Saratov University]. 2015, iss. 3 (15), pp. 276-282. (In Russ.).
13. Chernyshov S. I. Poekhali! Russkii yazyk dlya vzroslykh [Go! Russian language for adults]. 7th ed.. Saint Petersburg, Zlatoust, 2009, 280 p. (In Russ.).
14. Chumakov A. N. Global'nyi mir: stolknovenie interesov [Global world: clash of interests]. Moscow, Prospekt, 2018, 512 p. (In Russ.).
15. Shakhovskii V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsii [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis, 2008, 496 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. С. Попова – кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра методики преподавания иностранных языков,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

N. S. Popova – Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor,
Department of Methods of Teaching Foreign Languages,
Perm State Humanitarian-Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 110–118.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 2. P. 110-118.

Научная статья
УДК 37.016:811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ (ТУРКМЕНСКИХ) СТУДЕНТОВ

Лариса Геннадьевна Кыркунова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, kyrkunovalg@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из актуальных вопросов РКИ – возможности использования русских пословиц в обучении иностранных студентов. Многие педагоги, филологи, методисты, преподаватели РКИ отмечают, что русские пословицы как материал для обучения РКИ не только способствуют эффективности обучения, соответствуют интересам и потребностям обучающихся, повышают их мотивацию к изучению русского языка, но и дают студентам возможность проникнуть в самые глубины культуры и ознакомиться с моделью русской национальной картины мира. В работах современных методистов показано, что существующие учебники и учебные пособия по РКИ, на первый взгляд, содержат достаточное количество материала не только для усвоения пословичных оборотов речи, но и для включения их в активное употребление. Обращение к русским пословицам на занятиях позволяет закрепить знания об их основных лингвистических особенностях. Однако осуществленные автором статьи исследования – в статье представлены результаты анкетирования, проведённого на базе филологического факультета ПГНИУ среди иностранных (туркменских) студентов, – позволяют утверждать, что иностранные (туркменские) студенты (а) в недостаточной степени знают русские пословицы, (б) не могут на основе пословиц составить качественный текст мини-сочинения, (в) неуверенно используют пословицы в спонтанной речи. Автор приводит перечень возможных форм осуществления работы над пословицами и предлагает систему заданий, направленных на освоение пословиц на занятиях РКИ. Лингвокультурологический потенциал русских пословиц, по мнению автора статьи, связан с тем, что в них сохраняются элементы традиционной русской культуры и национальные духовные ценности русского народа: любовь к Родине, значимость семьи и дома, уважение к окружающим, готовность к самопожертвованию, верность слову.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), пословицы русского языка, образовательный процесс, воспитательный аспект, аксиологический аспект, лингвокультурологический аспект.

Для цитирования: Кыркунова Л. Г. Использование русских пословиц в обучении иностранных (туркменских) студентов // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 110–118.

Originalarticle

THE USE OF RUSSIAN PROVERBS IN TEACHING FOREIGN (TURKMEN) STUDENTS

Larisa G. Kirkunova

Perm State University, Perm, Russia, kyrkunovalg@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the current issues of RCTs – the possibility of using Russian proverbs in teaching foreign students. Russian proverbs as a material for teaching Russian proverbs not only contribute to the effectiveness of teaching, correspond to the interests and needs of students, increase their motivation to learn the Russian language, but also give students the opportunity to penetrate into the depths of culture and familiarize themselves with the model of the Russian national worldview. In the works of modern methodologists, it is shown that existing textbooks and textbooks on RCTs, at first glance, contain a sufficient amount of material not only for the assimilation of proverbial revolutions, but also to include them in active use. An appeal to Russian proverbs in classes makes it possible to consolidate knowledge about their main linguistic features. However, the results of the

research article – the article presents the results of the survey conducted on the basis of the Faculty of Philology of the PRIU among foreign (Turkmen) students – it is allowed to assert that foreign (Turkmen) students (a) are not enough for Russian proverbs, (b) not They can, on the basis of proverbs, make a high-quality text of mini-processing, (c) uncertainly proverbs in spontaneous speech. The author gives a list of possible forms of working on proverbs and offers a system of tasks aimed at mastering proverbs in RCT classes. The linguoculturological potential of Russian proverbs, according to the author of the article, is due to the fact that the elements of traditional Russian culture and the national spiritual values of the Russian people are preserved in them: love for the homeland, the significance of the family and home, respect for others, readiness for self-sacrifice, loyalty to the word.

Keywords: Russian as a foreign language (RCT), proverbs of the Russian language, educational process, educational aspect, axiological aspect, linguoculturological aspect.

For citation: Kyrkunova L. G. The use of Russian proverbs in the training of foreign (Turkmen) students. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;2:110-118. (In Russ.).

Введение

Многие педагоги, филологи, методисты, преподаватели РКИ отмечают, что русские пословицы как материал для обучения РКИ не только способствуют эффективности обучения, соответствуют интересам и потребностям обучающихся, повышают их мотивацию к изучению русского языка, но и дают студентам возможность проникнуть в самые глубины культуры и ознакомиться с моделью русской национальной картины мира. Спектр работ, содержащих описание вариантов использования пословиц в практике обучения русскому языку в вузах, достаточно широк. Можно назвать авторов, чьи статьи посвящены обучению РКИ студентов из самых разных стран: Китая, Узбекистана, Италии, Испании (см., например: [Беженарь 2021; Негматова 2010 эл. ресурс; Слюсарева эл. ресурс; Шокаримова 2021; Цзюань 2018; Цзеюн 2022 и другие]).

Практически все авторы сходятся в том, что поговорки и пословицы – это своеобразные «миниатюрные поэтические произведения, в которых выражена народная мудрость, народная педагогика, народная оценка» [Цзюань 2018]. Пословицы и поговорки дают возможность проникнуть в другую систему мышления, познакомиться с другой системой ценностей, развивают мышление студентов, оказывают воспитательное воздействие. Исходя из этого, можно предполагать, что в практике РКИ пословицы могут использоваться как минимум в трёх взаимосвязанных аспектах:

- 1) как полноценное лингводидактическое средство;
- 2) как элемент системы воспитания иностранных студентов (формирования уважения к традициям и обычаям русского народа, адаптации к условиям жизни в российском обществе, восприятия его основных духовно-нравственных ценностей);
- 3) как элемент лингвокультурологии, обеспечивающий понимание русского национального характера, его силы и слабости, положительных и отрицательных качеств русского человека.

Поэтому знание русских пословиц способствует глубокому изучению языка и более точному пониманию образа мыслей и характера народа.

Основная часть

В рамках подготовки данной статьи нам показалось интересным определить уровень знаний русских пословиц туркменскими студентами, проанализировать систему их представлений о пословицах русского языка как особых речевых единицах и затем уже предложить некоторые приемы и способы введения пословиц в практику их обучения русскому языку. С этой целью на первом этапе исследования нами было проведено анонимное анкетирование туркменских студентов 1–4 курсов. В анкетировании приняли участие 20 человек: 5 юношей и 15 девушек. Возраст от 20 до 29 лет. Всего было задано 4 вопроса.

Первый из них касался общего (общетеоретического) представления о пословицах как особых единицах русской речи со стабильной структурой. Информанту нужно было сделать выбор между тремя возможными определениями пословицы или отметить вариант «Не знаю, что ответить». Были предложены на выбор следующие определения. (1) *Пословица – это законченное предложение с определённым смыслом поучительного характера* (= пословица). Его вы брали всего 2 человека! (2) *Пословица – это образная фраза или словосочетание, которые используются для красоты речи* (= поговорка). Это определение выбрали

4 человека. (3) *Пословица* – это образное выражение, вошедшее во всеобщее употребление из определенного фольклорно-литературного, публицистического или научного источника (= крылатые слова, входят в состав пословиц) – выбрали 11 человек. (4) Вариант «*Не знаю, что ответить*» выбрали 3 человека. Таким образом, первой проблемой в постижении туркменскими студентами пословиц русского языка является нечеткое, размытое представление о природе этого языкового явления. А в трёх случаях из 20 какое-либо теоретическое представление о пословицах у студентов отсутствует совсем.

Ответ на *второй* вопрос анкеты должен был выявить уровень практических знаний русских пословиц туркменскими студентами: написать, какие именно русские пословицы им известны. Все 20 человек указали в общей сложности чуть больше 35 пословиц. Некоторые пословицы назвали двое информантов, часть пословиц студенты вспомнили с трудом (назвали приблизительно).

Приведем в качестве примера только те ответы, которые содержат ошибки или воспроизведены неточно (в примерах сохранено исходное написание, в скобках приводится правильный вариант – Л.К.).

1. *В одном сердце две любви не держИтся* (= не держатся); *Дважды в год летО* (= лета) *не бывает*; *Друга НА(=за) деньги не купишь*; *ОднО у человека мать, однО у него и Родина* (= Одна у человека мать – одна и Родина). Эти ошибки можно объяснить слабым знанием отдельных морфологических категорий (например, категории рода), падежных форм, особенностей употребления предлогов (*купить на деньги – за деньги*).

2. *Век учись, век живи*; *Красна изба углами, а обед пирогами* (= не красна изба углами, а красна пирогами); *Кто ленив сохой, тому весь год плохой* (= кто ленив с сохой, тому весь год плохой); *Ласковое слово и кошке приятно* (= доброе слово и кошке приятно); *Старый друг лучше новых друзей* (= *старый друг лучше новых двух*). Допущенные в этих пословицах ошибки меняют смысл высказывания (*У семи нянек дитя без глаза* (= *У семи нянек дитя без глазу* (то есть без присмотра)); *век учись – век живи*, превращают высказывание в бессмыслицу (*кто ленив сохой, тому весь год плохой*) или разрушают ритм фразы (*ласковое слово и кошке приятно, старый друг лучше новых друзей*).

3. *Сила птицы в крыльях, сила человека в дружбе* (= птица сильна крыльями, а человек – дружбой); *Сделал дело – гуляй смело* (= кончил дело – гуляй смело); *Ты не узнаешь сладкого, если не знаешь горького* (= не отведав горького – не узнаешь сладкого). Эти фразы являются свободным пересказом пословиц, поскольку обучающиеся по-видимому воспроизводили их на память и не знали точного звучания. Можно предположить, что иностранные студенты в ряде случаев не понимают смысла высказывания или не понимают значений слов, входящих в их состав. Чтобы проверить это предположение, мы предложили информантам выписать слова с неизвестным им значением (*вопрос 3*). Результаты отражены в следующей таблице (сохранена исходная орфография – Л.К.) (см. Табл. 1).

Таблица 1. Неизвестные компоненты русских пословиц

Пословица	Слово с неизвестным значением
<i>Ласковое</i> (= доброе) слово и кошке приятно	ласковое
Ученье свет, а неученье – тьма	тьма
Почитай учителя, как своего родителя	почитай
На чужой каравай рот не разевай	разевай
Не будет скуки, <i>когда</i> (= коли) заняты руки	скуки
Добрая земля – полная мошна, худая земля – пустая мошна	мошна
Баба с возу – кобыле легче	кобыле
В безлавочной избе и на полу ляжешь	безлавочной
Терпенье и труд все перетрут	перетрут
От горшка три вершка (= два или три)	вершка
Хочешь есть калачи, так не сиди на печи	калачи (2 чел)
<i>Праздность – мать пороков</i> (= безделье – мать всех пороков)	праздность, пороков
<i>Красна пава перьем, а человек ученьем</i> (= Красна птица перьем, а человек уменьем)	пава
Сядем рядком да поговорим ладком	ладком
Доброе дело без награды не остается	награды
Терпенье и труд все перетруд	перетруд
<i>Без хорошего труда нет</i> (= хорошего плода)	плода

Пословица	Слово с неизвестным значением
Труд кормить, а лен портить	кормить
Сперва аз, (= да) буки, потом и все науки	буки
Не стыдно молчать, коли нечего сказать	коли
Весна красна цветами, а осень – снопами	сноп
<i>Без худа добра не бывает</i> (= нет худа без добра)	без худа
Делу – время, потехе – час.	потеха
Береги Родину, как зеницу ока	зеница ока

Примечательно, что в некоторых ответах появились новые пословицы. Но практически в каждой приведённой пословице какой-либо компонент не ясен информанту. И здесь мы встречаем неточное воспроизведение ряда пословиц: *Ласковое* (= доброе) *слово и кошке приятно*; *Праздность – мать пороков* (= безделье – мать всех пороков); *Красна пава перьем, а человек ученьем* (= красна птица перьем, а человек уменьем); *Без худа добра не бывает* (= нет худа без добра). Среди слов, значения которых непонятны студентам, есть устаревшие и устаревающие: *мошна, кобыла, верики, калачи, ладком, буки*; другая группа – слова, значение которых затемнено многозначностью или совпадением форм: *почитать, разевать, скука, кормить* и т. д.

Таблица 2. Пословицы туркменского языка и их русские аналоги

Туркменские пословицы	Перевод на русский язык	Аналогичные русские пословицы
Yigidi dostundan tana.	Каков друг, такой и ты	Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты.
Iki gocyn kellesi bir gazandagayn amaz.	Две головы козла в одном казане не варятся.	Два медведя в одной берлоге не живут.
Dost yuzune aydar, dusman yzyndan.	Друг в лицо, враг за спиной говорит.	Правду говорить – друга не нажить.
Ar namysy-il namysy.	Честь мужчины – честь страны.	Береги честь смолоду.
Az bolsun-saz bolsun..	Пусть будет мало, но красиво.	Мал золотник, да дорог.
Adamy tanamarsyn eger bile yasa masan.	Человека не узнаешь, пока с ним вместе не живешь.	С человеком надо вместе съесть пуд соли, чтобы его узнать.
Ot bilen oyun etme ozin yanarsyn.	Играешь с огнем – сгоришь сам.	Не играй с огнем.
Bagtly bolmak pulda dal ylymda	Не золото – богатство, а знание.	Знание – сила.
It uyrer kerwen gecer	Собака лает, караван идет вперед	Собака лает, ветер несет.
Bir elde iki garpyz tutdurmaz	Два арбуза одной рукой не удержать	За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Не два горошка на ложку.
Gamsy gowsak tutsan elini gyuar	Если камыш держать свободно, он руку режет.	Не играй, кошка, углем, лапу обожжешь.
Yagsylyga yagsylyk her kisinin isidir, yamanlyga yagsylyk ar kisinin isidir.	На добро отвечать добром – дело каждого, а на зло добром – дело отважного.	Дружбу помни, зло забывай.
Atasyz ogul – yetim, enesiz ogul – yesir.	Ребенок без отца – сирота, без матери – раб.	Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота.
Gowni acygyn yoly acyk-	Открытому сердцу дорога открыта.	Куда сердце лежит, туда и око глядит.
Ene-atany gowni ogulda gyzda, ogul gyzynky dag bilenduzde-	Сердце отца и матери в детях, сердце сына и дочери в горах и степях.	Родительское сердце в детях, а детское в камушке.
Gereksiz dasyn gadry bolmaz.	Камень, который нужен, не тяжел.	Своя ноша не тянет.
Bela bir ozi gelmeyar-	Беда одна не приходит.	Пришла бела – открывай ворота. Беда приходит незваной.

Ответ на **четвертый** вопрос анкеты должен был показать, в какой степени туркменские студенты знают пословицы родного языка и способны соотносить их с русскими пословицами. Информантам было предложено перечислить известные им туркменские пословицы и привести их русские аналоги. Результаты представлены в табл. 2 (сохранена первоначальная орфография – Л.К.).

Четвёртое задание оказалось самым трудным. Тем не менее данные табл. 2 показывают, что туркменские студенты знают некоторые пословицы родного языка, могут дать их перевод и соотнести с пословицами русского языка. Однако объём таких знаний невелик: 17 пословиц на 20 опрошенных. Ещё более показательными стали результаты *второго этапа* исследования: *мини-сочинение по русской пословице*. Участвовать в этой работе согласились пятеро туркменских студентов. Им были предложены следующие русские пословицы: *Друг познается в беде; Готовь сани летом, а телегу зимой; Грамоте учиться – всегда пригодится; Человек без друзей – что дерево без корней*.

Студентами были составлены тексты, из которых хотелось бы привести в качестве примеров два сочинения на тему *Друг познаётся в беде* (сохранено авторское написание – Л.К.).

1. Эта пословица означает, что если у тебя жизненных трудности будут первый очередь помагают родители, а потом настоящий друг. У нас тоже это пословица даёт такой же смысл. Она дословно переводится на русский язык. Друг познается в беде. Здесь в пословице очень правильно сказано. Друг познается в беде. Можно употребить эту пословицу когда у тебя трудная ситуация или ты оказался в беде.

Отметим в качестве положительных сторон работы, что автор попытался оценить пословицу, сопоставив её с известной ему туркменской, определил её смысл, выстроив иерархию тех близких людей, кто способен помочь в трудную минуту. Однако дальнейшего развития мысли в тексте нет: не приведено ни одного примера; нет указаний на то, в каких педагогических ситуациях уместно использовать эту пословицу.

2. Эта пословица означает, что настоящий друг тот, кто остаётся рядом и помогает в трудные моменты. В туркменском языке тоже есть это пословица. Если переводить дословно эту пословицу, то получается: «В трудные времена познаёшь, кто друг, кто враг».

Я согласен с мнением, отраженным в этой пословице. Потому что, когда у человека все хорошо, многие могут оказаться друзьями, но настоящая дружба проявляется именно в трудные времена, когда друг готов оказать поддержку и помощь, без ожидания вознаграждения. Когда вам приходится помогать кому-то в беде, и вы понимаете что из ваших друзей на самом деле ценит вашу дружбу.

Вывод. Эта пословица актуальна в любых обстоятельствах, когда важно понимать, кто на самом деле стоит рядом и готов помочь в сложные моменты.

Второй текст значительно объёмней первого, в нём находим некоторое движение мысли. Однако развитие этой мысли приводит к неожиданному заключению: когда мы кому-либо помогаем, становится очевидным, кто ценит нашу помощь, а кто нет. А это уже какое-то новое звучание: этого смысла нет в исходной пословице. Вот в таких случаях, конечно, необходимы разъяснения преподавателя, глубокий анализ пословицы на этапе работы над ошибками.

Использование русских пословиц как лингводидактического средства. Авторы многих учебников и учебных пособий по РКИ пытаются использовать пословицы в качестве полноценного дидактического материала. В частности, В. Л. Осипович и Н. М. Болбас дают обзор использования в методических целях русских пословиц и поговорок в современных белорусских и российских учебниках и учебных пособиях по РКИ, отмечая, что методисты предлагают преподавателям разнообразные приёмы введения пословиц в процесс изучения русского языка: для изучения отдельных падежных форм и предложно-падежной системы в целом, понимания смысла текста, национально-культурного фона, выполнения грамматического задания определённого типа [Осипович, Болбас 2020: эл. ресурс].

Попытку представить русские пословицы как дидактический материал в относительно систематизированном виде предприняли российские авторы Г. И. Канакина, Е. В. Викторова в учебном пособии «Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции» [Канакина, Викторова 2016]. Они предложили упражнения с использованием пословиц для изучения практически всех разделов русского языка:

фонетики, лексики, словообразования, синтаксиса, а также для изучения изобразительно-выразительных возможностей русского языка. Действительно, способов введения пословиц и поговорок в структуру занятия на сегодняшний день предлагается достаточно много: заучивание пословиц и поговорок; их перевод на другие языки; анализ устных высказываний; составление ситуаций и диалогов; написание сочинений; сопоставление русских пословиц с пословицами родного языка; выполнение на материале пословиц грамматических заданий и т. д.

Включение пословиц в структуру занятий РКИ обогащает словарный запас иностранных студентов, помогает им усвоить образный строй языка, развивает память, позволяет учиться правильно отбирать лексические единицы, работать над выразительностью речи. Задания, связанные с поиском средств эквивалентного перевода пословиц на любой иностранный язык, развивают переводческие навыки и умения, стимулируют интерес к работе со словарями и справочниками.

При этом многие методисты отмечают, что обращение к пословицам на занятиях РКИ, к сожалению, пока не является до конца продуманным и методически осмысленным. Это подтверждают, кстати сказать, и результаты нашего исследования.

Как отмечает К. М. Шаповалова, «существует теоретическая и практическая недостаточность в разработке проблемы изучения пословиц в методике преподавания РКИ: отсутствие систематического представления изложенного материала в программах РКИ для всех уровней владения общим языком; недостаточное внимание, уделяемое изучению паремиологической основы русского языка на уроках в иностранной аудитории; ограниченное количество пословиц на курсах русского языка для иностранцев» [Шаповалова 2022]. Автор также отмечает, что пословицы и поговорки лишь «вскользь рассматриваются в учебниках РКИ на среднем уровне и уже более детально на высоком уровне» [там же: 91]. Присоединимся к мнению К. М. Шаповаловой о том, что использование пословиц и поговорок на занятиях по русскому языку в вузе должно быть целенаправленным и систематическим, материал должен соотноситься с темой занятия, быть посильным для восприятия обучаемых [там же].

На наш взгляд, на занятиях РКИ, помимо предлагаемых методистами приёмов использования пословиц для рассмотрения отдельных лингвистических явлений можно использовать систему заданий по русским пословицам. Эта системная работа должна предполагать прохождение иностранными студентами трех шагов, включающих по форме организации индивидуальную – парную – групповую (интерактивную) работу, а по степени трудности представляющую собой последовательность заданий от знакомства с пословицей до свободного владения ею и незатрудненного использования в речи.

На этапе *индивидуальной работы* задания могут быть следующими.

1. Прочитайте русскую пословицу. Обратите внимание на форму выражения смысла, морфологические и синтаксические особенности, ритм фразы, созвучие окончаний слов. Опишите (устно) эти особенности.

2. Выпишите все непонятные слова и найдите перевод значений этих слов в «Толковом словаре русского языка». Выясните у преподавателя, в каких именно значениях используются слова в этой пословице. Ответы запишите.

3. Внимательно прочитайте текст, раскрывающий смысл русской пословицы. Объясните, какие представления русских людей отражает пословица.

4. Подберите к этой пословице аналог в родном языке. Полностью ли совпадает смысл? Если есть несовпадения смысла пословиц, объясните, в чем они заключаются.

5. Составьте 2–3 предложения с использованием этой пословицы. Предложения запишите в тетрадь, попросите преподавателя их проверить.

6. Напишите сочинение (составьте рассказ) по русской пословице. Приведите в тексте сочинения свои примеры.

На этапе *парной работы* могут быть предложены следующие задания.

7. Разделившись на пары, поменяйтесь работами и проверьте сочинение друг у друга. Оцените проверенное сочинение и напишите короткую рецензию, в которой в корректной форме отразите достоинства и недостатки работы однокурсника.

8. Подберите к тексту вашего сочинения (рассказа) иллюстрации. На основе собранных материалов составьте презентацию.

Групповая (интерактивная) работа может осуществляться в следующем виде.

9. Разделившись на две команды, организуйте просмотр презентации и ее обсуждение. Одна команда подбирает аргументы в поддержку смысла, который передает пословица (и текст), другая является ее оппонентом. Выберите судей (арбитров) и ведущего, который будет следить за регламентом дискуссии.

10. Проведите в группе конкурс рассказов (сочинений) по пословицам. Выберите три лучшие работы. Объясните свой выбор, приведите аргументы.

Тексты для осмысления содержания пословиц могут быть предложены обучающимся в готовом виде. Например: *Без труда не вынешь (не выловишь и) рыбку из пруда*

Эта очень известная русская пословица сообщает важный жизненный закон: чтобы выполнить любое, даже самое несложное дело, нужно приложить усилия. Только в сказках всё получается волшебным образом: вёдра сами приносят из колодца воду, телега сама движется, прекрасный дворец всего за одну ночь сам строится. А в жизни всё бывает по-другому: если хочешь добиться какого-то результата, нужно хорошенько потрудиться, приложить старание. И даже, казалось бы, простое дело – поймать рыбку в пруду, – требует умения, ловкости и терпения. (см. об этом: [Тихомирова, Кыркунова 2021]).

Заключение

Таким образом, анкетирование позволяет сделать вывод, что иностранные студенты в недостаточной степени знают русские пословицы. Они выделяют пословицы в речи, ощущают их афористичный и назидательный характер. Тем не менее узнать точное определение пословицы смогли только 2 человека из 20 (то есть 10 % от общего числа информантов). Это означает, что осуществляемой учебной работы недостаточно для решения лингводидактических задач, связанных с пословичными выражениями. Необходимы дополнительные усилия, связанные с рассмотрением теоретических аспектов русских пословиц. Изучение истории возникновения, значения, лингвистических особенностей, особенностей употребления той или иной пословицы в речи и т. д. должно быть систематическим и осуществляться под контролем и при участии преподавателя – носителя русского языка.

Кроме того, отдельного внимания требует работа, связанная с употреблением русских пословиц в речи иностранных студентов. Для этого обучаемым нужно понимать (1) значение каждого речевого элемента, входящего в состав пословицы, (2) общий смысл пословицы, а также (3) знать, в каких ситуациях общения та или иная пословица может быть употреблена и какое ценностное значение она передаёт. Все эти знания помогут туркменским студентам (4) развить умение правильно использовать пословицы в спонтанной речи. Помимо разрозненных упражнений, в которых пословицы используются до сих пор на занятиях по РКИ для демонстрации отдельных языковых явлений и/или единиц языка, может быть реализована система заданий, включающая различные формы индивидуальной, парной и групповой (интерактивной) работы на материале пословиц и текстов, посвящённых их анализу. Работа с готовыми текстами, как показывает практика, позволяет сэкономить время на занятии и облегчить преподавателю достижение цели и задач обучения.

В целом использование на занятиях по РКИ в вузе пословиц и готовых текстов, посвящённых их толкованию, должно быть целенаправленным и систематическим, материал должен соотноситься с темой занятия, быть посильным для восприятия обучаемых.

Список литературы

1. Акишина А. А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акиншина, О. Е. Каган. М. : Русский язык. Курсы. 2010. 256 с.
2. Беженарь О., Павоне М. Пословицы на уроке русского языка как иностранного в итальянской аудитории. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-russkih-poslovits-i-pogovorok-ego-izuchenie-na-urokah-russkogo-yazyka> (дата обращения: 09.12.2023).
3. Канакина Г. И., Викторова Е. В. Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции : учеб. пособие / под. ред. Г. И. Канакиной. 3-е изд. стер. М. : Флинта: Наука, 2016. 144 с.
4. Карзенкова Е. П., Машарипова Г. У. Репрезентация представлений об уме и глупости в русских и туркменских поговорах и пословицах // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 6–16.

5. Конищева А. В. Использование пословиц при обучении иностранному языку в вузе // Современные технологии в образовании : материалы междунар. научно-практ. конференции, 23–24 ноября 2017 г. / БНТУ; редкол.: С. В Харитончик (гл. ред.) [и др.]. Минск : БНТУ, 2017. Ч. 2. С. 195–199. URL: <https://rep.bntu.by/handle/data/38161> (дата обращения: 01.03.2024).

6. Магировская О. В. Национально-культурные особенности лингвистической картины мира на материале английских и русских пословиц и поговорок : учеб. пособие по английской филологии. Красноярск : РИО КГПУ, 2004. 116 с.

7. Негматова М. М. О пословицах и поговорках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-poslovitsah-i-pogovorkah> (дата обращения: 02.03.2024).

8. Осипович В. Л., Болбас Н. М. Формирование социокультурной компетенции иностранных студентов на основе изучения русских пословиц и поговорок // Непрерывная система образования «Школа – университет». Инновации и перспективы : сб. статей IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию БНТУ, Минск, 29–30 октября 2020 г. / БНТУ; редкол.: О. К. Гусев, Н. А. Афанасьева, Е. К. Костюкевич. Минск : БНТУ, 2020. С. 275–278.

9. Слюсарева А. А. Использование пословиц и поговорок в обучении иностранным языкам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-russkih-poslovits-i-pogovorok-ego-izuchenie-na-urokakh-russkogo-yazyka> (дата обращения 26.02.2024).

10. Тихомирова Л. С., Кыркунова Л. Г. Практикум по русскому языку : учебные материалы для занятий с иностранными студентами. Грамматика. Часть II. Пермь : Изд-во ПГНИУ. 2021. 132 с.

11. Чжан Цзеюн. Проблема лингвокультурологического изучения пословиц и поговорок // Преподаватель XXI в. 2022. № 4. Часть 2. С. 473–480. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-lingvokulturologicheskogo-izucheniya-poslovits-i-pogovorok> (дата обращения: 27.03.2024).

12. Чжан Цзюань. Использование русских пословиц и поговорок в обучении русскому языку китайских студентов // Вестник науки и образования. 2018. Т. 1. № 2 (38). С. 73–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-russkih-poslovits-i-pogovorok> (дата обращения: 03.03.2024).

13. Шаповалова К. М. Пословицы и поговорки на занятиях по русскому языку как иностранному. 2022. С. 90–94. URL: upload.pgu.ru/iblock/8ad/.../11zon_cropped_PDF_98 (дата обращения: 18.03.2024).

14. Шокаримова К. А. Язык русских пословиц и поговорок, его изучение на уроках русского языка. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-russkih-poslovits-i-pogovorok-ego-izuchenie-na-urokakh-russkogo-yazyka> (дата обращения: 23.03.2024).

References

1. Akishina A. A., Kagan O. E. Uchimysya učit'. Dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo [Let's learn to teach. For teachers of Russian as a foreign language]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 2010, 256 p. (In Russ.).

2. Bezhenar' O, Pavone M. Poslovitsy na uroke russkogo yazyka kak inostrannogo v ital'yanskoj auditorii [Proverbs in a lesson of Russian as a foreign language in an Italian classroom]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-russkih-poslovits-i-pogovorok-ego-izuchenie-na-urokakh-russkogo-yazyka> (accessed: 09.12.2023).

3. Kanakina G. I., Viktorova E. V. Russkaya poslovitsa kak sredstvo formirovaniya yazykovoi i sotsiokul'turnoi kompetentsii [Russian proverb as a means of developing linguistic and sociocultural competence]. Ed. G. I. Kanakina, 3th ed.. Moscow, Flinta: Nauka, 2016, 144 p. (In Russ.).

4. Karzenkova E. P., Masharipova G. U. Reprezentatsiya predstavlenii ob ume i gluposti v russkikh i turkmenskikh polovitsakh i pogovorkakh [Репрезентация представлений об уме и глупости в русских и туркменских половицах и поговорках]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 4, pp. 6-16. (In Russ.).

5. Konysheva A. V. Ispol'zovanie poslovits pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze / A. V. Konysheva [The use of proverbs when teaching a foreign language at university]. *Sovremennye tekhnologii v obrazovanii* [Modern technologies in education]. Minsk, BNTU, 2017, part 2, pp. 195-199. (In Russ.). Available at: <https://rep.bntu.by/handle/data/38161> (accessed: 01.03.2024).

6. Magirovskaya O. V. Natsional'no-kul'turnye osobennosti lingvisticheskoi kartiny mira na materiale angliiskikh i russkikh poslovits i pogovorok [National and cultural features of the linguistic picture of the world based on English and Russian proverbs and sayings]. Krasnoyarsk, RIO KGPU, 2004, 116 p. (In Russ.).

7. Negmatova M. M. O poslovitsakh i pogovorkakh [About proverbs and sayings]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-poslovitsah-i-pogovorkah> (accessed: 02.03.2024).

8. Osipovich V. L., Bolbas N. M. Formirovanie sotsiokul'turnoi kompetentsii inostrannykh studentov na osnove izucheniya russkikh poslovits i pogovorok [Formation of sociocultural competence of foreign students based on the study of Russian proverbs and sayings]. *Nepreryvnaya sistema obrazovaniya «Shkola – universitet». Innovatsii i perspektivy* [Continuous education system "School - University". Innovation and perspectives]. Minsk, BNTU, 2020, pp. 275-278. (In Russ.).

9. Slyusareva A. A. Ispol'zovanie poslovits i pogovorok v obuchenii inostrannym yazykam [The use of proverbs and sayings in teaching foreign languages]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-russkih-poslovits-i-pogovorok-ego-izuchenie-na-urokah-russkogo-yazyka> (accessed 26.02.2024).

10. Tikhomirova L. S., Kyrkunova L. G. Praktikum po russkomu yazyku [Russian language workshop]. Part II, Perm, PGNIU, 2021, 132 p. (In Russ.).

11. Chzhan Tszetsyun. Problema lingvokul'turologicheskogo izucheniya poslovits i pogovorok [The problem of linguistic and cultural study of proverbs and sayings]. *Prepodavatel' XXI v.* [Teacher of the XXI century]. 2022, no. 4. part 2, pp. 473-480. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-lingvokul'turologicheskogo-izucheniya-poslovits-i-pogovorok> (accessed: 27.03.2024).

12. Chzhan Tszuyan'. Ispol'zovanie russkikh poslovits i pogovorok v obuchenii russkomu yazyku kitaiskikh studentov [Using Russian proverbs and sayings in teaching Russian to Chinese students]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. 2018. Vol. 1, no. 2 (38), pp. 73-77. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-russkih-poslovits-i-pogovorok> (accessed: 03.03.2024).

13. Shapovalova K. M. Poslovitsy i pogovorki na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Proverbs and sayings in classes in Russian as a foreign language]. 2022, pp. 90-94. (In Russ.). Available at: upload.pgu.ru/iblock/8ad/.../11zon_cropped_PDF-_98 (accessed: 18.03.2024).

14. Shokarimova K. A. Yazyk russkikh poslovits i pogovorok, ego izuchenie na urokakh russkogo yazyka [The language of Russian proverbs and sayings, its study in Russian lessons]. 2021. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-russkih-poslovits-i-pogovorok-ego-izuchenie-na-urokah-russkogo-yazyka> (accessed: 18.03.2024).

Информация об авторе

Л. Г. Кыркунова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра педагогики, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about author

L. G. Kirkunova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Pedagogy, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 10.05.2024.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

---

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2024. № 2.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 08.08.2024. Дата выхода в свет 09.08.2024.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № 967.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:
<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>
Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.
Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.